

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СКОТТ Г. ДЖИР
**ПЛЕННИКИ
ГЕНЕЛЛАНА
I**

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СКОТТ Г. ДЖИР

ПЛЕННИКИ ГЕНЕЛЛАНА I

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1996

ББК 84 (7 США)

· Д 84

УДК 820 (73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского С. Н. Самуилова

Редактор Н. Г. Нестеровская

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения являются противоправными и преследуются по закону.

Права на издание приобретены через литературное агентство «Права и переводы», г. Москва

Джир Скотт Г.

Д 84 Пленники Генеллана: Роман в двух томах. Т. 1/Пер. с англ. С. Н. Самуилова. — Смоленск: Русич, 1996. — 368 с. — (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-488-X

ISBN 5-88590-489-8 (т. 1)

В глубины бескрайнего космоса забрасывает автор героев своего романа. Группа землян оказывается на прекрасной планете Генеллан, населенной удивительными крылатыми существами. Благополучию доверчивых местных жителей угрожает опасное соседство Северной Гегемонии, которой правит коварный император Джук Первый. Ради обладания секретом сверхсветовых перелетов он готов на все.

С 8400000000

ISBN 5-88590-488-X

ISBN 5-88590-489-8

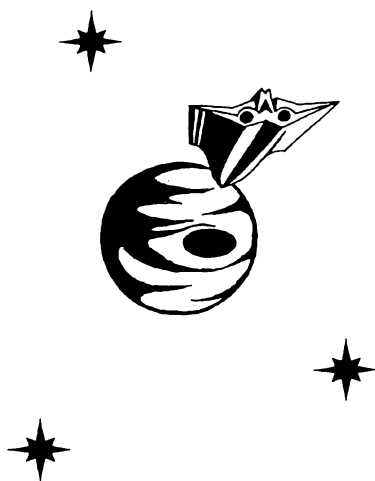
© «Genellan: Planetfall» by Scott G. Gier, 1995

© Перевод. С. Н. Самуилов, 1995

© Разработка и оформление серии. «Русич», 1996

Часть I

НОВЫЙ МИР

ГЛАВА 1. СРАЖЕНИЕ

«Мы — покойники», — мелькнуло в голове у Буккари. Из-под пропитанной потом шапочки скатилась тяжелая капля и медленно поползла вниз по лбу. Она тряхнула головой — не хватало только этого! В тот же миг система контроля влажности — слава Богу, все защитные костюмы снабжены ею — включилась, второй пилот от перемены давления сделала глубокий вдох.

— Перезарядка кинематики, — сообщила она, прерывая гнетущую тишину, и подняла голову. Первый пилот «Харриера-1» сидел неподвижно, тупо уставившись на тактический голографический дисплей.

— Вы меня поняли? — раздраженно спросила Буккари, переключаясь на интерком кабины экипажа, лишив остальных членов команды возможности слышать их разговор.

Первый пилот словно очнулся от сна, тяжело повернув голову; золотистый козырек шлема на миг вспыхнул, поймав и отразив ослепительные лучи Рекс-Калифа, местного солнца.

— Д-да, лейтенант, я понял, — пробормотал он.

Этот ответ, естественно, не успокоил Буккари, скорее, наоборот. Повернувшись, насколько позволяли крепления акселерационного кресла, она бросила взгляд на Хадсона, склонившегося над приборами в своей рубке.

— Нэш, положение флота? — потребовала женщина.

— Без изменений, Шал, — голос второго офицера прозвучал возбужденно-нервно. — Мощность главного двигателя падает, а машинное отделение не отвечает.

Буккари быстро перевела взгляд на свой экран: зеленые цифры в левом углу подтверждали тревожное сообщение Хадсона.

— Проклятие! — яростно прошептала она, отчаянно пытаясь перевести систему управления в аварийный режим.

Хадсон громко вздохнул:

— Бесполезно, я уже пробовал.

— Командир, главные двигатели сейчас остановятся! — крикнула Буккари. — Компьютер не подчиняется командам перехода на аварийный режим. Остаемся на маневровых.

Она откинулась на спинку кресла и снова взглянула на тактический дисплей: яркая точка, обозначающая вражеский корабль-перехватчик, сместилась ближе к центру. Маневр понятен — готовится новая атака. Буккари шумно вздохнула и вскинула голову: первый пилот корвета, словно замороженный, сидел в том же положении, не изменив позы.

— Командор Квинн! — окликнула она.

Тот, словно нехотя, пошевелился, повернулся к ней — ее собственное отражение появилось на козырьке его шлема, затем, дрогнув, исчезло.

— Мистер Хадсон, — проговорил Квинн, — у нас есть еще десять минут, прежде чем этот жук выползет на линию огня. Отправляйтесь в машинное отделение и выясните, что там случилось.

Хадсон кивнул, быстро отстегнул коннекторы и, оттолкнувшись от кресла, проплыл по кабине экипажа; нырнув в люк, он исчез в глубине корабля. Створки легко захлопнулись за ним, издав противный чмокающий звук.

Буккари уставилась на экран — черная бездонная пропасть космоса, чью глубину только подчеркивали редкие светлячки-звезды, простиралась перед ней. А вот и противник — яркие серебряные вспышки, как копья, пронзающие тьму, в пределах прямой видимости. Чужаки! Вот она, встреча с иной цивилизацией — себе на голову. И надо же было сунуться в этот чертов клоповник! Вся система, куда ни ткнишь, одни чужаки! Да, Легион получил хорошую трепку.

«Харриер-1» уничтожил два вражеских корабля; она даже видела через цифровую оптику лазерной пушки, как взорвался один из них. Правда, через несколько секунд мощный удар потряс корвет, выведя из строя орудие.

На консоли, регистрирующей состояние окружающей среды, замигал предупредительный индикатор радиации. Второй пилот оглянулась.

— Что там, Шал? — спросил Квинн. — Серьезное повреждение?

— Фоновая радиация, — успокоила его Буккари. — Уровень постоянный, так что причина не во взрыве. Возможно, вспышки на Рекс-Калифе: солнечные пятна — звезда-то горяченькая!

Тусклый свет звезд, проникающий через обзорные экраны, заливал кабину, и фигуры пилотов отбрасывали резкие серые тени.

— Похоже, у «Гренландии» плохи дела, — мрачно заметил Квинн. — Ей досталось по первое число.

— Меня больше беспокоит этот корабль, — резко заметила Буккари.

— Да, — согласился Квинн. — Вы, конечно, правы — выбора у нас нет.

Он нажал кнопку командной связи, Буккари устало закрыла глаза.

— Внимание всем! — объявил Квинн. — Последнее сообщение и... конец связи. Покинуть корабль. Повторяю: покинуть корабль. Использовать ВПМ* и спасательные шлюпки. Двухминутная готовность.

Буккари вздрогнула, будто от удара.

— Но ведь это бессмысленно: ВПМ и спасательные шлюпки — безоружны... и беззащитны, — подумалось ей.

— Полная перезарядка, — словно не слыша командира, скомандовала она. — Вооружение...

— Поторапливайтесь, лейтенант, — прервал ее Квинн. — Вы же пилот ВПМ. Это приказ. Остальное закончу сам.

* ВПМ — Внутриатмосферный Планетарный Модуль (прим. перев.).

Буккари отсоединила коннекторы, но выйти не успела — из лока протиснулась могучая фигура старшего инженера. С трудом не задев лейтенанта, уоррент-офицер Родс плюхнулся в кресло второго офицера и пристегнул ремни. В проеме возник Хадсон, но и ему не удалось пройти с первой попытки: мешали шлем и широкие плечи.

— Подключите лазерную пушку к основному генератору! — закричал Родс.

Квинн раздраженно повернулся к нему.

— Что? Пушку? Вы же знаете, что главный генератор не работает! Чем вы там, ребята, занимались? Почему не выходили на связь?

Родс поднял руки, призывая пилота к тишине: пока тот говорил, инженер не мог ответить.

— Голдберг прочистила и перемотала ионизаторы, — начал Родс.

— Но реактор... — прервала его Буккари, включив индивидуальную связь.

— Сеть под напряжением, — ответил Родс. — Я воспользовался запасным контуром. Вот почему не было связи. Надеюсь, перегрузки не будет. Система автоконтроля вышла из строя, так что вести огонь придется через ручное управление.

Квинн, повернувшись к командной консоли, нажал кнопку, вызывая боевую рубку.

— Боевой расчет, вы на связи?

Боевая рубка, располагавшаяся двумя палубами ниже, ответила без промедления.

— Да, сэр, — донесся раскатистый голос Уилсона. — Я отправил Шмидта и Тукманияна к спасательным шлюпкам. Что там у вас?

— Оставайтесь на месте. У нас есть еще один шанс: появилась возможность ударить хотя бы разок. Уточните ваше положение и приготовьтесь. Поняли меня?

— Хм... Вас понял, сэр, — пророкотал Уилсон. — Без шуток? Они используют защитный экран, но, очевидно, проблем с трекингом у нас не будет — эффект Доплера. По моим прикидкам, у нас в запасе не более семи-восьми минут. Не знаю, что вам говорит Вирджил, но, на мой взгляд, перегрузка нам пока не грозит.

Буккари посмотрела на Родса, инженер поднял вверх большой палец — все о'кей.

— Хорошо, канонир, — сказал Квинн. — В режиме контроля придется поработать вручную, а подача энергии пойдет через вспомогательный контур. Готовьтесь.

Буккари бросила взгляд на тактический дисплей — корабль чужаков прошел верхнюю точку поворота.

— Садитесь на место, Шал, — приказал Квинн, — и займитесь боевой рубкой.

Она опустилась в кресло, пристегнулась и приготовилась к проверке состояния боеготовности.

— Это машинное отделение, — Родс переключился на интерком. — Голдберг залатала цепь. Перехожу на основной, — он неуклюже двинулся к выходу, ухитрившись задеть обоих пилотов: Квинна плечом, а Буккари бедром.

— Мистер Хадсон, на вас ВПМ, — внезапно сказал Квинн. — Позаботьтесь об эвакуации — боевой состав и все незанятые члены экипажа должны покинуть корвет.

— Сэр? — встрепенулся Хадсон. — Но я же не... Это не моя работа.

— Вы слышали? — повысила голос Буккари. — Теперь ваша!

— Но... — не унимался Хадсон.

— Выполняйте, мичман! — рявкнул Квинн. — Шевелитесь!

Хадсон что-то пробормотал, отстегнул ремни и выплыл из кабины — этот сложный маневр никогда не вызывал у него затруднений. Буккари снова занялась консольной панелью, Родс и Уилсон обсуждали подготовку к ручному наведению.

— О'кей, джентльмены, — вмешалась она, прерывая грозившую затянуться дискуссию, — переходим на ручной контроль, проверим все еще раз.

— Понял, лейтенант, — откликнулся Уилсон. — К проверке готов.

— Слабое энергообеспечение, лейтенант, — доложил Родс. — Нужно еще секунд двадцать. Придется ограничиться одним залпом — для регенерации потребуется не менее получаса, а может быть, и намного больше.

— Будьте готовы, Вирджил. Канонир, ваша очередь, — беспокойство нарастало. Хватит ли времени?

Слушая монотонный отчет Уилсона, Буккари несколько раз исподтишка бросала взгляды на Квинна, боясь, что первый пилот снова упадет в оцепенение, хотя сейчас, возможно, это не играло столь существенной роли: искалеченный корабль беспомощно болтался в космосе, и от шкипера почти ничего не зависело. Их

козыри малы. В сумятице боя Квинн действовал решительно и умело: несмотря на потерю скорости, выход из строя лазерной пушки и падение мощности двигателя, он все же сумел вывести корвет из-под обстрела. До определенного момента капитан сражался изо всех сил, не помышляя о капитуляции, а потом пришло это паническое, отчаянное сообщение с «Гренландии» — корабля-носителя. Надрывный призыв о помощи, казалось, сломал Квинна: его жена служила старшим офицером научно-исследовательской группы подбитого звездолета.

— Шкипер, — повысила голос Буккари, — осевой поворот на девяносто градусов!

Не ответив, Квинн отключил автостабилизационную систему, щелкнул кнопкой маневрового предупреждения и выпустил боковые ракеты — корвет лихорадочно завертелся, но первый пилот уже пришел в себя и остановил вращение запуском ракет с противоположного борта.

— Нэш, доложите обстановку! — бросила Буккари в микрофон.

Хадсон отозвался тотчас же.

— Почти закончили. Прошу не маневрировать, пока не открою грузовой отсек. Ли и раненые — в спасательной шлюпке-один, готовы к эвакуации. Шлюпку-два не задействуем. Возникла небольшая неразбериха: кому оставаться, кому уходить, но это мелочи, по вашей команде будем готовы к выбору.

— Доусон, всем занять места в спасательных шлюпках! — прокричала Буккари.

— Командир! — в голосе Доусон прозвуча-

ла не свойственная ей тревога. — Только что принят радиосигнал с аварийного маяка — оперативная группа ушла в гиперпространство. Сэр, флот ушел! Они бросили нас!

Корабль замер — флот бросил корвет, нырнув в пучину космоса, и теперь их разделяли световые годы. На скорое спасение рассчитывать не приходилось: потребуются месяцы, а то и годы, прежде чем их товарищи завершат гиперсветовой цикл. Время, казалось, остановилось, оглушенное мертвой тишиной.

Буккари грохнула кулаком по коммуникационной панели.

— Доусон, оторви свою задницу и немедленно в шлюпку! Родс, отсчет синхронизации. Противник приближается!

Квинн пошевелился. Его руки двигались автоматически, как у робота, работающего по программе. Враг шел с постоянным ускорением к точке сближения.

— Хадсон! Вы меня слышите? — неожиданно твердо спросил Квинн.

— Да, сэр! ВПМ и спасательная шлюпка готовы. Каков план наших действий, сэр? — Буккари даже удивилась такой прыти неопытного мичмана.

— А я-то полагал, что вы что-нибудь придумали, — ответил первый пилот. — Прежде всего, отчаливайте. Установите обычную связь и уходите подальше. Если через два часа я не дам о себе знать, берите курс на Землю. Вряд ли у вас уйдет на дорогу больше трех-четырёх тысяч лет. Если раньше перехватит противник, не забудьте о своих манерах.

Буккари усмехнулась и перевела взгляд на тактический дисплей. Уже несколько часов в левом углу маячил знак Р-К-3, планетное тело. Третья планета этой системы.

— Р-К-3 выходит во второй сектор, — сказала она. — В радиусе досягаемости.

Квинн кивнул.

— Хадсон, снимите данные с компьютера. Сектор два. Курс на планету. Удачи вам, мичман. Приготовьтесь к запуску.

Что ответил Хадсон, Буккари уже не услышала — переключилась на боевую рубку.

— Канонир, докладывайте!

— Будем готовы через четыре минуты. Система наведения в порядке.

— О'кей, Шал, — сказал Квинн. — Давайте займемся делом. Сколько у нас осталось макетов?

Буккари сверилась с консолью.

— Три.

— Начнете расставлять их на тысячу шестьсот. Что с ракетами?

— Двадцать три тяжелых и пара сотен мелких, — ответила она и посмотрела на экран — бесконечная тьма.

На панели замигал красный огонек, значит, грузовой отсек разгерметизирован — тяжелый металлический удар потряс корабль, и в следующий миг красный свет сменился на зеленый: спасательная шлюпка и ВПМ отделились от корвета. Большая часть экипажа отправилась в автономное плавание с минимальными шансами на спасение. Что ждет их там, в черной бездне чужой звездной системы?

— Есть сигнал, сэр, хотя и слабый. У нас все готово. Передаю ручной контроль.

— Это Буккари, — доложила второй пилот, — контроль принят. Перехожу в боевой режим.

Оба пилота обменялись взглядами: Буккари жестом показала, что все в порядке, и Квинн кивнул. На боевой панели зажглись янтарные огоньки — она перевела взгляд на дисплей: еще несколько секунд, и противник выйдет на линию огня.

— Подпустим поближе?

— До четырехсот. А потом мы их скушаем, — ответил первый пилот.

Время еще было.

Канонир Уилсон доложил о возможной перегрузке. Буккари не спускала глаз с дисплея, Квинн все еще пытался сманеврировать, выбрать оптимальное положение для стрельбы, хотя ему приходилось нелегко: маневровые двигатели работали с перебоями. Противник прекрасно видел их и, вероятно, давно уже рассчитал траекторию.

— Десять тысяч, сектор шесть, — это Уилсон. — Перекрытие скорости ноль восемь.

— Поняла.

— Шесть тысяч, сектор шесть. Траектория та же, сектор пять.

— Готова к маневру.

— Три тысячи, сектор пять. Противник маневрирует. Оптическое наведение неуверенное.

— Выпускаю макеты.

Квинн снова включил вспомогательные двигатели, корвет дернулся и ушел в сторону, но

движения Буккари оставались точными и уверенными.

— Тысяча шестьсот, сектор пять. Курс без изменений. Оптическое наведение... есть! Они ведут огонь по макетам!

— Поняла... есть наведение.

Она нажала кнопку — первая серия ракет устремилась навстречу преследователям, огненные хвосты прочертили тьму космоса. Квинн повернул корвет по оси на девяносто градусов, и Буккари дала второй залп. На этот раз она не взглянула на экран обзора, но легкие хлопки, напоминающие треск воздушной кукурузы, подтвердили, что ракеты унеслись к цели.

— Тысяча двести, наши макеты расстреляны, — сообщил Уилсон. — Мы на прицеле!

Его слова тотчас нашли подтверждение в вое сирены предупреждения. Враг готов нанести удар, и избежать угрозы они не в состоянии. Остается только одно: сражаться до конца. Их последняя карта — лазерная пушка.

— У нас последняя серия тяжелых ракет, — предупредила Буккари и нажала кнопку.

Корвет вздрогнул. Все — оставалось только ждать. Она посмотрела на экран. Цель приближалась; компьютер выдал новый поток информации и автоматически передвинул вражеский корабль к краю дисплея.

— Тысяча километров. Уходят от наших ракет.

— Да, им это нетрудно. Сейчас они расстреляют ракеты и снова выйдут на огневую

позицию. Все решится в течение нескольких секунд.

— О'кей, канонир, поняла тебя — мы на мушке, — Буккари сама удивилась своему спокойствию. — Приготовь пушку. Подтверди положение с энергообеспечением, — кнопка нажата. Последний залп.

— С энергией порядок. Все системы проверены. Готов к бою!

Она еще раз перепроверила наведение и подняла глаза на экран: вот они, их ракеты, прекрасная мишень для противника — раскаленные добела стальные метеориты с ядерными боеголовками, несущиеся друг за другом навстречу гибели...

Но чьей?

Почему враг не стреляет? Что там? Ее глаза уловили слабое отдаленное сияние. Буккари установила фокус на бесконечность: да, так и есть! С огромного разделяющего их расстояния второй пилот рассмотрела лишь крохотную вспышку, но сомневаться не приходилось — это взрыв!

— Шестьсот, сектор... Сэр! Сигнала нет! Они... исчезли с экрана! Совершенно! Что-то... должно быть, наши ракеты достали их!

Буккари повернулась к тактическому дисплею. Система предупреждения еще работала, но стрелки приборов уже упали на ноль. Пока она смотрела на экран, стихла и сирена.

— Что-то не так, — сказала она, снимая руку с рычага. — Они нас просто перехитрили. Макет?

Лазерное сканирование. Ничего! Лейтенант

подняла голову — обзорный экран чист. Ее глаза встретились с глазами Квинна — оба пилота еще не верили случившемуся.

В кабине повисла тишина, нарушаемая лишь шипением кислорода в респираторах их защитных костюмов.

Первым пришел в себя Квинн.

— Свяжитесь со спасательной шлюпкой, — прошептал он и ударил кулаком по кнопке системы предупреждения.

ГЛАВА 2. СПАСАТЕЛЬНАЯ ШЛЮПКА

Спасательная шлюпка заметно покачну-лась — включились носовые стабилизаторы. Выброшенная из корабля, лишенная собственного двигателя, она могла лишь дрейфовать в океане космоса, следуя курсу, заданному при старте.

Почувствовав нарастающую тревогу, грозящую обернуться паникой, Лесли Ли решила, что пора заняться делом, и в первую очередь раненым военным, у которого явно поднялась температура и участился пульс. Остальные были надежно пристегнуты в своих кабинках, размещенных вдоль обоих бортов цилиндрического суденышка. Из восьми кабин заняты оказались шесть. Ли отстегнула ремни и проплыла в кормовую часть шлюпки. Тесновато, конечно, но ведь спасательные средства не рассчитаны на долгие путешествия. Рено еще не пришел в сознание, у него перелом руки и, как подозревала Лесли, внутренние повреждения. Она увеличила подачу кислорода и ввела раствор плазмы через клапан VI скафандра. Второй раненый — Фенстермахер, помощник

боцмана, кажется, очнулся. Вдобавок к переломам его еще и вырвало.

Оба пострадали еще на корвете, когда вся заварушка только началась: Рено не успел пристегнуться при резкой смене курса, и его швыряло по всей кабине. Все бы закончилось трагически, если бы не жилистый Фенстермахер. Рискаю оказаться в таком же положении, он частично отстегнул крепления и, изловчившись, перехватил товарища. Им удалось удержаться, но последовавшие перегрузки изрядно потрепали обоих.

Фенстермахер попытался поднять голову, но инерционные затворы не позволяли повернуться. Ли отстегнула крепление, и раненый уставился на нее через забрызганный козырек.

— Чудный у тебя там аромат, а? — проворчала Ли, осторожно укладывая голову матроса на подголовник. Она включила фонарик, чтобы проверить расширение зрачков, но рассмотреть что-либо через загрязненный визор оказалось трудно. Похоже, нормально, решила Лесли и наклонилась к левой руке раненого, неподвижно лежавшей в накачанной воздухом шине. Что-то коснулось ее скафандра. Фенстермахер как-то странно, жалобно застонал. Встревоженная столь явным выражением тяжелого состояния подопечного, Ли выпрямилась — правая рука страдальца гладила ее грудь. Скафандр не позволял почувствовать особенности анатомической топографии, и его жесткая грубая ткань, естественно, не передавала ощущения контакта с женским телом, но Фенстермахеру, судя по всему, этого и не тре-

бывалось. Издавая сладострастные стоны, он настойчиво продолжал свои попытки. Лесли несколько мгновений взидала на это безобразие, потом, устало улыбнувшись, вернула руку матроса на предписанное ей место, невольно подумав о том, в какие причудливые формы выливается иногда стремление выжить.

— Дурак, — тихо сказала она, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— А, Лес, не беспокойся, — дрожащим от слабости голосом проговорил Фенстермахер. — Как-нибудь справимся. Кто-нибудь нас подберет.

— Да, Лесли, — раздался другой голос. Доусон. Ли оглянулась — так и есть! Техник-связист подняла визор шлема: — В кои-то веки наш Фенстермахер попал в точку.

— Благодарю тебя, ужасная, — проскрипел Фенстермахер. — Беру назад свои слова о том, что ты глупа и уродлива. Ты только уродлива.

— Не стоит на него злиться, милая, — ответила Доусон, — и все же мне кажется, что ему больно. Лесли, пожалуйста, отключи его или сделай что-нибудь, чтобы он завизжал.

— Флот ушел, — мрачно пробормотал кто-то. — Мы брошены. Теперь лишь Он сможет нас спасти, — Лесли узнала голос Тукманяна, одного из техников по вооружению.

— Но только не сейчас, Тукс, — укоризненно произнес его коллега, Шмидт.

— Возблагодарим Господа за наше спасение, — эхом отозвался Гордон, самый юный из экипажа.

— Спасибо, но я, пожалуй, свои надежды

возложу на командора Квинна и лейтенанта Буккари, — откликнулась Доусон. — Если кто и вытянет нас из этого дерьма, то это только они.

— Лейтенант-то прищемила твой длинный костлявый хвост, — кольнул ее Фенстермахер.

— Она делала свое дело, а я свое, ты, тошнотик, — весело парировала Доусон. — Буккари знает, что делает. И может кричать на меня, когда только захочет.

— О'кей, ребята, — оборвала их Ли. — Закройте рты и хватит трепаться. Есть же инструкция, — она уныло вздохнула и обвела взглядом скромный интерьер спасательной шлюпки: они находились не так уж далеко от звезды, так что проблема энергоснабжения решалась без труда, и умирать от удушья придется не в темноте. Лесли сглотнула подступивший к горлу комок и попыталась сосредоточиться, но беспокойство снова захлестнуло ее. Чужаки! Они где-то рядом. Флот ушел, оставив корвет в беде. Ей было страшно.

Вспыхнул индикатор, зажужжал сигнал вызова. Лесли подключила шлем к коммуникационной системе и услышала голос мичмана Хадсона, пытающегося связаться с ней.

— Спасательная шлюпка-1, — отозвалась она, безуспешно борясь с волнением.

— Понял, первый. Они сгорели! — возбужденно прокричал Хадсон. — Мы их сделали... так что не волнуйтесь! Идем к вам. Какие проблемы?

— Никаких, сэр. Все о'кей. Сейчас как раз осматриваю раненых, — разговаривая, Ли при-

стегнула ремни; ей требовалось хоть что-то делать, лишь бы отвлечься от мрачных мыслей. Заметив, что все пассажиры спокойны и дышат нормально, она передвинула регулятор подачи кислорода на два деления вниз, что входило в круг ее прямых обязанностей. Кто знает, может именно этот сэкономленный запас воздуха пригодится в трудной ситуации?

— Как ребята? Я слышал, что Фенстермахер показал себя героем, — сказал Хадсон.

— Да, но и немного пострадал. К тому же беднягу стошнило, так что лежит сейчас в заляпанной пижаме, — тут только Лесли осознала, что их разговор слушают все, находящиеся в шлюпке. Она покраснела и обернулась к Фенстермахеру, тот поднял здоровую руку, показывая, что все в порядке.

— Прекратите! Вы же знаете инструкцию — двигаться и разговаривать без необходимости нельзя! Фенстермахер! Уберите руку, или я вас отключу! — скомандовала она. Фенстермахер подчинился, рука опустилась на живот, но по-прежнему поднятый палец должен был, вероятно, символизировать стремление раненого к более активному образу жизни. Кто-то рассмеялся, и Ли отключила кабинку помощника боцмана.

Хадсон продолжал.

— Через некоторое время я попытаюсь зацепиться за корму. Так будет безопаснее.

— Мистер Хадсон, флот ушел. Что мы будем делать? — спросила она.

— Не забегай вперед, Ли. Всему свой черед. Сначала мы пришвартуем вашу шлюпку, а

уж потом будем думать, что делать дальше. Если это тебя утешит, мне тоже страшно. Держись.

— Да, сэр, — ответила Лесли, обретая уверенность. Сейчас их шлюпку возьмут на буксир, а она снимет с себя бремя ответственности. Ли отогнала посторонние мысли и сосредоточилась на том, что еще нужно сделать.

— Вышли на гиперсветовой режим, сэр. Адмирал... вы меня поняли? Положение стабильное, — доложил капитан Уэллс, старший офицер флагманского звездолета. — Сэр, вы хорошо себя чувствуете?

Адмирал флота Рунакрес облетел по периметру капитанский мостик. Даже в нулевой гравитации операторского пункта он ухитрился принять соответствующую его званию позу: тяжело опершись на поручень, адмирал широко расставил ноги и озабоченно склонил голову. Шлем скафандра скрывал выражение его лица, но Уэллс не сомневался — любой, кто осмелился бы заглянуть через визор, увидел бы нахмуренные брови и сурово выдвинутый подбородок. Вахтенный офицер «Эйр», тоже в защитном облачении, профессионально оценил обстановку и опустил «ниже», бросая на капитана встревоженные взгляды. Наконец Рунакрес медленно поднял голову и взглянул на дисплей.

На сигнализационной панели все еще горели красные индикаторы, не позволяя забыть о тяжелом состоянии звездолета-носителя.

— Адмирал, нам нужно тщательно прочесть сектор «Гренландии», — сказал Уэллс. — Она исчезла — ни сигналов, ни связи: возможно, ушли на спасательных шлюпках.

— Все понятно, Франклин, — ответил Рунакрес, осторожно перемещаясь к тактическим консолям. Вахтенные — дежурный офицер и его помощник — сидели в своих подковообразных кабинках в нижней части мостика. Адмирал посмотрел вниз на панели с постоянно меняющимися данными.

— «Баффин» или «Новая» уже выходили на связь? — спросил Рунакрес.

— Нет, сэр, — ответила дежурная. Во время сражения несколько кораблей нарушали радиодисциплину и теперь продолжали делать то же самое уже в гиперпространстве. «Баффин» и «Новая», находившиеся в арьергарде, не участвовали в бою, а потому их капитаны благоразумно воздержались от радиоконтактов, чтобы не добавлять шума и не вносить сумятицу в ход переговоров. «Гренландия», шедшая в авангарде, оказалась единственным серьезно пострадавшим звездолетом.

Чужаки! Он нашел инопланетян, но во что это обошлось? Рунакрес выпрямился, снял шлем, обнажив выбритую голову, потер покрасневшие глаза, не снимая перчаток, затем провел ладонью по лицу, прогоняя усталость и нерешительность, и, оттолкнувшись от панели, пролетел мимо трансформаторной рубки, между консолей, к своему командирскому креслу.

— Соедините меня поочередно со всеми

кораблями, — приказал Рунакрес, втискиваясь в рубку и пристегивая ремни.

— Есть, адмирал, — откликнулся Уэллс. Плотный вахтенный офицер снял шлем и пробежался пальцами по консоли. Затем прикрепил на лоснящийся от пота череп крохотный слуховой аппарат и начал отдавать соответствующие распоряжения.

Адмирал кивнул дежурному офицеру.

— Данные о повреждениях по всем кораблям.

— Есть, адмирал, — отозвалась та, склоняясь к панели. Командор Ито занял свое обычное место позади Рунакреса. Не оглядываясь, адмирал поднял руку, и адъютант тут же вложил в раскрытую ладонь тюбик. Рунакрес поднес его ко рту, выжал прохладное, сладкое содержимое и зажмурился, ожидая прилива энергии.

— Рапорт о повреждениях, адмирал, — доложила дежурная.

— Давайте, — кивнул Рунакрес.

— «Гренландия» уничтожена. Проникающие повреждения в кормовой части, нарушение работы реактора — в живых осталось двадцать два человека на спасательных шлюпках.

— О, Боже, — простонал Рунакрес. Двадцать два человека из экипажа в четыреста. Но он нашел инопланетян. Или еще одну расу убийц?

— По предварительным данным, «Тасмания» получила повреждения от энергетического луча... нашего собственного, — продолжала дежурная. — Сбита система ориентации, не работает узел связи, но никаких структурных

разрушений. С «Тьерра дель Фуэго» докладывают об умеренных повреждениях, причиненных стрессом, и легком радиационном облучении.

— «Тасмания» подобрала свои корветы еще до прыжка в гиперпространство, — добавил Уэллс. — «Перегрин-I», корабль Джейка Кармайкла, уничтожил три вражеских перехватчика. Корвет «Оспрей-II» исчез. Шкипер корвета «Оспрей-I» подтверждает, что номер 2 погиб в бою непосредственно перед прыжком. Оба корвета имеют на своем счету по одному противнику.

Рунакрес кивнул.

— Четыре корвета с «Гренландии» возвращены. «Харриер-I», корвет Джека Квинна, по последним сообщениям, вовлеченный в сражение, исчез. Предположительно, остался на поле боя. Квинн прикрывал отход флота к модуляционной решетке, — закончив доклад, дежурный офицер села. Рунакрес уставился куда-то вдаль, за переборку звездолета.

— Все остальные корабли функционируют нормально, о потерях личного состава не сообщается, — доложил Уэллс, нарушая гнетущую тишину. — Гиперсветовая модуляция стабильна. «Британия» и «Кушу» наблюдают за сектором «Гренландии».

Рунакрес переварил информацию, ему было трудно сосредоточиться — мешало ощущение пустоты в голове. Чужаки. И еще два корвета и звездолет-носитель — более четырехсот астронавтов, сливки флота — погибли, а может быть, остались там, брошенные во времени и про-

странстве, преданные. И ничего нельзя сделать. Находящийся под его командой Главный флот Теллурианского Легиона обязан вернуться в Солнечную систему.

Аварийный вызов последовал автоматически, координаты гипер-перехода установлены заранее. Теперь им нужно держать энергетический модулятор довольно долго — четыре стандартных месяца, чтобы осуществить переход в двадцать парсеков.

Больше всего Рунакреса беспокоил сектор «Гренландии». Если энергетические связи прервутся, матрица разрядится и отбросит флот на несколько световых лет от Солнца. В таком случае потребуются месяцы, а возможно, и годы, чтобы добраться домой.

— Франклин, — приказал адмирал, — «Эйр» должна принять дежурство.

Уэлс тут же вышел на связь с первым пилотом флагманского звездолета:

— Капитан Мерривезер, берите курс на сектор 1. Максимальная скорость. Замените «Гренландию».

Рунакрес посмотрел вниз: там, двумя палубами ниже, Мерривезер уже отдавала необходимые распоряжения своим вахтенным офицерам. Вероятно, эффективность и слаженность работы группы произвели впечатление на адмирала — он довольно хмыкнул.

— Мы готовы, Фрэнк, — сообщила Мерривезер. — Все опять, как тогда, на Шауле, да, адмирал?

— Возможно, Сара, — тихо ответил Рунакрес, глядя сверху вниз на ее запрокинутое

лицо. — А возможно, и нет. На этот раз мы остались в живых. Из системы Шаулы никто не вернулся.

— Но двадцать пять лет назад флот еще не имел вооружения, адмирал, — напомнила Мерривезер. — Совсем другое дело, когда есть возможность дать отпор.

— Да, прогресс, — проворчал Рунакрес.

ГЛАВА 3. ОРБИТА

Буккари почувствовала, что улыбается: радость спасения, радость ощущать себя живой пронзила все ее существо. Однако чувство это длилось недолго. Мысли вновь возвратились к реальности, которая не располагала к веселью: возможно, противник уничтожен, но оперативная группа флота ушла в гиперпространство, оставив их в чужой и враждебной системе. Улыбка погасла, мускулы напряглись, на лице появилось привычное выражение сосредоточенности и озабоченности.

— Шкипер, пушка нам еще может понадобиться, — сказала Буккари.

Квинн вздрогнул и снял руку с кнопки, инициирующей лазер.

— У вас есть связь с Хадсоном?

— Да, сэр. Мы держим их на радаре. Дайте мне немного времени, и я назову вам вектор движения, — ответила лейтенант, отключая боевой режим.

— Машинное отделение! Положение с основными двигателями? — потребовал Квинн.

В ответ донесся громкий голос Родса.

— Энергообеспеченность — шестьдесят

восемь процентов, но система работает со сбоями, так что я не могу ничего гарантировать. Основные двигатели будут готовы через три минуты.

Буккари установила лазерную связь с ВПМ и начала прием телеметрической информации. Она уже идентифицировала радиомаяк спасательной шлюпки, когда заметила сигнал сближения на навигационном дисплее.

— Командор, — окликнула Буккари.

— Да, Шал, — Квинн повернулся к ней.

— Сэр, Хадсон взял шлюпку на буксир. По данному вектору он приведет модуль через пятнадцать минут, но теперь у нас другая проблема!

— Что на этот раз? — спросил Квинн.

— Эта планета... Р-К-3. Следуя этим курсом с той же скоростью, мы столкнемся с эффектом гравитационного поля первого порядка, может быть, даже войдем в плотные слои атмосферы.

Буккари переключила индикатор расстояния на тактической панели: символ планеты зловеще замигал в секторе 2, а индикатор курса указал на пересечение с орбитальной плоскостью. Квинн нажал кнопку предупреждения и выпустил серию маневровых ракет, изменив положение корвета. На экране обзора появилась планета, она ползла медленно, полностью освещенная, кроме тонкого полумесяца тьмы. Пилот еще раз воспользовался маневровыми двигателями, и вот уже Р-К-3 прямо перед ними!

— Посмотрите-ка на это! — ахнула Букка-

ри. Совсем рядом, планета уже начала заполнять экран обзора. Близкая и прекрасная! Над ослепительно сияющим телом кружили синие, зеленые и белые вихри. Мраморная статуя!

«А почему они белые и синие?» — подумала второй пилот.

— Вода и облака! Значит, можно надеяться...

— Определите параметры для стандартной разведывательной орбиты, — распорядился Квинн. — Какая у нас информация по массе? По электромагнитным полям?

— Наши сенсоры в данный момент не работают. Компьютер обрабатывает данные спектрального анализа, — ответила Буккари. — Пока еще ничего нет. Показатели электромагнитной эмиссии отсутствуют. Вообще ничего. По данным электронной разведки — планета необитаема.

— Моя жена говорила... — Квинн запнулся и замолчал. После короткой паузы спросил: — Что у нас с основными двигателями?

Лейтенант вздохнула и сверилась с приборами.

— Предстартовая проверка закончена. Вспомогательные дублиеры функционируют. Генераторы работают неустойчиво, так что есть риск. Родс еще не пробовал перекрестное соединение — занимается этим сейчас, — Буккари наклонилась, насколько позволяли коннекторы, и повернула переключатель энергетической консоли. Предстояло проверить системные данные для определения орбиты.

— Вас понял, предстартовая проверка, — задумчиво повторил Квинн.

Транспортировка спасательной шлюпки прошла гладко. Теперь, когда все члены экипажа заняли свои места, началась окончательная подготовка к выходу на орбиту.

— Системы наблюдения все еще не отрегулированы, но компьютер уже синтезировал предварительный анализ массы, — сообщил из своей рубки Хадсон.

Буккари запросила данные компьютера на основной монитор. Планета, получившая название Рекс-Калиф-3, поменьше Земли, сила притяжения на поверхности — 0,91 G. Точный расчет траектории движения показал, что столкновения не случится, если, конечно, не менять курс или скорость: корвет пройдет мимо планеты по отклоняющейся траектории и под воздействием гравитационного толчка соскользнет на эллиптическую.

Предпочтительнее было бы выйти на пересекающуюся траекторию, иначе... — скитания по орбите вокруг местного солнца без топлива и пищи.

— Признаки разумной жизни? — осведомился Квинн.

— Нет, сэр, — ответил Хадсон. — Какие-то бессвязные сигналы, но ничего такого, что свидетельствовало бы о технологической цивилизации, и определенно ничуть не похоже на то, что мы отметили на второй планете. Узнаем больше после выхода на орбиту. Сейчас у нас действуют только телескопы и камеры, но инженеры надеются наладить работу сенсоров, помимо всего прочего.

— Главные двигатели подключены и гото-

вы к включению в режиме «ретро», — сообщила Буккари. — Траектория для выхода на орбиту оптимальная. Нам потребуется не более пяти минут работы двигателей. Топливо — 10,4. Возможность ошибки — две десятых.

— Три минуты до включения основных двигателей, — доложил Хадсон.

Квинн не ответил. Буккари повернулась к нему: пилот сидел неподвижно, уставившись на планету — ее величественное сияние отражалось на визоре шлема.

— Прекрасно! — грустно прошептал Квинн.

Буккари тоже не сразу отвела взгляд от сверкающего в дымке облаков небесного тела.

— Да, и как похожа на Землю, — она покачала головой и взглянула на дисплей.

— Одна минута. Орбитальная проверка закончена, — доложила лейтенант. — Машинное, что у вас там? У меня неустойчивый прием. Вы уверены, что перекрестное соединение выдержит?

Ответ Родса перемежался восклицаниями и междометиями, что подтверждало его полную убежденность в благополучном исходе вверенного ему дела. Буккари молча выслушала его, не спуская глаз с дисплея.

— Что-то не так, Шал? Ты чем-то обеспокоена? — спросил Квинн.

Она подняла голову.

— Ничего определенного, командор. Вышли из строя блокираторы, но это еще не все. Вся система изрядно пострадала во время боя; Вирджил делает все, что в его силах, если кто и может обеспечить ее нормальное функцио-

нирование, то это он. Будем надеяться, ничего другого не остается.

— Альтернативные варианты имеются, только вряд ли они нас устроят, — заметил Квинн. — О'кей. Беру управление на себя. Мистер Хадсон, всем приготовиться. Торможение 2,2 G.

Квинн включил предупредительную сирену и повернул корабль таким образом, чтобы сопла основного двигателя располагались вдоль обратного вектора.

Время истекало.

— 5... 4... 3... — резкий голос второго пилота разносился по всему корвету через общую коммуникационную сеть. Она проверила осевое равнение, еще раз убедилась, что маневровые двигатели действительно подключены и функционируют. — 2... 1... 0...

— Включаю. — Квинн убрал блокиратор...

И вдавил кнопку зажигания.

Ничего не случилось.

Квинн отжал кнопку, вернул блокиратор на место и повторил операцию. Ничего.

— Машинное отделение! У нас отказывает зажигание, — чуть повысив голос, сказал он. — Что произошло?

После короткой паузы послышался голос Родса. На этот раз только глухой мог услышать в нем оптимистические нотки.

— Дайте минутку, шкипер. Есть кое-какие идеи.

Буккари пересчитала «ретро»-профиль.

Каждая минута задержки означала сужение временного «окна» и увеличение расхода топ-

лива для выхода на заданную траекторию, а это, в свою очередь, ограничивало возможности по доставке экипажа и оборудования, необходимого для выживания на незнакомой планете, с орбиты на поверхность.

— Нэш, дайте мне расход топлива по времени. Исходите из худшего варианта, — приказала она.

— У меня есть расчет, лейтенант, — отозвался Хадсон. — При условии работы двигателей на полную мощность, в нашем распоряжении девять часов для выхода на орбиту. Но в этом случае мы израсходуем весь запас, и для спускаемого модуля ничего не останется — повиснем на орбите. Временные рамки для эвакуации экипажа на планету с грузом пятьдесят килограммов на каждого — девяносто минут. Через шесть часов придется высаживать людей. Конечно, многое зависит от того, насколько низкой окажется орбита.

Квинн немного помолчал.

— Просчитай еще раз, — сердито бросил он.

— Сэр, я уже пересчитывал... три раза, — с обидой в голосе ответил Хадсон. — Все именно так. У нас есть шесть спускаемых модулей и по меньшей мере столько же квалифицированных специалистов.

Квинн отключил автостабилизаторы, топливо приходилось беречь.

— Родс! Что там у вас? Дайте мне оценочные сведения! — приказал он.

Буккари уже собиралась продублировать команду, когда на связь вышел Мендоса, старший техник из инженерной группы. Тяжело дыша, он прокричал:

— Командор Квинн, мы вычислили... это...

Тишина. Оборвалась не только связь — весь корабль погрузился в темноту, и только резкий, холодный свет приближающейся планеты позволял различить смутные очертания предметов и людей. Буккари переключилась на интерком. Тишина. Откинув контрольную панель на левом предплечье, она привела в действие индивидуальный приемопередатчик.

Ее примеру последовали остальные, перегружая рабочую частоту. Контроль над ситуацией взял на себя Хадсон, внеся порядок в сумятицу. Однако связаться с машинным отделением не удавалось — масса корвета блокировала передачу радиосигналов в эту часть корабля.

— Я иду туда, — сказала лейтенант, отсоединяя коннекторы и протирая визор. Она уже вплывала в длинный, похожий на трубу проход, когда включилось аварийное освещение.

Сорокаметровый туннель озарился красноватым сиянием, и Буккари на мгновение зажмурилась, привыкая к монохроматическому туману. Из люка в дальнем конце туннеля появилась фигура Родса.

— Мне нужен... еще один час... — тяжело произнес он, — усилить вторичный контур. Перегрузка энергетических линий. Замыкание в распределителе... Мне пришлось перекидывать напряжение на вспомогательный контур. Мы потеряли всю загрузку компьютера. Голдберг... она перезаряжает энергораспределитель.

Они встретились на полпути. Серое, искаженное нервным напряжением лицо Родса блестело от пота. Обычно на такую операцию

уходило несколько часов, даже дней работы всего отделения. Он же с помощью всего лишь двух техников проделал все менее чем за десять минут. Думать о том, как это сделано и к чему это может привести, Буккари не хотела и не могла.

В наушниках прозвучал голос Квинна:

— У нас нет выбора, Вирджил. Занимайся своим делом, мы подождем.

— Да, сэр, — ответил Родс. — Понимаю...

— Командор, — вмешалась Буккари, — я помогу им, пока мистер Родс закончит соединение. Кажется, знаю, почему возникла перегрузка.

— Конечно, Шал, — отозвался Квинн. — А я пока вздремну.

Не обращая внимания на прозвучавший в голосе командира сарказм, она повернулась к инженеру и улыбнулась.

— За работу, Вирджил.

— Вас понял, лейтенант, — пробормотал Родс, безуспешно пытаясь улыбнуться в ответ. Он развернулся и поплыл вперед, отталкиваясь от скоб, размещенных вдоль всего туннеля. Буккари последовала за ним.

По сравнению с унылой серостью пилотской кабины огромное машинное отделение казалось ярко освещенным даже сейчас. Все поверхности, кроме разве что кормовой переборки, были уставлены всевозможными инструментами в специальных ячейках, снабженных коннекторами. Переборка же оставалась свободной лишь потому, что именно там находился тамбур, ведущий в трюм главного двигателя. Рядом с там-

буром — лабиринт реакторов, труб, турбин и радиаторов. Группа инженеров и техников, полностью поглощенных решением своих задач, поприветствовала лейтенанта кивками. Многие из них сняли скафандры, тщательно выбритые головы блестели от пота. Буккари сняла перчатки и шлем и, оставив их у люка, проплыла за Родсом.

— Мендоса, займись диагностикой, — командовал старший инженер. — Голдберг, я хочу, чтобы ты закончила перезарядку!

— Я возьму энергораспределитель, Голдберг, — сказала лейтенант, устраиваясь рядом и пристегивая коннектор. — Мистер Родс хочет, чтобы вы занялись перезарядкой, — техник раздраженно взглянула на нее, очевидно, не понимая, чего от нее хотят.

— Да я уже... лейтенант, я почти закончила, — начала Голдберг.

— Голдберг! — прогремел Родс. — Перезарядка памяти! Немедленно!

Техник резко оттолкнулась от консоли, пролетела через отсек и грациозно опустилась возле контрольной панели главного компьютера. Через секунду она уже занялась новой работой.

Буккари внимательно проанализировала состояние энергораспределителя. Ее догадка подтверждалась. Усевшись поудобнее, она приступила к перепрограммированию компьютера. Проходили минуты, все работали в полной тишине.

Мысли Буккари унеслись в недавнее прошлое, к столкновению с чужаками, едва не

приведшему к катастрофе. Только теперь она полностью осознала, как им повезло: ведь их последняя надежда, лазерная пушка, оказалась не готовой к бою. Если бы не случайное — а как иначе это расценить? — попадание ракет, враг, несомненно, уничтожил бы их. Как же им удалось спастись?

Закончив перепрограммирование, она проверила время. Драгоценные минуты уходили. Глядя на дисплей, лейтенант не могла отвести глаз от мигающих диодов, все ее существо оказалось прикованным к этим быстро меняющимся цифрам, означающим упущенную возможность. Казалось, сердце билось в такт секундам.

Час, о котором говорил Родс, истекал.

— О'кей, лейтенант, — голос старшего инженера вывел ее из транса. — Перекрестное соединение выдержит, но мне нужно еще десять минут, чтобы стабилизировать ионное давление и температуру.

— Ясно, — кивнула Буккари. — Энергораспределитель переустановлен. Удачи тебе, Вирджил.

Она надела шлем, перчатки и проскользнула в полутемный соединительный туннель, желая только одного: снова взглянуть на сияющую планету.

Лейтенант открыла люк, и ей пришлось прищуриться, чтобы рассмотреть инструменты. Она наградила улыбкой Хадсона, нажала кнопку на запястье — золотистый фильтр визора опустился, издав едва слышный щелчок.

— Ну что? — поинтересовался Квинн. — Как там дела? — как бы в ответ на вопрос,

освещение включилось в обычном режиме. Буккари взглянула на консоль: индикаторы основной цепи загорелись зеленым светом.

— Родсу требуется еще десять минут, чтобы закончить перекрестное соединение, но, похоже, оно функционирует, — доложила она, занимая свое место. — Мне бы не хотелось вас обнадеживать, но, кажется, перегрузки удастся избежать. Сгоревшие шины заменены. Попробуем.

Квинн удовлетворенно кивнул и снова погрузился в расчеты орбиты, а Буккари, вздохнув, приготовилась слушать привычную предстартовую литанию. Корабль представлял из себя нечто трудноописуемое: системы — нефункциональны либо ненадежны; однако каждый раз, когда она называла тот или иной участок, ответ был положительный, препятствия преодолевались, риск тщательно взвешивался, альтернативы подвергались внимательному рассмотрению.

— Предорбитальная проверка завершена, — доложила она. Данные ушли в память компьютера, экран очистился. Лейтенант нажала кнопку на коммуникационной панели: — Машинное отделение, это кабина пилота. Ваша очередь, мистер Родс. Положение?

Ответила Голдберг.

— Энергораспределитель установлен в деловой режим. Вы уверены, что мы не можем запустить его на полную функцию? Мистер Родс считает, что на это уйдет не более пяти минут. Симуляция...

— Рассчитывайте на то, что у вас есть,

Голдберг, — Буккари почти кричала. — Энергораспределитель может не выдержать, а у нас через несколько минут свидание с планетой.

— Но мистер Родс говорит...

— Приготовиться к включению! Все! Хватит вопросов!

Наступила тишина.

— Есть, сэр! — сказала, наконец, Голдберг.

Хадсон потряс пальцами, как будто обжегся. Буккари решила не обращать на него внимания. Квинн переключился на командный канал:

— Зажигание через девяносто секунд. Попробуем спустить это корыто. Вы готовы, мистер Родс?

— Вас понял, задний ход через девяносто секунд, — ответил инженер. — Машинное отделение готово.

Квинн включил сигнал предупреждения и переключился на общую линию.

— Всем приготовиться... перегрузка 5G. 5G на пять минут. Включаю режим «ретро».

Буккари вывела на монитор данные по топливу и перепроверила время горения. Переключила профиль инжектора на главный экран. Загудели клаксоны, из приемника на нее обрушилась какофония голосов — каждая рубка подтверждала свою готовность. Процедура была хорошо знакома всем, они готовились к таким ситуациям, тренировались и теперь действовали автоматически. И все же лейтенант ощущала, что охватившая всех тревожная сосредоточенность, осознание драматичности момента рассеяли шок и удивление, вызванные беспомощностью перед лицом Космоса.

Однако сама Буккари прекрасно владела эмоциями: ее голос, когда она зачитывала бегущие по дисплею данные проверки, звучал как обычно. Может быть, чуть строже и холоднее. Ответы Квинна, произнесенные столь же бесстрастно, были коротки и четки. И снова часы отсчитывали секунды, красные мигающие цифры превратились в символ судьбы, готовящейся снять маску и явить замершим в напряженном ожидании людям свое истинное лицо. Буккари, наверное, уже в двадцатый раз проверила положение корабля относительно оси движения. Незначительное отклонение, но в пределах вектора.

— Орбитальная проверка завершена. Двадцать секунд до включения, — объявила второй пилот. — Всем приготовиться к последнему отсчету.

Квинн снял крышку с ключа зажигания, убрал блокиратор и положил руку на кнопку. Буккари ухватила за акселерационные рычаги на подлокотниках кресла. Отсчет заканчивался.

— 5... 4... 3... 2... 1... зажигание...

Квинн вжал кнопку. Какое-то мгновение ничего не происходило, и Буккари ощутила, как ее захлестывает волна отчаяния и безнадежности. Но тут ее вдавило в спинку кресла и...

Никогда еще 5G не доставляло ей такого удовольствия! Она почувствовала знакомую вибрацию в глазных яблоках и периферийным зрением отметила, что красные диоды таймера отсчитывают секунды уже вперед — время горения, время работы двигателей... 9... 10... 11...

Ей стало трудно дышать, и она напряглась, чтобы выдохнуть.

— Заши-ха-нъе... пят-над-цать... се-кун... — бормотал Хадсон. Прошла вечность, и он снова зашевелил губами: — три-цать... секун...

На дисплее перед ней горели предупредительные огоньки, одни — ровно, другие — сбивчиво.

— Ты... как... Ша...? — прошипел Квинн.

— Про-ст... жас... но... — Буккари напрягла живот, заставляя диафрагму вытолкнуть слова. — Но у нас ...ще... тыре... мину... т...ффф...

Зловещий глухой удар... Корвет вздрогнул и завибрировал. Буккари повернула голову в сторону Квинна, что стоило ей огромного напряжения. Капитан смотрел на нее. Они были бессильны что-либо предпринять. Двигатели могут снова не выдержать нагрузки. Но если только им не удастся это торможение, корабль будет выброшен в пустыню космоса и обречен на гибель. Если двигатели взорвутся, все проблемы, беды, ожидания и надежды обратятся в прах, в ничто, отпадут сами собой. Оба пилота повернулись к экранам дисплеев... Ждать...

Через четыре минуты режим «ретро» автоматически отключился. Вернулась невесомость. Корвет «Харриер-1» вышел на орбиту.

ГЛАВА 4. СОВЕЩАНИЕ

— Прошу извинить, — сказал командор Ито, — время, — адъютант командующего заглянул в жилую каюту шефа.

— Кто это там с тобой, Сэм? — спросил адмирал. — Что нового?

Вслед за адъютантом в комнату вошли Мерривезер и Уэлс.

— Нет, нет, я уже иду, — Рунакрес поднялся из-за стола. — Сэм, вы со мной.

В жилом отсеке «Эйр» обеспечивалась некоторая гравитация, поэтому офицеры, стараясь не делать резких движений, медленно зашагали по коридору.

— Из двадцати двух оставшихся в живых, — сообщил Ито, когда они вошли в каюту для совещаний, — четверо умерли от травм еще до того, как были подобраны. Для нас это невосполнимые потери. Еще двоих привели в сознание, но они находятся в критическом состоянии и вряд ли смогут когда-либо по-настоящему поправиться — необратимые изменения в работе головного мозга. Их придется списать. Разрешение на это будет получено. Десять человек серьезно ранены, но должны выздороветь, из

них двое с нерегенерируемыми ампутациями — все госпитализированы.

Рунакрес устало покачал головой. Старшие офицеры уже расселись по местам, в то время как младшие находились в своих рубках за пределами сенсорного периметра. По обе стороны от адмирала в переборку были вмонтированы экраны, на которые передавалось изображение с других кораблей. Большинство присутствующих сидели тихо, но обычное в таких случаях хождение опоздавших создавало впечатление беспорядка. Однако стоило адмиралу опуститься в кресло между Мерривезер и Уэллсом, как калейдоскоп остановился.

На центральном экране, зарезервированном для докладчика, возникло изображение урюмого командора Ито. Он и начал совещание, изложив повестку дня и назвав выступающих. Пока он говорил, Рунакрес вглядывался в дополнительные мониторы, находя знакомые лица, но мысли его были не о них, а о тех, кого нет.

На центральном экране крупным планом появился первый выступающий, женщина — в чем нельзя было усомниться, несмотря на полное отсутствие волос на голове. Рунакрес знал ее: капитан-лейтенант Кассиопея Квинн — жена Джека Квинна.

— Компьютеры системы наблюдения «Гренландии» получили информацию от соответствующей системы «Харриер-1», — начала она. — Приборы показывают, что корвет находился в функциональном состоянии, когда флот ушел, экипаж был жив, — из уголка глаза показыва-

лась слезинка, скатилась до середины щеки и была перехвачена.

Рунакрес отвел взгляд — к горлу подступил комок. Он почувствовал, как в нем поднимается злость. Почему его не уведомили об этом до совещания? Что он может сделать для ее мужа и экипажа? Ничего. Тягостную тишину нарушила Кассиопея Квинн. Рунакрес облегченно вздохнул. Женщина продолжила.

— Так вот, — голос ее окреп, черты лица заострились, — те же самые приборы показывают, что Р-К-3 относится к классу альфа-зет.

Рунакрес, хлопнув ладонью по командной кнопке, впился глазами в экран.

— Извините, командор... Кэсси, да? — вмешался он. — Во-первых, позвольте мне выразить соболезнования по поводу потери вами мужа и многих из числа ваших доблестных товарищей. Во-вторых, разрешите поблагодарить за мужество, вы перенесли тяжелое испытание. Надеюсь, ваши раны не очень серьезны.

— Спасибо, адмирал, — ответила Квинн ровным голосом. Она стояла, гордо подняв голову, и Рунакрес не мог не восхищаться стойкостью этой женщины. — Мои раны заживут, но мужа не вернуть. Однако... возможно, еще есть надежда... пока.

Ее положению не позавидуешь, думал командующий: супруг обречен, и есть только одна причина, которая может стать веским основанием, чтобы возвратить флот во враждебную звездную систему — обитаемая планета.

— Так вы говорите, альфа-зет? — задумчи-

во произнес адмирал. — И у вас есть новые свидетельства? Факты?

— Да, сэр, полагаю, — ответила Квинн. — Извините, что я дала волю чувствам. Позвольте закончить, сэр?

— Да-да, конечно.

— Человечество исследует звезды уже два столетия, — заговорила Квинн, обращаясь к аудитории. — И если не принимать во внимание Шаулу, наши экзобиологи не обнаружили каких-либо более разумных форм жизни, чем аборигены Арктура-4.

— И все, что мы нашли на Шауле, — шепнула на ухо Рунакресу Мерривезер, — это погибшие экипажи и разбитые корабли флота Хакито. К тому времени, как мы там появились, разумная жизнь давно уже исчезла. А теперь, наконец, наткнулись вот на этих ублюдков.

Рунакрес тоже помнил и сейчас, вполуха слушая Кассиопею Квинн, мысленно возвращался в прошлое. Тогда, двадцать пять лет назад, они с Мерривезер служили на корвете, с опозданием посланном в систему Шаулы для спасения флота Хакито. Его хозяева из Азиатской конфедерации, встревоженные тем, что флот запаздывал уже на целый год, попросили Теллурианский Легион заняться расследованием. Получив необходимые заверения и гарантии, Легион согласился выполнить просьбу АК и направил экспедицию из двух корветов в далекую и малознакомую систему. Огорченные спасатели обнаружили лишь сожженные и разграбленные корабли и спасательные шлюпки, дрейфующие на орбите вокруг единственной

безжизненной планеты. В нескольких шлюпках еще сохранились иссохшие останки, но в большинстве — ничего. Куда исчезли люди? Ответ так и не был найден. Триста членов экипажа числились пропавшими без вести. Таким оказался первый и пока единственный контакт с технологически развитой цивилизацией, после которого исследовательские корабли Легиона получили на вооружение ракеты и энергетическое оружие.

— Из двухсот двенадцати звезд, обнаруженных до сих пор, — я, конечно, говорю лишь о тех, которые обладают планетами на жизнеспособной орбите, — только шестнадцать способны поддерживать жизнь. Из них лишь четыре отдаленно приспособлены к человеческому существованию: одна — категории альфа-3, одна — альфа-4 и две — альфа-5. Организованные там колонии не в состоянии выйти на уровень самообеспечения, ни одна из них не достигла прироста населения. И все они обходятся недешево: на их содержание расходуются колоссальные средства.

— Расходы сокращаются на сорок процентов, — вставила Мерривезер.

— Все это мы знаем, — проворчал Рунакрес, — но какое отношение...

— Потерпите, адмирал, — ответила Квинн. — Рекс-Калиф — активная, горячая звезда, теплее и больше Солнца. Она дает энергию не одной, а двум...

— Абсурд! — воскликнул один из экзобиологов. — Коэффициент массы и закон Коперника...

— Тихо! — бросил Рунакрес. — Да, командор?

— Рекс-Калиф, — закрыв глаза, продолжала Квинн, — обеспечивает достаточное количество энергии для двух жизнеспособных планет. Одна из них массивная и теплая, сходная с Землей, вторая, возможно, несколько холоднее, — она сделала паузу. Собравшиеся замерли. То, что предполагалось, было невероятно.

— Удивительно, — сказал Уэллс. — Две жизнеспособные планеты в одной системе.

— Совершенно верно, — кивнула Квинн. — Но только одна — альфа-зет.

— И высокоразвитая раса существ, не склонных делить с нами свои планеты, — заметила Мерривезер. — Возможно, именно они — убийцы с Шаулы.

— Вот мы и подходим к сути моего предложения, адмирал, — сказала Квинн. — Рекс-Калиф-2, вторая от солнца планета, — это основная планета системы. В лучшем случае, у нее биосфера категории альфа-5, более вероятно — альфа-6. Именно она — родина вашей высокоразвитой расы, вот почему ее так яростно защищают. Еще до нападения наши поисковые группы обнаружили электромагнитную активность, характерную для разумной и высокотехнологичной цивилизации. Но я говорю об Р-К-3. Эта планета намного больше Земли и довольно плотная, с трехкратным превышением массы. Гравитация на поверхности Р-К-3 в полтора раза больше земной, атмосфера крайне плотная. В спектре много кислорода, имеется азот, метан и газообразные соединения углерода. Температура на по-

верхности повсеместно довольно высокая, погода отличается устойчивостью. Природные условия таковы, что могут оправдаться самые худшие опасения землян относительно загрязнения окружающей среды. Вот почему она не считается пригодной для постоянного обитания.

— Вы бы это чужакам рассказали, — насмешливо протянула Мерривезер. — То-то они такие нервные.

— К чему вы клоните, командор? — спросил Рунакрес.

— Сэр, мы провели широкомасштабное сканирование третьей планеты, — сказала Квинн. — Все: атмосферные параметры, амплитуда температур, специфика массы, состав спектра — абсолютно все подходит под категорию альфа на нижнем ее уровне. Потому так странно, что почти ничего не указывает на обитаемость.

— Так что же? — более требовательным тоном спросил Рунакрес. — Что это меняет?

— Да, — согласился Уэллс. — Аборигены кажутся настроенными довольно собственнически.

— Верно, но у планет очень различные, почти несовместимые биосферы, сэр, — ответила Квинн. — Я говорю о том, и надеюсь, что Р-К-3 столь же непривлекательна для чужаков, как наши колонии для нас. Возможно... да, возможно, что они вступят с нами в переговоры.

— В переговоры? — Мерривезер даже привстала. — Да ведь, по всей вероятности, это те самые монстры, которые уничтожили наших людей на Шауле! Хорошенькое же начало они

выбрали для переговоров, вам не кажется? Почему вы думаете, что они захотят сотрудничать? И потом, вы извините меня, командор, но ведь мы видели и другие планеты, которые удовлетворяли большинству, если не всем, требованиям категории альфа, и ни одна из них не была садом Эдема. Стоит ли ваша новая планета того, чтобы терять людей и корабли?

— И что мы будем делать теперь, когда отыскиали этих чудовищ? — спросил Уэллс.

— Мы еще не знаем наверняка, нашли ли их, — возразил Рунакрес. — Кто может сказать, что это та же самая раса? Возможно, вселенная вообще недружелюбна... но мы прервали командора Квинн. Пожалуйста, продолжайте... э... Кэсси.

— Адмирал, судя по их технологии, обитатели Р-К-3 не те, кто учинил бойню на Шауле. Я совершенно уверена в этом, — упорствовала Квинн. — Р-К-3 удовлетворяет всем параметрам обитаемой планеты, другой такой нет, у нее оптимальные показатели. Более того, с «Харриера-I» нами получены коротковолновый и спектральный образ планеты.

— Вот как! Как же это вам удалось? Во время боя! — Уэллс изумленно поднял брови.

— Да, сэр, — тихо ответила Квинн. Она подала кому-то знак, и на стенном экране возникла сияющая на фоне бархатной космической ночи, окутанная тонкой бирюзовой дымкой планета.

— Почти как Земля, — прошептал кто-то. Квинн кивнула.

— Не спрашивайте, как, но наш компьютер получил телеметрию с «Харриера-I». Сигналы

были прерывистыми, но подтвердили ширококанальное сканирование. Вот о чем я хотела рассказать, — она оглядела притихшее собрание, в глазах ее блеснул лучик надежды.

— Ну разве что немного холодная, — добавила Квинн.

Рунакрес знал, о чем думает женщина, а Мерривезер выразила это словами.

— В этом заслуга «Харриера-1», — тихо сказала она, однако микрофоны уловили и разноесли по залу ее оценку. — Возможно, они живы. Нам нужно вернуться.

Адмирал промолчал. Только Ассамблея Легиона вправе принимать подобные решения.

Заходящее солнце окрасило корвет красным цветом. Заканчивался второй день на орбите. В эбеновых небесах плыли две луны — большой спутник напоминал полумесяц и отливал серебром, меньший — симпатичный золотистый комочек.

— Радарный поиск, шкипер, — сказал Хадсон. — Кто-то за нами наблюдает.

Буккари заметила, что командир отключил консоль. Он снова прокручивал коммуникационные пленки с записью боя. Она ощущала его отчаяние.

— Удивительно, что это продолжается так долго, — вздохнул Квинн. — Но, по крайней мере, они не стреляют... пока.

— Вы зафиксировали трансмиттер, Нэш? — спросила Буккари.

— Да, — ответил Хадсон. — Карта еще не

закончена, но источник локализован здесь, — на экране возникли координаты. — Мы выйдем из радиуса действия через пять минут. Любопытно. Ни запросов, ни кодовых сигналов, ничего. Как будто им все равно.

— Может быть, у них другие методы, — предположила Буккари. — Оптические...

— Не имеет значения. Самое время трогаться, — сказал Квинн, словно просыпаясь. — Мы не для того сюда явились, чтобы нас расстреляли на орбите. Шал, посмотри топливо.

— Хорошо, что мы на низкой орбите, — лейтенант склонилась к панели. — Топлива хватит на семь рейсов со стандартной загрузкой, конечно, при условии наличия стабильной площадки приземления. Какие-то задержки, непредвиденные обстоятельства, и расход может легко увеличиться. Впрочем, если на поверхности возникнут серьезные проблемы, то модуль не вернется на корабль. Так что дальнейшие расчеты носят уже академический характер.

— Не будьте так чертовски оптимистично настроены, — прервал Квинн.

Буккари улыбнулась, сочтя грубость командира хорошим знаком.

— Я уже проработала этот вопрос, — отозвалась она. — Первым рейсом рекомендую забрать генератор и запас топлива.

— Сначала экипаж, затем оборудование, — покачал головой Квинн.

— Но, командор, — возразила она, — для спуска экипажа и оборудования нам потребуется всего лишь четыре рейса. Если возникнут проблемы с топливом там, то вся наша программа будет закончена.

Квинн ударил кулаком по ладони.

— И я о том же! — излишне громко воскликнул он. — В первую очередь снимем весь экипаж и оборудование, а уж определением приоритетов займемся потом, после первого приземления. А пока будем делать по-моему.

Буккари воздержалась от комментариев. Там, на обзорном экране, незнакомая, но такая прекрасная планета! Намеченный срок давно прошел. Ее одолевали мрачные мысли: ночь уносила последнюю надежду. Ни единого огонька. Она еще раз обвела взглядом горизонт, будто надеялась проникнуть в эти бездонные глубины. И вдруг... неясное желтоватое мерцание.

— Нэш! Вижу огни! Что на приборах?

— Вулканы, Шал, — успокоил ее Хадсон. — Здесь, должно быть, значительная сейсмическая активность.

— Все, Шал, уходите с палубы, — резко приказал Квинн. — Сейчас моя вахта.

— Есть, командор, — сухо ответила она, протискиваясь в узкий люк.

У себя в каюте лейтенант сняла шлем и скафандр. Наконец-то можно почувствовать движение воздуха, вибрацию и шорохи энергосистем корвета. Затхлый запах антисептики. Жизнь в космосе. Ей не спалось.

Общая палуба предназначалась для тех, кто был свободен от вахты. В крохотных спальнях каютах-кельях почти никого. Усталость не могла одолеть беспокойства. Матросы, как обычно, парили возле игровых столиков, хотя магнитные

кости никто не трогал. Плотные, одетые в ярко-зеленые костюмы мужчины внимательно смотрели на нее. Сегодня они казались непривычно тихими, какими-то подавленными. Прошло два дня после выхода на орбиту, уже проступила щетина — неизбежный результат отказа от обычной двухразовой процедуры депиляции. Воздух в корвете едкий, особенно там, где мужчины.

— Ну, что там у вас, лейтенант? — спросил Татум, ориентируя свое долговязое тело по отношению к Буккари так, чтобы его положение хотя бы отдаленно напоминало стойку «смирно». Результат у него получился плачевный. — Макартур говорит, что готовится высадка, — на палубе воцарилась тишина.

— Есть такой план, капрал, — ответила Буккари.

— Высадка! — воскликнул Гордон, худощавый юноша, вызывавший ассоциацию с журавлем. — Упаси Бог!

— Не волнуйся так, Бут, — укорил его О'Тул, высокий, с залысинами, рядовой. — И не спеши умирать. Ты поедешь с женщинами... э... извините, лейтенант. Я не хотел...

— Нет проблем, рядовой, — Буккари зевнула.

— И что это за планета? — осведомился Честен, огромный здоровяк, просто гигант, в чьих коровьих глазах застыла тревога младенца. — Можно там дышать? Что мы будем делать, а?

— Нет выбора, куриная ты голова, — сказал Пети, крупный брюнет с густой щетиной,

мощной грудью и впалыми щеками. — А что ты предлагаешь? Задержать дыхание?

Гигант смущенно опустил голову.

— Полегче, Пети, — предупредил Татум. — Пусть Джокко спросит, раз ему интересно.

— Вроде бы там не так уж плохо. Правда, — попыталась объяснить Буккари. — Атмосфера, пригодная для дыхания. Пожалуй, это и все, что нам известно. Сенсорные системы все еще не в порядке, а то бы мы получили все необходимые сведения за пару часов. Так что рядовой Пети прав — выбор невелик, — она почувствовала себя усталой и голодной, хотелось пить. Чересчур возбужденная, чтобы уснуть, Буккари не могла отмахнуться от требований желудка. Оттолкнувшись от собеседника, она полетела на камбуз.

— Где капрал Мак? — поднеся к губам тюбик, лейтенант сдавила его и всосала теплую ароматную жидкость.

— В грузовом отсеке, лейтенант, — ответил Татум. — Они с сержантом помогают Джонсу с пенетратором.

Как раз в этот момент люк распахнулся, и вся троица, о которой шла речь — боцман Джонс, капрал Макартур и сержант, — вплыли один за другим на общую палубу.

— Лейтенант, у нас все в порядке! — загремел боцман. — Но вы-то молодцом! Мне рассказывал Хадсон. Как вы их! Прижгли им задницу!

— Еще не известно, чья задница задымилась, боцман, — усомнилась Буккари. — Нам сейчас о другом нужно думать — как спустить все и всех вниз. Значит, у вас порядок?

— Так точно, сэр. Проверили как следует, так что проблем не будет, догребем, — расхохотался Джонс. — А я вот только рассказывал Саржу о вас. Эти юнцы не верят, что вы у нас легендарная личность.

— Ладно, задний ход, — улыбнулась Буккари. — И хватит молоть.

— Она же просто суперженщина... э... извините, лейтенант, — не унимался Джонс: — Мы с лейтенантом три раза выигрывали соревнования модулей. Такое никому не удавалось, кроме нас.

— Не особенно ему верьте, ребята, — усмехнулась Буккари, — к тому же я бы и с Фенстермахером сделала бы то же.

— Ах, лейтенант, вы меня кровно обидели, — простонал Джонс.

— Послушайте, — вступил в разговор Макартур, — все знают, что вы лучший на флоте пилот.

Гибкий, широкоплечий, он с откровенным восхищением смотрел на нее своими серо-зелеными чистыми глазами. Буккари отвела взгляд.

— Мак хочет сказать что-то другое, лейтенант, — съязвил Честен. Все расхохотались. — Что вы хорошенькая.

— Ну что ж, капрал! — Буккари повернулась к выходу. — Спасибо. Вы, наверное, так обо всех говорите.

— Э... — Макартур запнулся, покраснел и в замешательстве стянул с головы капюшон. — Да... то есть нет. Вы только не обижайтесь. Я ничего такого... — он бросил свирепый взгляд в сторону Честена, и она невольно отметила четкий профиль его лица.

— От славы не убежишь, лейтенант, — вмешался сержант, плотный ветеран с красноватым лицом. — Сержант Шэннон, сэр.

— Очень приятно, сержант, — она повернулась к говорившему. — Я вас видела на звездолете-носителе. Вы там служили? Извините, что не имела возможности познакомиться с вами раньше, — Буккари протянула руку. Шэннон осторожно пожал ее.

— Мы все были заняты, — сказал он. — Очень.

— Вы к нам попали случайно?

— В общем-то, да, — ответил сержант. — Я как раз проверял отделение Макартура, когда объявили общую тревогу. Так что мне повезло.

— Надеюсь, не в последний раз, сержант, — пожелала ему Буккари. — Удача нам еще понадобится.

ГЛАВА 5. НА ПЛАНЕТЕ

В грузовом секторе Буккари увидела боцмана Джонса, выплывавшего из шлюзовой камеры ВПМ.

— Всюду посмотрел — порядок. Все закреплено, системы выброса подключены, — доложил он.

— Тянуть не будем, в такой тесноте можно свихнуться.

Она проверила герметичность скафандра и нырнула в шлюзовую камеру. Ей нередко приходилось работать в модуле, так что внутри спускаемого аппарата Буккари чувствовала себя вполне уверенно. Рубка пилота находилась в носовой части. Усевшись в акселерационное кресло, она надела шлем, подключилась к коммуникационной сети и приступила к предполетной проверке Внутриатмосферного Планетарного Модуля.

— Компьютер! Положение систем! — последовала ее команда. — Пилот Буккари.

На консоли зажегся зеленый свет, и контрольный компьютер ответил бесстрастным механическим голосом:

— Пилот Буккари. Доступ получен. Передаю управление.

— Режим запуска, — продолжила она, устраиваясь поудобнее в кресле и проверяя коннекторы.

— Все системы проверены. Замечаний нет, — доложил из своей рубки Джонс.

— Боцман, зная, что вы на борту, я бы удивилась, услышав обратное, — с улыбкой заметила пилот.

Они быстро провели предстартовую и стартовую проверки. Модуль был в отличном состоянии, все системы дали зеленый свет.

— Приготовиться к выбросу ВПМ! — объявила Буккари по радио.

— Готовы, — отозвался Хадсон. — Встреча через девяносто три плюс. Контроль на кнопке четыре. Поняли?

— Вас поняла, девяносто три плюс, кнопка четыре. Включение через две минуты. Начиная отсчет, — она откинулась на спинку, ожидая запуска модуля с корвета, который и сам был запущен со звездолета-носителя — икринка от икринки, и у каждой своя цель, своя зона действия. Но как бы то ни было, это ее судно, а она на нем пилот.

Вот открылся грузовой люк — в широкий проем вползла тьма. Буккари отключила освещение в кабине, проклиная себя за то, что не сделала этого раньше — глаза давно бы уже адаптировались к ночным условиям. Сейчас горел лишь красный аварийный «глазок».

Модуль вздрогнул и завибрировал, могучая стрела подъемника выводила его на стартовую позицию. Впереди уже наступал день, красновато-золотистая арка поднимающегося солнца казалась нимбом над темной массой планеты.

Буккари услышала, как щелкнули магнитные грипเปอร์ы — модуль вышел из корпуса корвета. В точно рассчитанный момент она перевернула его на спину и включила двигатели. Корвет отбросил на них свою тень и исчез в черной бездне: они остались одни в лучах Рекс-Калифа, торопливо взбирающегося по небу своей третьей планеты.

За время их вынужденного ожидания Буккари тщательно изучила район возможной посадки. На самом большом из четырех континентов было выбрано гранитное плато. Протекавшая рядом широкая река служила хорошим навигационным ориентиром. К западу тянулась величественная горная цепь, радар определил высоту некоторых гигантов — более восьми тысяч метров. Конечно, горы не сулили ничего хорошего, но зато обширное плато оказалось просто созданным для посадки — плоское, твердое. Обнаруживший его Хадсон окрестил свое детище прозаически «Район приземления Альфа». Все остальные называли его Плато Хадсона.

Турбулентность резко улеглась, и Буккари заметила, что температура внешней обшивки ВПМ стабилизировалась: вошли в атмосферные слои.

— Полетный профиль, — компьютер подчинился ее приказанию: на навигационном дисплее появилась траектория полета, рядом шли столбцы сопутствующих данных — высота, направление, скорость и другие. Механический голос доложил о плотности воздуха, температуре за бортом и давлении. — Стоп, — голос

резко оборвался. В течение нескольких минут аэродинамические показатели колебались, затем установились — атмосфера уплотнилась, и модуль превратился в аэроплан.

— Переход завершен, боцман, — сказала она. — Летим, — и включила автопилот.

Совершив широкий поворот, чтобы спуститься пониже, Буккари внесла некоторые изменения в курс для того, чтобы при заходе на посадку солнце оказалось в хвосте. Перевернувшись, она попыталась рассмотреть физические очертания планеты. Где-то там Плато Хадсона, его еще не видно из-за тумана. Удостоверившись в правильности курса, лейтенант вернулась в «нормальное» положение.

— Все в порядке, ребята! — сообщила она по интеркому. Шесть человек в похожих на торпеды колпаках молча восприняли ее объявление. — Входим в зону посадки. Выброс по плану. Зеленый свет. Начинаю отсчет. 5... 4... 3... 2... 1.... Бинго!

ВПМ задрожал. Менее чем через секунду шесть пенетраторов были выброшены из хвостового отсека. В наушниках раздался голос Джонса:

— Пенетраторы выстрелены. Порт закрыт. Давление топлива в норме. Курс без изменений. Закончил.

Буккари перевела модуль под контроль компьютера.

— О'кей, боцман. Зажигание через пять секунд. Все системы в норме, — она откинулась на спинку кресла в ожидании рывка при включении двигателей ВПМ.

Пенетраторы пронзили атмосферу, все больше раскаляясь по мере приближения к поверхности. Они мчались один за другим, в каждом — одна живая душа, бессильная что-либо сделать. Секунды казались часами. Внизу, еще невидимая, раскинулась прерия. Лучи рассвета коснулись ее зеленой травы, заиграли в каплях росы. Река, желтовато-зеленая в утреннем свете, лениво катила свои воды меж отвесных берегов, окутанных белесой дымкой. На западе блестели ослепительно-белые шапки гор. Люди не видели всего этого и, наверное, будь даже у них такая возможность, вряд ли обратили бы внимание на величие чужого мира: их мысли были сосредоточены только на них самих, все их восприятие сводилось к биению сердца, тяжелому дыханию и едкому запаху пота.

По мнению Шэннона, худшей частью путешествия было вторичное ускорение: как будто завтрак просится на волю. Оно длилось вечность — целых пятнадцать секунд пенетраторы ускорялись в направлении, противоположном модулю, то есть тормозили по отношению к земле. Сержант почувствовал горький запах ракетного топлива и понял, что от цилиндра отделился отработавший мотор.

Он падал вперед ногами в герметично закрытом титановом гробу и ждал. Ждал, когда же, наконец, двигатель заработает в режиме «ретро», и начнется та самая худшая часть путешествия. Он в третий раз проверил страховочные узлы, поправил шлем и послушал рабо-

ту своих легких, куда принудительно поступал кислород из баллона. Температура быстро росла. Миновала еще одна вечность. Он посмотрел на альтиметр, еще раз проверил крепления.

Стрелка альтиметра, установленного на тридцать километров, дрогнула. Шэннон ждал, чувствуя, как закладывает ушные каналы. Он зевнул и пошевелил челюстью, закрыл глаза. Еще одна вечность. Шэннон снова бросил взгляд на альтиметр — сейчас, сейчас включится режим «ретро». Он выпрямил спину, отвел назад плечи. Еще один взгляд на альтиметр. И крепко-накрепко зажмурился.

И вдруг... все его существо дернулось так, как будто некий гигант схватил дубину и ударил Шэннона снизу по ногам. Колени подогнулись, но активная страховочная система поддерживала спину и туловище; у основания появилась острая боль; голова закружилась, он чуть не потерял сознание. Но следующий толчок будет еще сильнее. Через пятнадцать секунд после первого рывка из сопла у основания цилиндра вырвалась вторая струя пламени, еще через десять секунд — третья. Направленные непосредственно на планету, они обладали такой силой, что, казалось, способны были отбросить пенетраторы обратно в космос.

Шэннон сконцентрировался, пытаясь справиться с мыслями. Скорость падения в пределах нормы. Он наклонился, чтобы освободить страховочное кольцо и опередить автоматику, но бортовой процессор оказался быстрее. Сержант услышал над головой пронзительный свист:

сейчас развернется воздушный якорь... Шэннон приготовился к еще одному толчку.

Беспокойство схлынуло. Перегрузки растворились. Он почувствовал прилив сил. Теперь, когда падение почти прекратилось, нижние две трети пенетратора почти незаметно соскользнули вниз, словно торопясь на randevу с планетой. Покачиваясь над приближающейся, пестро раскрашенной гладью, сержант видел свои башмаки двенадцатого размера, заключенные в противоударные колодки, все еще соединенные с контрольной секцией у пояса. Он без сожаления расстался с ними. Внимательно осмотрев зону приземления, заметил изгиб реки и изменил соответственно направление дрейфа.

Шэннон проверил своих людей. Что-то не так с номером пять — рядовым Честеном. Его явно сносило в сторону. Худший вариант — он мертв, задохнулся или погиб в результате разгерметизации цилиндра; в лучшем случае — лишился сознания при торможении из-за неправильного положения тела.

Сержант быстро набрал на контрольной панели код связи — серия коротких двойных сигналов и после паузы одиночный, обозначающий его положение в группе. Через несколько секунд он был вознагражден коротким двойным сигналом — Пети, затем пауза и тройной сигнал — О'Тул, следом — Татум. После долгой паузы шесть сигналов тремя короткими парами. Командир отделения — Макартур. Номер пять, Честен, не откликнулся.

Шэннон переключился на УКВ:

— Шестой, держись ближе к пятому. Следуй в пункт Альфа. Порядок действий обычный. Прием.

— Шестой понял, — голос Макартура звучал сухо, по-деловому.

Сержант огляделся, пытаясь рассмотреть место приземления. Совсем рядом клубились облака, на юге и западе высились горы, их острые шпили уходили, казалось, в самое небо. Внизу он легко нашел один из основных ориентиров — изгиб реки. По расчетам Шэннона, до приземления оставалось менее тридцати минут. Уточнив показания альтиметра, он ослабил маску, чтобы вдохнуть разреженную атмосферу. Запах серы? И холод... значительно холоднее, чем он ожидал.

Шэннон вспомнил предполетное совещание. Плато Хадсона: пятьдесят километров от скал у реки до отрогов первых вершин. Высота — более двух тысяч метров над уровнем моря и около тысячи метров над речной долиной. Сама река окаймляла большую часть плато, горы с юга и запада составляли другую линию естественного барьера. Скользя над обрывом, отмечаящим край плато, он отметил клубы пара, поднимающиеся от скал. Там и тут гранитную равнину украшали бусинки озер. А вот и то, о котором говорил Хадсон, — центральное, с тремя островами.

Самыми интересными стали последние пятьсот метров спуска. С высоты в пять тысяч метров топография планеты представлялась одномерной. Теперь же горы и долины, скалы и холмы, ущелья и тени вытянулись, раздались,

приобрели перспективу и глубину. Бледный гранит плато поднялся навстречу сержанту.

Шэннон затянул крепление шлема. Скальный грунт, усеянный золотистыми и алыми пятнами лишайника, скользнул под ногами. Он потянул лямки, гася скорость, чтобы не разбиться об огромный камень, сделал четыре спотыкающихся прыгающих шага и остановился — странник в новом мире.

— Ну и холодно же здесь.

Макартур бессильно наблюдал, как Честена относит все дальше. Он проверил крепление заплечного ранца и сбросил противоударные колодки. Номер пять дрейфовал в южном направлении, все дальше от места сбора. Хорошенькая прогулка им обеспечена! Их товарищи уже исчезли из поля зрения.

Не упуская из вида Честена, Макартур одновременно попытался рассмотреть приближающуюся равнину. На первый взгляд она казалась вполне невинной. Безлесная степь полого уходила на север до самого горизонта, где терялась в неясной дымке. Южнее, навстречу им поворачивала река, ее поток разветвлялся, раскатывался по песчаной мели, разбрасывая солнечные блики. Три или четыре реки сталкивались, разбегались, образуя островки и банки, как будто не могли решить, какого берега им держаться.

Дальше, за рекой, равнина постепенно переходила в плоскогорье, а еще дальше уже на-

чинались горы. Грозные лохматые великаны, окутанные облаками, с голубовато-зелеными ледниками. Бросались в глаза два симметрично расположенных пика; пыхтя огромными трубками, они отмечали вход в долину.

На высоте семисот метров Макартур еще раз посмотрел вниз. Что-то было не так, ему показалось, что буро-зеленые пятна как-то сместились. Двигалась сама земля. Не веря своим глазам, он вгляделся пристальнее и увидел... бесчисленные стада животных. Все видимое пространство равнины занимали эти медленно перемещающиеся массы.

Некоторые из них были темно-коричневые, другие — красноватые, третьи — золотистые и даже почти желтые.

Макартур немного изменил скорость дрейфа. Он мог бы, пожалуй, избежать падения прямо в стадо, тем более, что ветер помогал ему в этом, относя к холмам, где животных было не столь много. Честен, более тяжелый и, вероятно, бесчувственный, летел в самую гущу. Капрал размышлял: последовать за товарищем? А если он уже мертв? Попадешь под копыта.

А если всего лишь без сознания и нуждается в медицинской помощи? Он мог задохнуться. Могло унести ветром и разбить о камни. Или утащить в реку. Макартур достал из-за спины винтовку и приготовился к приземлению.

При спуске он уже примерно в течение часа испытывал ощущение притяжения, но только теперь, когда его ноги ударились о каменистую почву, иллюзия стала реальностью.

Пасущиеся рядом животные обрели индивидуальные формы: массивные, с большой головой и короткими рогами, густо поросшие шерстью, на могучих, крепких ногах, они напоминали бизонов. Вот им-то на спины и обрушилось безвольное тело Честена.

Однако, как это бывает при посадке вертолета на хлебное поле или падении камня в спокойную гладь пруда, животные, почуяв приближение чего-то незнакомого, волнами отхлынули от того места, куда должен был упасть посланец небес, так что землянин грохнулся на расчищенную площадку. В воздух взлетели комья земли, грязь, тяжелый стук копыт вдребезги расколол мирную тишину наступающего дня. Макартур поспешно расстегнул ремни, подтянул стропы, автоматически отметив, что земля под ногами мягкая, мшистая, но при этом сухая и пружинистая.

Тундра! Или тайга! По крайней мере, все это весьма напоминало север Канады. В памяти почему-то всплыли картины далекой юности: долгие пешные прогулки, первые опыты в охоте.

Идти было нелегко.

Связав стропы обоих якорей, чтобы их не унесло ветром, Макартур попытался заняться Честеном. Первым делом он перевернул его на спину и приподнял за плечи. Но тут же разжал пальцы и отступил на шаг. Слизики! Черные аморфные твари величиной с большой палец вылезали из зеленовато-черной кучи помета, в которую угораздило упасть Честена. Они ползли, изгибаясь, сталкивались друг с другом, за-

рывались в пористую землю, но не все! Десятки, а может, и сотни покрывали тело, руки, лицо распростертого матроса. С трудом преодолевая отвращение, глядя под ноги, Макартур осторожно перетащил товарища на относительно чистое место и смахнул скользких червяков, которые тут же исчезли, зарывшись в мох.

Честен дышал, хотя и был без сознания. Переломов Макартур не заметил. Он отстегнул ремни, и тяжелый ранец свалился со спины раненого. Потом капрал отодвинул визор и поднял маску. Честен содрогнулся, глаза его широко раскрылись; в них застыл страх. Он судорожно хватал ртом воздух, но после первого же вдоха его снова передернуло, руки метнулись к лицу, воздух со свистом вырвался из ноздрей, а на глаза навернулись слезы.

— Не могу дышать! — натужно проговорил он — в легких не было воздуха. — Не мо... — скрюченные пальцы нащупали маску; он натянул ее на лицо и откинулся на спину. Затем попытался сесть, но острый приступ боли пронзил беднягу. Честен замер и упал навзничь, прижав маску к лицу обеими руками.

Макартур потянулся к своей. Но едва он ослабил страховочный зажим, как едкий, острый запах хлынул в ноздри, бронхи, легкие. Глаза моментально повлажнели, резкая боль прошла дыхательные пути и разлилась в груди. Он упал на колено, отчаянно пытаясь выдохнуть из себя и вонь, и боль, пусть даже с кровью. Не воспринимая уже окружающий мир, ничего не видя и не слыша, капрал при-

жал к лицу дыхательный аппарат и осмелился вдохнуть. Откуда-то изнутри поднялась волна тошноты. Пытаясь не поддаться панике, он еще раз глубоко вдохнул, наполняя легкие кислородом.

Дыхательные пути постепенно очищались, но кисловатый металлический привкус еще не прошел. Макартур взглянул на Честена и понял, что тот тоже напуган. Нужно было связаться с группой. Единственным средством связи, помимо языка знаков, оставалось радио. Капрал открыл коробку передатчика и включил прибор.

— Воздух не пригоден. Положение — не позавидуешь, — выдохнул он, оглядываясь на мирно пасущееся стадо. Бизоны — другого названия он не придумал — уже успокоились и щипали травку в отдалении. Пестрые буровато-рыжие особи были массивные, примерно полтора метра высотой, с тяжелым горбом в районе загривка, наподобие доисторических мастодонтов. Черные острые глаза взрослых животных внушали уважение к их обладателям.

Макартур поднялся и посмотрел на Честена. Бледный, с выпученными глазами, великан все еще страдал от глотка местной атмосферы.

— Где болит, Джокко? — спросил Макартур.

Тяжело дыша, Честен закрыл глаза и включил приемник.

— Спина. Что-то с тормозным двигателем... Ударился... Как тонна кирпича. Должно быть, потерял сознание. Что будем делать, Мак?

Голова все еще была как в тумане. Что делать? Запаса воздуха хватит на два, в лучшем

случае четыре часа. Хотя на лучшее, учитывая стресс, рассчитывать нечего.

— Надо трогаться. Ты можешь идти?

— Не знаю, — ответил Честен. Он осторожно перекатился на живот и встал на колени. Будь их двое, они, возможно, могли бы тащить его, держа под руки. Да и то вряд ли. Согнувшись и накренившись вправо, Честен сделал несколько неуверенных шагов, с трудом поднимая ноги, которые глубоко проваливались под тяжестью тела.

Макартур подобрал его ранец и подтянул стропы воздушного якоря. И тут его осенило. Связав оба ранца, он привязал их к стропам и ухватился сам. Налетевший порыв ветра надул ткань якоря, и она, испугав нескольких бродивших поблизости бизонов, поднялась в воздух, волоча за собой груз.

Скорость ветра заметно превосходила скорость движения человека, и капрал едва успевал переставлять ноги. Через несколько секунд он догнал своего ушедшего вперед товарища.

— Как дела, Джокко? — окликнул его Макартур по УКВ, едва удерживая рвущийся из рук груз.

— Не уверен, что дойду, Мак, — прохрипел Честен. Его посеревшее лицо блестело от пота.

— Можешь и дойдешь, Джокко. Если что, я тебя подожду.

Честен кивнул, и Макартур двинулся дальше. Оптимизма хватило только на то, чтобы подбодрить раненого, причин же для беспокойства было предостаточно. И главная — воздух.

По мере спуска изменялась и почва: земля

становилась тверже, упругость исчезла, лишайник встречался чаще. Взобравшись на невысокий холм, Макартур заметил впереди несколько тощих, с желтоватыми стволами деревьев. За ними долина раздавалась вширь и уходила вниз. Он знал, что дальше протекает река, но не забывал и о другом: чем ниже они спустятся, тем выше потом придется взбираться.

— Сейчас увидишь деревца в отдалении, справа. Я направляюсь к ним. Когда дойдем туда, проверим воздух. Веселее топай! — Макартур пытался говорить так, чтобы Честен не терял надежды, одновременно подпитывая бодрым тоном и самого себя.

Он двинулся дальше. Ветер, такой сильный на более высоком участке, здесь значительно ослаб, потерял энергию, и ранцы то и дело цеплялись за камни. Макартуру все чаще приходилось тащить их на себе через невысокие холмики и болотистые низины. Примерно через час, изнуренный, вспотевший и злой, он приблизился к деревьям, которые заметил с пригорка, и тяжело сел на большой валун, изрезанный прожилками кварца. Опустив голову, он закрыл глаза, чувствуя, как дрожат руки и колени. Кривое, рахитичное деревцо с горчичного цвета стволом и серо-зелеными колючками давало хоть какую-то тень, обеспечивая приятную прохладу.

Как приятно вот так сидеть, расслабившись, ни о чем не думая, вдыхая живительный кислород. Но страх не уходил. Изолированный шлемом от окружающего мира, Макартур слышал лишь тяжелые удары сердца и хрип легких. Он поднял голову и осмотрелся. Совсем

рядом, в нескольких шагах от него, из земли бил источник. Почти незаметный из-за обступивших его фиолетовых цветов, он стекал ручейком по гранитным ступенькам. При виде воды капрал ощутил невыносимую жажду.

Делать нечего, Макартур набрал полные легкие кислорода и осторожно оттянул край маски. Прохладный воздух приятно коснулся щеки. Он снял шлем, и в уши хлынула неповторимая симфония природы, свежий бриз охладил шею и лоб. Все еще задерживая дыхание, Макартур невольно поежился. Держа маску у самого лица, он выдохнул, оставив в легких запас кислорода, а затем принюхался. Пахло ужасно: невероятно насыщенное, агрессивное зловоние, жуткая смесь падали, гнили, нечистот и еще чего-то жженого. Весь этот отвратительный конгломерат обрушился на обоняние, проник в мозг, грудь, кровь разнесла его по всем клеткам организма. Голова наполнилась болью. Тело умоляло: уйди, усни, отключись. Из глаз потекли слезы. И все же Макартур знал — это не смертельно. Он мог дышать — его легкие воспринимали атмосферу. Он мог дышать — его не выворачивали наизнанку рвотные спазмы, как это случилось в зоне приземления.

Ужасно, отвратительно, гадко... но это был воздух. Так что перспектива кислородного голодания отступила.

Он глянул под ноги на источник. Да, вода. Должно быть... Что толку в том, что воздухом можно дышать, если вода непригодна для питья? Без нее они умрут. Обречены.

Положив на землю шлем и маску, Макартур

тур опустился на колени. Сначала обнюхал пульсирующую жидкость, но в ноздри лез только вонючий воздух. Потом отхлебнул глоток, просто на пробу, но жажда загнала в угол осторожность, и он жадно припал к сладчайшей в мире влаге.

ГЛАВА 6. ОБИТАТЕЛИ СКАЛ

Боги сердились, и Браппа явился свидетелем их недовольства: он и другие стражи видели, как те спустились на землю, появившись прямо из облаков, — им это не привиделось, так как они были трезвы. В утреннем небе прогрохотал гром, а на востоке взорвалась звезда. Молнии никто не заметил, но там, вверху, будто расцвел желто-красный цветок. А потом на них обрушился оглушительный гром! От его раскатов до сих пор звенело в ушах. Из ярких огней и невыносимого шума возникли четыре существа и полетели по направлению к озерам.

Браппа, сын Браана, старший утренней стражи, исполнил ловкий танец на крутом гранитном выступе. Золотое сияние рассвета наполнило речную долину, озарило и растопило тонкую морозную корку, украшавшую верхушки скал. Браппа мчался за утренним светом до самых стен ущелья, легко подпрыгивая через каждые несколько шагов, раскинув прозрачные мембраны и мягко скользя с одного уступа на другой. Пробежка — прыжок — скольжение, и так много раз. Конечно, при

желании он мог бы спланировать до самого низа, но ему необходимо было подумать.

Браппа миновал расщелину и с удовольствием вдохнул сырой сернистый воздух. Выдохнул... облачко пара мгновенно растворилось в холодном воздухе. Место, в котором он оказался, всегда окутано клубами пара и тумана, воздух благоухал минералами и сыростью. Он приближался к кружеву террас, там его дом. Рядом мчалась река, едва различимая за пеленой пара; ее могучий поток, заключенный в могучие стены ущелья, грохотал по каменистому ложу, и невысокое утреннее солнце еще не испещрило бурные воды знакомыми светло-зелеными и белыми лоскутами.

Браппа, сын Браана, мягко приземлился на сырой гранитной террасе перед порталом. Защищенная сверху неровным карнизом прорезанной жилами кварца скалы, она достигала в самом широком месте десяти пядей, а по длине — более семидесяти пядей. Низкая зубчатая стена ограничивала террасу со стороны обрыва. Между зубьями пышно разрослись цветущие растения, издающие неповторимые пронзительные ароматы, смешивающиеся в дурманящий конгломерат запахов. Снизу, от реки, поднимался пар, обволакивающий растения туманной пеленой, сквозь которую просачивался солнечный свет, танцующий радужными бусинками.

В двух пядях над шишковатой головой Браппы нависала арка, сооруженная из обсидиана*, с

* Обсидиан (вулканическое стекло) — горная порода (прим. ред.).

перемычкой из контрастного белого жадеита*. У входа — два мастерски отесанных гранитных валуна. Отполированная временем лестница, искусно вырубленная в гранитном основании, вела вверх от террасы в пещеру — тридцать широких ступенек...

Браппа аккуратно сложил крылья за спиной так, что они перекрывали друг друга. Темноволосый и горбатый — все-таки крылья за спиной, — он был кривоног, с головой, напоминающей черную мотыгу; мускулистые, с выступающими сухожилиями руки оканчивались четырехпальными кистями и свисали ниже колен. Тело прикрывала шкура с мягким черным мехом, только грудь и живот выделялись кремовой расцветкой, что служило отличительным знаком летучего обитателя скал. Охотник. Меньше половины пяди ростом, но еще молодой.

У порога портала возникли три похожие на него фигуры, только значительно выше. Головы и шеи вновь прибывших покрывал такой же мех, как и у Браппы, но на теле он — только кремовый. Большие округленные головы. Мастера, за тысячелетия эволюции утратившие способность летать и некоторые другие особенности: их тела приспособились для иных нужд. Они были выше ростом, тяжелее, более умелые и во многих отношениях значительно разумнее. Охотники заметили бы, что они не очень смелые.

Самый высокий из мастеров являлся старейшиной и носил на груди ожерелье из изум-

* Жадеит — минерал, обычно — яблочно-зеленого цвета (прим. ред.).

рудов и гранатов — знак садовника. Браппа остановился, низко поклонился и протянул руки ладонями вверх, выказывая почтение перед членом совета. Ему было о чем рассказать, но правила требовали молчания.

— Зачем ты здесь, охотник? — торжественно просвистел старейшина совета. В его свист вплелись дрожащие нотки, он тоже слышал гром.

— Долгой жизни тебе, старейший. По приказу Куудора, начальника стражи, о Высочайший, я бодрствовал утром и стал свидетелем странных происшествий, — прочирикал Браппа.

— Ты сказал. Следуй за нами, — мрачно скомандовал старейшина, медленно повернулся и пошел назад. Другие мастера, ученики, склонив голову, направились за ним в глубь пещеры.

Браппа шел следом. Сводчатые арки и изящные колонны, поражающие своей красотой, становились все выше по мере того, как они углублялись в расширяющийся зал; тонкой работы алебастровая и жадеитовая мозаика украшала полированные альковы. Куполообразный зал, пещерный амфитеатр площадью более пятидесяти квадратных пядей, предстал перед ними, освещенный сотнями и тысячами спиртовых ламп, мерцающих желтоватым сиянием.

Браппа и раньше бывал в зале собраний, его не пугали огромная толпа и приглушенный гул голосов. В это утро громадное помещение пустовало. Вверху, над головой, бурлила в акведуках вода, и эхо шаркающих шагов казалось оглушительным. Когти на ногах Браппы скребли

сверкающие каменные узоры черного мраморного пола. Звонкая тишина пустого зала нервировала его, но, будучи охотником, пусть даже всего лишь стражем, он был обязан проявлять смелость. Со скрытым презрением Браппа отметил, что ученики протирают влажной губкой пол и стены. Мало им естественной сырости, подумал он. Вот охотники этого никогда не делают.

Браппа и его сопровождающие поднялись по лестнице на мраморный балкон. Здесь старейшина знаком показал, что нужно подождать, и вяло махнул рукой в сторону балкона. Когда он исчез за частоколом колонн, Браппа присел на гладкую деревянную скамью. Его внимание привлекла дренажная система, охватывающая по периметру весь зал. С нижних уровней каналы и не заметишь. Вода отводилась с верхних уровней через каскады и акведуки для использования всей общиной. И не только в качестве «аква витэ»*. Вода — основа искусства.

Браан, вождь охотников, стоял у входа, когда старейшина вошел в помещение для собраний. Как и полагалось, старейшина занял свое место в конце черного мраморного стола. Браан знал — садовник видел более сотни зим, и при этом оставался самым молодым из одиннадцати старейших. Охотников в совете не было, ведь они жили недолго. Обитатели скал, охотники и мастера, обходились без общего вождя, но часть его функций выполнял старейший — Кооп. Отличительный знак из зеленого жадеита указывал на его принадлежность к рыбакам. Никто

* Аква-витэ — aqua vitae (лат.) — водка (прим. ред.).

не знал возраста Коопы, но мех на его голове уже давно отливал серебром.

— Браан из клана Соонга, вождь охотников, будешь ли ты говорить от имени стража? — прощепетал Кооп.

Браан, чье лицо уродовали страшные шрамы, а мех на голове прочерчивали белые полосы, не был старейшим из охотников, однако, благодаря своим способностям, стал их вождем. В этом качестве ему частенько доводилось общаться со старейшинами. Знак уважения соплеменников, кожаный ремень, украшал его шею.

— Он моей крови. Его слова — мои слова, Высочайший, — ответил Браан.

— Какие у тебя новости? — напрямик спросил Кооп, что грубо нарушало все принятые условности.

Браан не обиделся, ведь старейшина сделал это не из неуважения к нему, а из нежелания зря терять время.

— Старейший, все, что я знаю, только лишь слухи. Узнать правду помогут те, кто что-то видел. Прости мое нетерпение. Я привел с собой стража.

Не дожидаясь разрешения, он спрыгнул со скамьи и исчез за колоннами.

Страж стоял у входа, уважительно склонив голову. С тех пор, как Браан-отец отправился в поход за солью, луна прошла полный цикл. Тем временем, его сын, Браппа, нес сторожевую службу. Браан торжественно и церемонно поклонился в ответ своему отпрыску, а потом ласково потрепал его по подбородку. Сын под-

нял голову и радостно ухмыльнулся, обнажив несколько рядов мелких и острых зубов. Браан похлопал его по спине и подтолкнул ко входу в помещение.

Отцу было чем гордиться. Браппа, сын Браана, не спеша и с достоинством подошел к столу. Впервые представ перед старейшинами, он не стушевался и подробно рассказал о том, что видел, а когда его слушатели стали задавать вопросы — особенно старались каменотесы и паровики — твердо и уверенно ответил на них. Браан слушал молча, уж очень удивительно было то, о чем поведал сын. Он, старший утренней стражи, видел, как с неба спустились летающие существа, но это были не охотники, не орлы и даже не злые громыхающие машины мифических людей-медведей. Может, это боги? Озадаченные старейшины сбились в кучу и принялись что-то обсуждать шепотом. Браппа, сын Браана, стоял молча и неподвижно, ожидая решения.

Браан, не испытывающий такого пиетета по отношению к старейшинам, вмешался в ход обсуждения.

— О, старейшины, у меня есть предложение.

— Говори, охотник, — сказал Кооп, явно утомленный затянувшимся собранием и нерешительностью своих коллег.

— Люди боятся, что это боги спустились на нашу землю, а возможно, это вернулись те, похожие-на-медведей, о которых говорят мифы. Нужно все узнать, а для этого — послать охотников к озеру. Если боги или люди-медведи

снизошли на землю, мы отыщем их. Если люди-медведи, мы будем защищаться. Если боги, окажем им уважение.

Браан повернулся, чирикнул Браппе следовать за ним и вышел из палаты, царапая когтями мраморный пол.

Быстро миновав зал, они вышли на террасу, задержавшись лишь для того, чтобы расправить крылья-мембраны. Отец вскочил на зубчатую стену, оттолкнулся и грациозно воспарил над ущельем, по дну которого с ревом неслись потоки. Браппа, отставший на пару шагов, сделал то же самое, в точности скопировав маневр отца. Оба охотника покружили, потом их подхватили восходящие потоки воздуха, унося выше, выше... Набрав скорость, они понеслись вдоль ущелья, оставив позади затянутую водной пеленой широкую террасу.

Охотники отличались от мастеров не только способностью летать. Вот и сейчас они провели сонарную разведку, определив маршрут движения между отвесных стен. Бесшумно поднимались и опускались огромные крылья, унося странных существ к дому. Обитали охотники в пещере, перед которой также пролежала терраса, впрочем, не столь длинная и широкая. Воздух был менее сырым — сказывалась большая высота. Аромат приготовленной пищи смешивался с запахом газов, выделявшихся из глубин планеты, и приятно возбуждал обонятельные рецепторы.

Жилище двух охотников отличалось от других мастерски выложенной стеной из черного мрамора с золотой мозаикой — дар легендар-

пому прадеду Браана Соонгу от мастера-каменотеса в знак признательности его заслуг в борьбе с орлами.

Из всех обитателей скал, у матери Браппы, жены Браана Ки был, наверное, самый острый слух. Она уже ждала их на террасе, прижимая к себе ребенка. При виде мужа и сына ее охватила радость, и хотя, на первый взгляд, в позе женщины ничего не изменилось, любой охотник сказал бы, что Ки счастлива. Так молча она и стояла, пока Браан не снял с шеи кожаный ремень.

Только тогда мать начала приветственную речь.

— Добро пожаловать домой, уважаемый муж. И ты, возлюбленный сын, — Ки щебетала, кланялась, но избегала смотреть в глаза мужчинам.

Браппа поклонился матери. Отец ничего не сказал.

— Хорошо вернуться к теплу материнского дома. Служба стража нелегка, но... но справляюсь хорошо. У меня есть друзья, — ответил сын, также не глядя в глаза Ки. — Прости, что плохо сказал — я не хотел тебя обидеть, и я не жаловался.

— Я не услышала жалоб, сын мой. Двадцать дней прошло, как ты ушел на службу, и за это время ты еще больше вырос, — церемонно ответила она.

— Благодарю тебя, о мать моя, за эти слова. Ты добра и щедра, — в тон ей произнес Браппа. Compliment за комплимент.

Ребенок, сестра Браппы, молчавшая до это-

го момента, потеряла терпение, что, впрочем, трудно было поставить ей в вину — формальную процедуру воссоединения семьи мог вынести только посвященный. Малышка вскинула сухие ручонки, крылышки коснулись лица матери. Девочка запищала, ее пронзительный голосок и сонарный сигнал слились воедино в нечто невообразимое. Браан, усмехнувшись, освободил мать от крошечного бремени и заключил дочку в объятия. Малышка обрадованно ухватила за грубые отцовские крылья и закричала от восторга. Отдав дань обычаю, сын и мать тоже обнялись, причем в данном случае уже Браппа поглаживал худенькую Ки. Стесняться подобного проявления чувств не приходилось — туман в это утро отличался густотой, а сами охотники гордились семейной привязанностью. Да и находились они сейчас в своем родном клане.

Однако, при всем этом, семья Браана перенесла свои приветствия, объятия и прочие горячие чувства под крышу жилища. Низкий потолок, но зато целых шесть комнат — исключительная роскошь, причем, что вовсе уникально, дом Браана не соединялся с другими пещерами. Два выхода — это уже не роскошь, а насущная необходимость. Надежно замаскированные, небольшие, они не только обеспечивали вентиляцию и служили аварийными выходами, но иногда открывали хищникам доступ к добыче. Орлы, скальные собаки и рыкуны иногда еще обходили стражу и терроризировали население, особенно охотников, чьи дома располагались на самых вершинах. Свет спир-

товых ламп и знакомое журчание воды встретили отца и сына; к ним прибавились еще запахи печеной рыбы и лукового супа. Браан и Браппа почувствовали себя дома.

Ели быстро и шумно. Браппа поинтересовался у отца, как прошел набег на соляные озера, но тот отделался несколькими словами. Обычная экспедиция: сейчас время миграции огромных стад, так что запах оказался хуже, чем память о нем. Видели полевого дракона, белохвостов и много-много орлов. Однажды встретились рыкуны, но охотникам повезло: удалось избежать серьезных стычек. Хищники были сыты, что обычно для этого времени года, ведь бизоны в период миграции представляют собой легкую добычу. Носильщиков шло очень много, поэтому отряд лишился маневренности, и если бы не удача, неизвестно, чем бы все кончилось. Аппетиты соотечественников росли, соли не хватало, и, по мнению Браана, необходимо искать иное решение проблемы.

Отец знаком показал, что наелся, и вся семья последовала его примеру. Браан посмотрел на сына.

— Сообщи начальнику стражи и получи разрешение на разведку. Понадобятся три воина для сопровождения. Я прошу, чтобы и тебя включили в их число, хотя это остается на выбор Куудора. Передай начальнику стражи мое почтение и сообщи, что экспедиция отправится во второй половине дня. Иди, — приказал Браан.

Едва скрывая охватившее его волнение, Браппа поклонился. Задержавшись ровно на-

столько, чтобы обменяться мимолетным взглядом с матерью, страж выскочил из дома, вспрыгнул на стену террасы и упал в туман, едва успев развернуть крылья. Через мгновение он уже неся по ущелью.

Ки тоже вышла на террасу проводить последнего оставшегося в живых сына, как всегда поступали жены и матери охотников, отправляя в путь своих отцов, мужей и сыновей. Так было всегда. Приходило и уходило поколение за поколением, но тревога расставания соединяла их в единую цепочку, не прерываясь, что, наверное, и обеспечивало существование обитателей скал. Ки уже потеряла двух сыновей, мужественных, крепких, смелых... и молодых. Слишком молодых для смерти.

— Он уже улетел, — печально сказала Ки. Она повернулась и заглянула в глаза мужа, что делала только тогда, когда они оставались наедине. — Береги моего сына.

В ее словах прозвучали и просьба, и приказ. Браан приблизился к жене, взял ее лицо в ладони и потерся лбом о ее лоб, обмениваясь с ней сонарными импульсами. Ки отступила на шаг и попыталась улыбнуться, но глаза уже повлажнели, и улыбка не удалась. Муж только что возвратился из далекой, опасной экспедиции и вот уже собирается отправиться в другую, да еще забирает с собой ее единственного сына. Жизнь охотников коротка и проходит в бесконечной борьбе. Ее муж — вождь всех охотников. Долг — это критерий его существования, а смерть — верный попутчик.

— И позаботься о себе, мой доблестный супруг, — она поклонилась.

Браан вернул поклон. Охотник молча и неподвижно стоял в одной из маленьких комнат. Затем он открыл обитый кожей деревянный сундук, тщательно закрытый всего лишь несколько дней назад. Вождь извлек из ящика кожаный панцирь, железный нож, небольшой лук и колчан. Мрачно оделся, взял оружие и, крепко пожав руку жене, вышел из дома и провалился в бездну. Захлопали крылья, разгоняя туман, но вскоре замерло даже эхо.

Стоны прекратились... тихие, периодически повторяющиеся звуки, подобные далекой заунывной сирене. Обойдя обдуваемое ветром озеро, Шэннон облегченно вздохнул, найдя укрытие под желтыми корявыми деревьями. Все это время его не оставляло чувство, что за ними наблюдают.

— Нашел... пещеру, Сарж, — выдохнул Пети. Матрос тяжело дышал, его грудь вздымалась и опадала. Когда подошел Шэннон, он сделал попытку подняться, но тут же бессильно упал на поваленное дерево. Сержант опустился на колени, стараясь успокоить дыхание. Пещеру он еще толком не рассмотрел: вход находился немного выше. Над ним нависала огромная каменная глыба. Татум сидел поблизости, прислонясь к скале и закрыв глаза. Шэннон посмотрел вниз, оценивая пройденный через плато путь.

Покинув район приземления, они спустились к озеру. Равнина здесь была несколько иной, больше напоминала тундру; то и дело

встречались тропинки, протоптанные животными, но, к большому огорчению землян, все они выходили к заросшему тростником озеру. Вокруг цвело много великолепных белых цветов, их стебли переплетались с тростником и какой-то другой, не столь яркой растительностью. Внимание Шэннона привлекли мясистые наросты у основания бутонов, и он решил как-нибудь проверить их с точки зрения голодного человека. Но пока эти мысли не могли отвлечь его от нескончаемых стонов, доносившихся со всех сторон.

Он и сам с трудом держался. С тридцатью килограммами груза за спиной путешествовать нелегко: каждый шаг требовал титанических усилий, и прилив адреналина, вызванный спуском на поверхность, уступил место всеобщей слабости. Обогнув озеро, они начали подъем. За время пребывания в космосе люди привыкли к невесомости, и теперь полная планетная гравитация тяжким грузом ложилась на каждый мускул, каждое сухожилие. Сердце трепыхалось, как птица под накидкой, веки налились свинцом, едкий пот заливал глаза, в ушах стоял неумолчный звон, а кровь молотом стучала в висках. Сержант потряс головой, пытаясь сбросить пелену, окутавшую мозг.

Ниже, у самого озера, под ветром колыхалась рощица. Несколько деревьев росли вблизи массива, где Татум обнаружил пещеру. Земля здесь была потверже, тут и там в траве мелькали ранние ягоды — голубые, черные, красные.

Рядом с Пети тяжело опустился О'Тул. Опершись о ствол, взглянул на товарища.

— Ты как? Нормально? — промычал он. — Выглядишь ужасно. Ужаснее, чем обычно.

Пети оторвал было голову от ранца, но тут же со стоном опустил, оставив реплику О'Тула без ответа.

— Выпей-ка немного стимулятора, — распорядился Шэннон.

Пети перекатился набок и достал из бокового кармана фляжку. После нескольких глотков глаза у него прояснились, лицо порозовело.

— Да, — слабо пробормотал он. — Жить буду. Боже, этот марш-бросок совсем меня доконал.

— Гравитация, — протянул О'Тул.

— Здесь она меньше, чем на Земле, — заявил Шэннон.

— Давненько мы не были на старушке-Земле, Сарж, — фыркнул О'Тул.

— Ладно, хватит скулить. Соберись, Пети! — рявкнул сержант. — Прикроешь меня.

Он заставил себя подняться, хотя колени протестовали, как могли, *пересек поляну и по-лез* наверх, где его ждал Татум. Чуть выше находился вход в пещеру. Татум сидел, опустив руки на колени, с носа капал пот. Шэннон почувствовал, как тому не хочется двигаться; скала защищала от ветра, и Татум, наверное, вполне согласился бы вздремнуть прямо здесь.

— Ну, что мы имеем, Сэнди? — с этой высоты Шэннону было видно озеро за верхушками деревьев и край плато, на которое они приземлились. Солнце клонилось к закату, его слабый, словно пропущенный через фильтр, свет танцевал на покрытой рябью поверхности озера. Внезапный порыв ветра под-

нял столб пыли, закружил его и унес. Деревья мягко зашуршали.

— Не уверен, что именно, Сарж, — отозвался Татум. — Мне показалось, что я что-то видел. Какое-то движение, — он снял перчатку и сунул в рот большой палец. Пожевал. Выплюнул кусочек ногтя.

— Шум слышал? — спросил Шэннон. Татум покачал головой.

Сержант кивнул и принялся карабкаться к пещере, цепляясь за камни, которыми был усеян весь склон. Покинув укрытие, он почувствовал, как ветер холодит потное тело. Шэннон огляделся. Никого. Никаких признаков жизни. И все же, он был уверен, пещера была чьим-то домом. Теперь это будет их дом. Сержант протянул руку к бедру, вытащил из ножен короткий кинжал и прикрепил его к стволу винтовки. Со штыком наперевес Шэннон приблизился к входу...

Пещера была пуста. Достаточно высокая — человек мог стоять, не пригибаясь, — она расширялась в глубину. В полумраке он не мог рассмотреть деталей, но все же определил, что жильцы, если таковые имелись, в данный момент отсутствовали. Возможно, вышли погулять. Или за продуктами. Тяжелый запах намекал на недавнее пребывание здесь крупных животных, на песчаном полу можно было рассмотреть следы. В углу Шэннон заметил клочья свалывшегося густого черного меха и разгрызенные кости. Ясно: тот, кто здесь жил, любил мясо. Отпечатки лап напоминали собачьи, только когти, по всей веро-

ятности, подлиннее. Ну что ж, вот они, первые свидетельства животной жизни. Довольно зловещие следы хищника.

Сержант отступил к выходу и окликнул своих людей. Солнце скрылось в серой дымке облаков, ветер настойчиво трепал верхушки деревьев.

— Эй, ребята, шторм надвигается. Давайте-ка пошевеливаться, — крикнул он. — Корвет будет над нами через пятнадцать минут. О'Тул, разверни полевую станцию и установи навигационный маяк. Проверь. Надо, чтобы они нас засекли. Татум, займись пещерой. Лагерь будет здесь. Нам еще повезло, что мы ее отыскали. Так что, давайте обустраиваться. В ней сухо, и места достаточно. Это хорошие новости. Плохие — это то, что в ней кто-то жил, и судя по тому, что я видел, этот кто-то с когтями и клыками. Ест мясо. Так что держите оружие наготове. А впрочем, это хорошая новость. Значит, есть пища.

— Точно, — отозвался Татум. — Вопрос в том, кто кого будет есть.

Браан и три воина бесшумно парили над оборонительной линией. Когда они появились перед юным стражем со всем подобающим случаю достоинством, тот, попытавшись принять важный вид, тут же послал за начальником стражи. Юноши с неприкрытым трепетом взирали на настоящих ветеранов, так внезапно появившихся во вверенном им районе. Стар-

ший смены, видя, что его подчиненные уже не в состоянии нести дежурство, приказал трубить сбор. На сигнал откликнулись, и вскоре уже целая толпа чирикала, щебетала и пересвистывалась, бросая на гостей восхищенные взгляды. Многие были в кожаных панцирях, с луками и пиками. Браан и его временные попутчики в толстых, потемневших от пота боевых шкурах, с железными ножами и большими луками, казались здесь великанами среди пигмеев. Конечно, в переносном смысле.

Товарищами Браана были знаменитые воины. Вождь охотников мудро обратился к старому Ботто из клана Ботто и попросил помощи. Почтенный Ботто, некогда вождь охотников, теперь стал слишком стар, чтобы самому спускаться вниз, но прошлые заслуги и хорошие манеры внушали к нему всеобщее уважение. Старик посчитал бы себя оскорбленным, если бы его клан оказался исключен из опасного и важного предприятия, поэтому он приказал двум своим старшим сыновьям, Ботто и Тинну, сопровождать Браана. Третьим стал Крааг из клана Веера, к которому принадлежала и жена Браана. В иерархии охотников высокий, седой Крааг занимал второе место после Браана.

К ним уже шел Куудор из клана Виххо, начальник стражи, опытный воин и учитель. Куудор сильно хромал, а его левое плечо пересекал страшный шрам. Искалеченный ветеран резко остановился перед строем своих воинов, его юный помощник замер чуть позади. Браан и его товарищи приблизились к учителю. Воины обменялись формальными приветствиями,

но глаза их сверкнули при виде друг друга. Им было что вспомнить: общие победы, общие опасности...

Как и положено, первым заговорил Браан.

— Куудор, начальник стражи, для службы старейшинам требуются три стража. Мы отправимся на север, в район озера трех островов, чтобы провести разведку. Вернемся прежде, чем большая луна возродится заново.

— Браан, вождь охотников, — ответил Куудор. — Твоя экспедиция важна, что подтверждает и присутствие столь опытных воинов. Для нас честь предоставить тебе трех стражей в это опасное предприятие. Три самых достойных выбраны! — Куудор повернулся к помощнику и отдал распоряжение.

Первым был вызван Браппа из клана Браана; вторым — Шеррип из клана Виххо, внук Куудора, сильный и способный юноша, один из лучших летателей; третьим — Кибба, помощник начальника стражи, из клана Киит. Он сам выкрикнул свое имя дрожащим от волнения голосом. Все трое гордо выступили вперед.

Самые сильные и храбрые идут впереди. Куудор повернулся к остальным и бесстрастным тоном коротко выкрикнул призыв. Новый помощник занял место прежнего. Они запели песнь смерти — серия скорбных, горестных завываний... а когда унылые звуки унес поднявшийся ветер, помощник взметнул вверх пику, и воздух пронзили громкие приветственные крики. После этого воины и стража в едином строю замерли перед Куудором. Браан отдал команду и торжественным шагом направился к

обрыву. За ним направились и все остальные. Развернув крылья, как боевые знамена, они прыгали с кручи и кружили в воздухе, оглашая поселок приветственными криками. Семеро обитателей скал, тяжело работая крыльями, поднимались все выше и выше. Сильный северо-западный ветер подхватил их и понес прочь, подальше от ущелья, от дома. Вскоре они превратились в едва заметные пятнышки в небе...

ГЛАВА 7. ПЕРВАЯ ПОСАДКА

ВПМ завибрировал, его трясло и качало, но Буккари не волновалась, — так бывало всегда при входе в более плотные слои атмосферы.

— Как там наши пассажиры, боцман? — прокричала она. Маска мешала говорить, плотно облекая лицо.

— Все в порядке, лейтенант, — ответил Джонс. — Фенстермахер и Доусон не дают скучать: у них, наверное, рты никогда не закрываются; Доусон так прямо рвет Фенстермахера на части, и Лесли Ли держится.

— Да уж, эти ребята молодцы, — в кабине пилота было жарко, лейтенант чувствовала, что еще немного, и пот закапает со лба. Активное торможение закончилось, нагрузка на модуль уменьшилась, и болтанки уже не ощущалось. Снизилось и давление газа в скафандре. Буккари подвигала челюстью и зевнула. — Вход в атмосферу завершен! — доложила она. — Вызываю компьютер, команда: автоматическое отключение.

Бортовой компьютер выполнил приказ, и лейтенант приняла управление на себя. Легкое касание, и модуль накренился на правый борт;

«жучок», отмечающий курс на дисплее, медленно пополз по заданной траектории. Сигнал от наземного навигационного маяка, развернутого Шэнноном, шел уверенно. Буккари ничего не оставалось, как снова перейти в режим автопилотирования и расслабиться.

Сейчас ВПМ включит двигатели, совершит необходимый разворот и зайдет на посадку. Давление нарастало. Серебристая птица с дельтовидным крылом качнулась, завершая маневр, и в тот же миг из сопла вырвалась раскаленная струя газов.

— Высота по графику, — сказал Джонс. — Катимся, как по желобу. Давление в норме. Все в порядке, лейтенант, все в порядке.

Буккари дважды нажала кнопку интеркома. Перед ней разворачивался незнакомый пейзаж — нужно найти топографические знаки. На верхнем дисплее две прямые все больше сближались друг с другом. Они выходили в район посадки. Автопилот держал высоту, но скорость стремительно падала. Индикатор спуска решительно двинулся к центру шкалы. ВМП вышел на околосзвуковую скорость. Вот изгиб реки, отмечающий плато Хадсона. Еще дальше — грозная стена гор. Именно к ней они и приближались. Но опасности не было: в любой момент она может резко взмыть вверх, перейдя на аварийный режим номер один, возвращение на орбиту.

— Предпосадочная проверка завершена, лейтенант, — доложил Джонс.

— Поняла вас, боцман, — отозвалась она. Внизу промелькнул край плато. Буккари уже

видела поднимающиеся от реки клубы пара. Радарный альтиметр отметил резкое падение высоты и подал предупредительный сигнал. Слева показалось озеро. Конфигурация крыльев модуля изменилась, он задрожал, нос приподнялся, закрывая вид спереди.

Скорость упала, корабль принял вертикальную позицию, и в тот же миг включились главные двигатели. Буккари вдавило в кресло. Она не столько слышала, сколько чувствовала грохот моторов. Перед глазами снова показались горы, но взметнувшаяся с поверхности куча пыли и мусора скрыла их из вида. Двигатели резко выключились, грохот перешел в горестный вой. ВПМ вздрогнул и замер. Они приземлились.

Небо посветлело. Нежное сияние охватило самые вершины гор, возвещая приближающийся восход солнца. Браппа проснулся. Рядом заворочался Крааг. Браппа немного замерз, задеревенели мышцы, но возбуждение наполняло его тело энергией и силой. Помимо всего прочего, он еще и проголодался, а вид горящего костра только подстегнул аппетит. Охотник открыл глаза. Вид товарищей, занятых привычным делом, заставил его подняться. Кибба уже развел бездымный костер из прутьев, благоразумно собранных до начала ночного дождя, а Тинн нарезал тонкими полосками рыбу. Изголодавшиеся охотники поспешили встать в очередь за своей порцией. Затем с помощью заостренных

палочек они подержали рыбу над огнем, достаточно долго, чтобы показать себя цивилизованными существами, то есть не очень долго.

Крааг закончил завтрак первым. Браппа выплюнул рыбные кости и поднялся вслед за ним, нужно было сменить товарищей. И тут взрывы раскололи чистый утренний воздух! Браппа прижал руки к ушным отверстиям, но было поздно. Оглушенный охотник посмотрел на остальных. Даже Браан и Крааг выглядели испуганными; вытаращив глаза, они замерли у костра. Лишь через несколько мгновений оба воина пришли в себя, встряхнулись и тревожно переглянулись. Что же, значит, не один он перепугался. Браппа почувствовал, как в нем поднимается гордость.

Он первым услышал приближение чужаков и свистнул в знак предостережения. Корабль шел с выключенными двигателями, но громкое шипение воздуха выдавало его появление. Огромная, серебристая, холодная на вид птица пронеслась над головами охотников, ослепив их блеском отраженного света. Разинув рты, разведчики глазами проводили исчезающий вдали летательный предмет. Через секунду воздух задрожал, что повергло их в священный трепет.

Браан повернулся к охотникам.

— Наша экспедиция дала плоды, но вкус их нам не известен. Ускорьте свои приготовления. Мы отправляемся.

Люди Шэннона рванулись к модулю, занимая, как и предписывалось инструкцией, обо-

ронительную позицию. Сержант внимательно огляделся. Посадка модуля не могла пройти незамеченной.

— Сержант Шэннон, это Буккари, — услышал он знакомый голос по УКВ.

— Вас слышу. Добро пожаловать в наш новый дом. И хочу поздравить с прекрасной посадкой. Немного, правда, шумновато.

— Ничего не поделаешь, сержант. Но я здесь ни при чем, всю работу делает автомат, — сказала Буккари. — У меня шесть пассажиров и оборудование. Надо поспешить с разгрузкой, я планирую встречу с корветом на следующем витке.

— Конечно, лейтенант, конечно. Как только сможем до вас дотронуться. Уж очень вы горяченькие... то есть, э... я о корабле. Извините, лейтенант. Сейчас мы вас... — он умолк на полуслове, смущенный донесшимся до него с модуля смехом.

— Успокойтесь, Сарж, — отдышавшись, сказала Буккари. — Я вас поняла.

— Вы не собираетесь выключать генератор, лейтенант? — спросил Шэннон через несколько минут. Температура обшивки быстро падала, чему способствовал холодный ветер.

— Нет, сержант, генератор пусть остается включенным. Надо поддерживать давление топлива, в противном случае понадобится много времени, чтобы его раскопегарить. А при холодном старте часто случаются всякие неожиданности, — ответила она. — Я здесь неплохо устроилась. Эта гравитация не так уж и плоха, если уметь стоять на спине. Может, даже вздремну пока.

— Что ты видел? — спросил Макартур, бросая собранный хворост.

— Медведя! — воскликнул его товарищ, губы и язык которого были покрыты фиолетовыми пятнами.

Воздух вздрогнул. Оба подняли головы, выискивая в небе модуль. Но синюю безмятежность нарушали только две струйки дыма, поднимающиеся от вулканов по обе стороны долины.

— Черт возьми, что это ты ел? — вздохнул Макартур, переводя взгляд на товарища. — Послушай, Джокко, так и отравиться недолго.

— Ягоды, — ответил Честен, опуская глаза и вытирая рот тыльной стороной ладони. — Они тут повсюду. Я и для тебя собрал пригоршню. Нет, правда, вкусные.

— Ладно, посмотрим, как ты будешь себя чувствовать через пару часов, — Макартур опустился на колени перед небольшим костром. — Так говоришь, медведь, а?

— Похоже на медведя, — уточнил Честен. — Вон там, на склоне.

Макартур посмотрел туда, куда указывал Джокко. Горный кряж окаймлял вулкан, поднимаясь на несколько сотен метров. Над вулканом курился дым. Свежий ветерок, относящий едкую вонь бизонов, дул уже несколько часов в одном направлении.

— Стоял на задних лапах, на том вон уступе, — сказал Честен. — Довольно большой, раза в два выше тех камней. Потом скрылся

по ту сторону хребта, — он поднялся, осторожно выпрямился и покачал головой. — Да, большой и бурый.

— Как твоя спина? — спросил Макартур, не сводя глаз с гребня.

— Чертовски больно двигаться, но все же не то, что вчера. Пожалуй, я мог бы нести свой ранец, — лицо Честена исказилось.

— Подождем еще день, — ответил капрал. — Не спеши.

— Я буду поддерживать огонь, как ты мне сказал.

— Да, Джокко? Ты молодец, — Макартур взглянул на костер. — Давай-ка приготовим что-нибудь из пайков. Этими ягодами сыт не будешь. Вот подзаправлюсь и полезу на эту горку.

— Может, и я с тобой пойду, Мак? Не хочется оставаться... одному.

— Нет, Джокко. Впереди неблизкий путь, и я хочу, чтобы ты был готов завтра.

Через час Макартур уже подошел к гребню, о котором говорил Честен. Хребет возвышался над деревьями и был совершенно лишен растительности. Многочисленные овраги затрудняли разведку, животное могло спрятаться где угодно. Капрал карабкался до тех пор, пока не добрался до указанной Честеном груды камней. Здесь он остановился и взглянул вниз в сторону лагеря. Крошечный Честен, казавшийся с этой высоты не больше пальца, энергично махал руками. Макартур помахал в ответ, стараясь определить возможные размеры зверя согласно оценке товарища. Вдвое выше этой

груды? Камни доходили ему до плеч. Он еще раз взмахнул рукой и продолжил восхождение.

Через три часа идти стало труднее — дорогу преграждали огромные гранитные валуны, а еще дальше склон переходил в почти отвесный подъем. Отклонившись к северу, Макартур вышел на небольшую площадку, с которой открывался хороший вид на плато. Всю равнину покрывали стада бизонов, медленно перемещающихся к западу. При виде этого бесчисленного множества животных у капрала захватило дух. Боже! Ну уж от голода здесь не умрешь, только каково это мясо на вкус?

Он отправился выше, используя застывшие потоки лавы. Несмотря на многочасовую ходьбу и гравитацию, Макартур чувствовал себя отлично. Солнце не проникало на эту сторону хребта, так что он находился в тени, но влажные воздушные потоки, поднимающиеся из расселин, несли тепло и сильный запах серы. Капрал посмотрел на часы — еще пятнадцать минут. Ландшафт резко изменился — глубокие расщелины, застывшие поля лавы, струйки дыма — все это придавало местности фантастический грозный вид. Ветер крепчал. Макартур невольно поежился. Пора.

Оставалось пять секунд. Он включил радио, послушал и передал короткое сообщение: «Альфа, Альфа, это Шестой. Вы меня слышите?».

Все находились в базовом лагере. О'Тул склонился над приемником, но оттуда доносилось лишь потрескивание. Внезапно сквозь

шум разрядов донеслось что-то едва различимое.

— Это Макартур! — воскликнул О'Тул.

— Шестой, это Альфа. Вас слышу, но очень плохо. Ты меня слышишь, Мак? Прием.

— Громче... я... Альфа... Пять... — больше ничего разобрать не удалось.

— Понял, Шестой. Твой сигнал едва различим. Держись, пока я свяжусь с Шэнноном. Перерыв. Вызываю Шэннона. Макартур вышел на связь.

— Понял тебя, Альфа. Это Первый. Слышу тебя хорошо. Макартура не слышу, — ответил Шэннон. — У него, должно быть, сели батарейки, а может, он просто очень далеко. Спроси, как там Честен.

О'Тул добавил звук.

— О'кей, Шестой. Давай свой рапорт, но говори помедленнее. Сигнал слабый. Как Честен?

Ответа разобрать не удалось. О'Тул ничего не мог поделать. На помощь пришел Шэннон, посоветовавший О'Тулу задавать только общие вопросы, чтобы Макартур мог отвечать короткими сигналами: да или нет. После нескольких попыток последовали первые обнадеживающие результаты. Вкратце сообщение сводилось к следующему: раны Честена несмертельны, он может передвигаться; они видели животных; опасности не подвергаются.

— Достаточно, — вмешался Шэннон. — Заканчивайте связь. А то совсем посадим батарейки. Да и засечь могут. Пусть идут к пункту Альфа, а связь — в предусмотренное время..

О'Тул передал, но ответа уже не расслышал.

Макартур стоял, прикидывая, сколько времени может занять переход к пункту Альфа. И чем больше он думал о предстоящем переходе, тем отчетливее представлял всю его трудность. Уровень плато Хадсона намного выше его нынешней позиции, а еще нужно пересечь реку. Если идти напрямик, то придется обходить стада бизонов с их невыносимым запахом, а затем форсировать этот могучий поток. Но и это еще не все. Как подняться на плато по отвесной гранитной стене? Он посмотрел на юг, где за рекой поднималась гряда холмов.

Что-то промелькнуло между ним и солнцем. Макартур, прищурившись, взглянул на небо, но ничего не обнаружил. Он уже собрался было снять шлем, чтобы расширить поле зрения, но только поднял руку, как сильный удар обрушился на него сзади. Капрал потерял равновесие, упал и покатился вниз по склону. Просхав метров двенадцать, он врезался в оказавшийся на пути валун и, не вставая, огляделся. В небе над головой снова мелькнула тень! Что там?

Огромный, похожий на сказочную птицу Рухх, орел несся на него сверху, сложив крылья и выпустив страшные когти. Макартур инстинктивно поджал ноги и за долю секунды до того, как хищник впился в грудь, метнулся в сторону. Удар пришелся в левое плечо. Когти царапнули плоть, разодрав ткань костюма. Капрал откатился на пару шагов и, шатаясь, поднялся. Рука судорожно искала пистолет. Вот это да! Если промедлить, его гигантский противник нанесет еще один удар. Сжав рукоятку

обеими руками, он поднял оружие, целясь в грудь пикирующей на него твари. Хладнокровно убрал предохранитель и выпустил три заряда. Пули вошли в тело чудовища, и оно ударилось о землю, подобно упавшему с небес камню.

И тут перед глазами поплыла черная пелена, из глубин сознания поднялась и захватила его паника! Он ослеп! Он лишился зрения! Грудь сдавило, дышалось с трудом. Что-то тяжелое и теплое вдавило его тело в скалу. Ветер обдувал руку, ту самую, что держала пистолет. Он выпустил оружие, напрягся и поднялся на ноги. Груз, давивший на спину, куда-то исчез. Солнце ударило в глаза. Все еще не совсем ясно понимая, что с ним, Макартур выбрался из-под тела врага, подобрал пистолет и отполз на пару шагов.

Не вставая на ноги, он первым делом посмотрел вверх, готовый в любую секунду распластаться под скалой и стрелять, стрелять, стрелять... Потом огляделся. Плечо все залито кровью. На локтях, ладонях, коленях — синяки и порезы. Голова кружилась, в глазах мелькали искры. Он дотронулся до шлема — в центре рваное отверстие, от которого во все стороны разбегаются трещины. Холодный ветер освежал мокрую от пота голову. Макартур стащил шлем и отложил в сторону. Не нужный теперь, он спас ему жизнь. Болело все тело, он задрожал. Первая стадия шока. Все еще сидя на коленях, он то и дело бросал нервные взгляды в небо, невольно пряча голову в плечи. Так прошло несколько минут.

Наконец человек поднялся и подошел по-

ближе к пернатому хищнику. Да, похож на орла, но размеры! Он осторожно повернул голову птицы дулом пистолета. Сомневаться не приходилось — мертва, желтые зрачки невидяще смотрят мимо. Макартур ухватился за крыло и развернул его. Никак не меньше пяти метров. Он обошел труп и повторил ту же операцию с другим крылом. Размах крыльев достигал пятнадцати шагов! Жуткий оранжевый клюв длиной с его ногу! Он встал во весь рост над поверженным врагом, удивляясь размерам и мощи противника, но одновременно испытывая атавистическую гордость победителя. Хотелось ударить себя в грудь и громко закричать. Но капрал лишь покачал головой и вложил пистолет в кобуру. Из ножен на бедре достал кинжал и срезал толстый кусок мяса с гордой груди орла. Положив добычу в расколотый шлем, Макартур начал спуск. Сегодня вечером, кроме ягод, у них будет кое-что более существенное.

ГЛАВА 8. ВТОРАЯ ПОСАДКА

— Добро пожаловать на Плато Хадсона, — усмехнулся О'Тул. Он стоял, подбоченясь, на террасе у входа в пещеру. Пети и Гордон несли на носилках раненого Рено, Ли и Фенстермахер шли за ними, поддерживая друг друга. Голдберг и Доусон тащились сзади. О'Тул поспешил на помощь.

— О, наконец-то твердая почва под ногами! — зарыдал Фенстермахер, крепче прижимаясь к Лесли. Лицо его выражало смесь напускных страданий и подлинного удовольствия.

— Нэнси засекла сегодня стаю птиц в небе, — сказала Голдберг.

— Да? Расскажите Саржу, он хочет, чтобы ему сообщали обо всех таких случаях, — откликнулся О'Тул. — Послушайте, а вы слышали стоны? Ну, что-то похожее на стоны?

— Ты имеешь в виду цветы? — спросила Доусон.

— Что? — вытаращился О'Тул.

— Да, большие белые цветы, — вступила в разговор Ли. — Мы все выяснили. Они растут из пузырей, заполненных воздухом. Солнце нагревает их, и воздух вырывается... со стоном.

Должно быть, механизм опыления. Мы уже и имя им придумали.

— Пук-пук, — с невозмутимым видом произнес Фенстермахер.

— Ты, наверное, газировки перепил, — засмеялась Доусон. — У Лесли вариант получше.

— Похоже, нам придется поработать, растений здесь хватает, — тихо заметила Ли.

— Так как же вы его в конце концов назвали? — начал было О'Тул, но вспомнил инструкции Шэннона. — Ах да, Сарж хочет, чтобы мы поставили здесь палатки. В пещере места для всех не хватит. Шэннон распорядился поделиться. И еще... Нужно прямо сейчас выставить пост охранения. Пети, Гордон, надевайте шлемы и отправляйтесь на дежурство.

Они поднялись и стали собираться. Пети подошел к Голдбергу и, нежно подтолкнув, взял за руку.

— В этих палатках будет холодновато, — сказал он, улыбаясь, — если вы, леди, решите разделить со мной спальный мешок, я с удовольствием потеснюсь.

Доусон устало улыбнулась и бросила в него камешек.

— Прекрати, Пети, — зарычал О'Тул. — Ты же знаешь эти дурацкие инструкции.

— Плакальщики, — задумчиво сказала Лесли в наступившей тишине. — Вот как мы их назовем.

После захода Браан облетел большой остров. Остальные охотники летели парами, со-

блюдая осторожность. Они бесшумно спустились с гребня, укрытые тьмой, пользуясь тем, что обе луны еще не появились на небе. У основания каменистого шпиля Крааг и Тинн осторожно разгребли камни, прикрывавшие вход в пещеру. Обитатели скал много раз посещали этот остров. Здесь они вырыли потайные ниши, замаскировали входы, чтобы при случае воспользоваться временным убежищем. Чаще всего здесь находили кров те, кто прилетал на остров за рыбой. Браан назначил стражу, и охотники занялись делом.

Утро выдалось тихое и холодное, камни покрылись за ночь тонкой коркой льда. Озеро, затянутое туманом, было совершенно скрыто от глаз. Вершины островов, словно подвешенные в воздухе, казались сказочными замками таинственных существ. В воде плескалась рыба, но Браан запретил ловлю, настаивая на максимальном проявлении осторожности. Придется довольствоваться корнями растений.

Внезапно над тихой водой разнеслись резкие металлические звуки, чьи-то голоса, смех. В серой полумгле рассвета вспыхнуло пламя огня. Все случилось столь внезапно, что охотники даже не успели занять оборонительные позиции. Они замерли в ожидании богов. Но какие же шумные эти боги!

Первые золотистые лучи солнца коснулись заснеженных вершин. Шевельнулся ветерок. Кибба тихо свистнул и вытянул руку. У берега озера, совсем недалеко — на расстоянии полета стрелы, — стояли три странных существа, их ноги терялись в стелющемся над землей тумане. Два — очень высокие, третье — пониже,

но, однако же, никак не ниже любого из мастеров. Они были белокожие, с круглыми головами, прикрытыми шапочками цвета желтых горных цветов. На тех, что побольше, одежды зеленые, на меньшем — песочного оттенка. Существо поменьше наклонилось, зачерпнуло воды каким-то небольшим контейнером и подняло его на уровень глаз. Одно из существ выше махнуло рукой, и все трое пошли по берегу, причем меньшее из всех сил старалось не отставать.

Существа обогнули небольшой заливчик и приблизились к скалистому обрыву с водопадом. Один из одетых в зеленое гигантов вскарабкался по камням до самого потока. Он опустился на колени, попробовал воду рукой и резко выпрямился, качая головой. Потом высокое существо спустилось на берег, они немного постояли, а затем направились прочь от водопада к своему лагерю.

Браан бросился с вершины вниз и, опустившись до верхнего слоя тумана, принялся кружить, изредка взмахивая крыльями. Существа шли, не оглядываясь. Браан поднялся к водопаду. Усевшись рядом с бурлящим потоком, он молча наблюдал за пришельцами. Вскоре те скрылись из виду, но их голоса еще некоторое время разносились над тихой водой. Браан глубоко втянул воздух; пахло как обычно — цветы, деревья, мох... В этот момент из-за края плато показалось солнце, его чистый свет залил окрестности, но охотник не двинулся с места. Тяжело дыша, он пытался обнаружить присутствие незнакомцев. Да, вот их запах —

странный, кисловатый. Но к нему примешивался другой — затхлый след горных собак. Опасность где-то рядом.

Браан осторожно поднялся и легко двинулся вверх по каменистому склону. Взобравшись на вершину гребня, охотник осмотрелся. Слева пролегал неглубокий каньон, по дну которого бежала речушка. Ветер шелестел травой, обдавая его ароматом цветов. Тяжелый подъем и яркое солнце согрели кровь, притупили внимание. Совершенно неожиданно для него из-за огромного камня вдруг вышло одно из существ. Оно рассматривало что-то под ногами, потом наклонилось и стало собирать ягоды. Вероятно, почувствовав присутствие постороннего, пришелец поднял голову и повернулся к охотнику. Высокий, вдвое выше Браана, покрытый каким-то материалом песочного цвета — да, конечно, это не кожа. Необычайно длинные ноги и руки с пятью пальцами, на вид сильные. Широкое, плоское лицо, большегубый рот, перепачканный ягодным соком. В середине лица какой-то ужасный выступ с двумя отверстиями. Маленькие крылышки по бокам головы. Существо пристально смотрело на Браана, поначалу ошеломленно — в глазах даже мелькнул страх; но затем он исчез, сменившись любопытством.

Представители двух различных рас стояли друг против друга — растерянные, но не испуганные — и не шевелились, как будто любое движение могло расстроить сложившуюся мозаику. Первым отважился на это Браан. Подавив усилием воли первый порыв — улететь,

охотник неторопливо повернулся спиной к чужаку и пошел вверх по склону. Длинноногий некоторое время смотрел ему вслед, затем неуверенно шагнул вперед, как бы желая продлить встречу.

— Проклятье, — пробормотала Доусон.

Солнце поднялось уже довольно высоко, плакальщики умолкли. Время, отведенное для прогулки, истекло, но Доусон никак не могла заставить себя повернуть к лагерю. Причина ее задержки была весьма прозаическая — ягоды. Большие, синие, сочные и... настоящие, они чем-то напоминали виноград. Она пыталась не есть слишком много, но соблазн оказался непреодолим. Доусон собирала их быстро и ела, выплевывая косточки.

— Нет, нужно идти, — сказала она себе. О'Тул обещал подежурить у радио, но не больше часа, ему еще готовить маяк. Доусон спустилась к ручью и пошла берегом, то и дело останавливаясь, чтобы сорвать несколько ягод. Вот тут она и увидела нечто. Гигантская летучая мышь, мелькнула первая мысль.

Ее внимание привлекли когтистые лапы — или ноги? — и четырехпалая кисть. Невероятно, но этот маленький зверек держал в руке некое кожаное одеяние. Доусон в недоумении смотрела на вытянутое узкое лицо, а существо, не мигая, смотрело на нее большими черными глазами. Да оно же разумное, подумала она и хотела уже сказать что-ни-

будь, но голос почему-то пропал. Странный абориген медленно повернулся и двинулся вверх по склону холма, легко и уверенно находя дорогу между камней. Доусон перевела дыхание и, подумав, нехотя побрела к лагерью. О'Тул будет в ярости.

Браан не ушел. Некоторое время он еще кружил над холмом, надеясь возобновить контакт с высоким пришельцем. Длинноногое существо, спотыкаясь, спустилось к ручью, держа в руках контейнер с ягодами. Ягоды. Значит, они не едят мясо. Краем глаза охотник уловил какое-то движение с другой стороны холма. Так и есть, обоняние не подвело его: две горные собаки крались, скрываясь за камнями, в сторону длинноногого. Пришелец не мог их заметить, так как хищники находились выше и немного впереди.

Горные собаки — хитры и опасны. У обитателей скал было немало врагов, и эти — одни из самых кровожадных. Браан огляделся. Вряд ли это все — горные собаки обычно охотятся стаями. Ветер нес в его сторону густой запах мускуса. Охотник опустил на землю. Он чувствовал, что враг где-то рядом, где-то прячется, готовый в любую секунду броситься на спину, вцепиться в горло. Браан вытащил из колчана стрелу и еще раз оглядел сверху окрестности. Две собаки уже ждали добычу, затаившись над тропинкой. Еще две спешили наперерез длинноному. Он ничего не мог предпринять, со-

бытия вышли из-под контроля. Если пришельцы действительно боги, то пусть их проверит сама природа.

Чужак все еще неуклюже спускался с холма, расставив руки для равновесия. До места, где затаились горные собаки, оставалось несколько шагов, но длинноногий совершенно не ощущал надвигающейся угрозы.

Доусон споткнулась и остановилась полюбоваться пейзажем. Туман уже рассеялся. Озеро отливало золотом, а край плато резко выделялся на фоне ясного неба, обманчиво сокращая расстояние. Она взяла еще пригоршню ягод и, покачав головой, отправила ее в рот. Почувствовав жажду, опустилась на колени к серебристому ручью и припала губами к ледяной воде. Ей было жарко, солнце согрело поросшие красным лишайником скалы, причудливо испещренные кристаллами кварца и пирита.

Поднявшись на ноги, она бросила взгляд на вершину холма. Вход в пещеру отсюда не был заметен, но Доусон видела деловито хлопочущих товарищей, готовящихся к переходу в пункт посадки. Ей тоже хотелось бы пойти туда, но кто-то должен дежурить у радио. Она потянулась и оглянулась назад, все еще думая о странном существе. А может, ей это только померещилось? Доусон шагнула от ручья и застыла как вкопанная — шагах в тридцати от нее за скалой притаился Татум. Он целился в нее из винтовки!

— Сэнди! Не стреляй! Это я, Нэнси! — закричала она.

— Да я не в тебя целюсь, — яростно зашипел Татум. — Замри!

Доусон подняла голову и увидела над головой радиотехника двух черных животных.

— Позади тебя, — шепнула она, медленно поднимая руку.

Татум обернулся. Ближайшая к нему собака задрала серую морду и зарычала, обнажив ряд острых клыков; ее длинные уши слегка подрагивали, а шерсть на спине стала дыбом. Она прыгнула. Татум успел повернуть винтовку навстречу зверю и, уже падая, выстрелил. Хищник упал на землю уже мертвым; очередь разрывных пуль раздробила ему грудь. Выстрелы раскололи тишину мирного дня, волны звука ударились о скалы и, отразившись эхом, пронеслись над долиной и озером. Демонстрация человеком своей силы возымела эффект и на стаю черных тварей, разметав ее во все стороны, как кучу опавших листьев разбрасывает первый порыв надвигающейся бури.

От грохота выстрелов у Браана завибрировали барабанные перепонки. Палка, которую держал в руках одетый в зеленое длинноногий, изрыгнула струю пламени. Горная собака свалилась на землю, будто налетела на невидимую стену. Браан остоленел. Боги! Вот она, мощь богов! Волшебная сила — сила, способная убивать! Охваченный священным ужасом, охотник во все глаза смотрел на длинноногих. Тот, у

которого была волшебная палка, обнял своего товарища, явно испуганного. Потом он обвел внимательным взглядом скалы. Охотник? А вот другой длинноногий, в песчаном одеянии, конечно, не бог. Но и не охотник. Длинноногий поменьше указал рукой на вершину холма. Тот, который убивал, посмотрел туда, потом, не глядя, наклонился и схватил мертвую собаку за загривок. Вдвоем они потащили труп вниз, оставляя за собой кровавый след. Значит, все-таки боги едят мясо!

— Вы только посмотрите на это! — кричал Фенстермахер. Доусон, все еще держа в руках ведерко с ягодами, плелась за Татумом, который, пыхтя, тащил свой трофей к пещере. Здесь он гордо, хотя и с усилием, приподнял черную тушу над головой и швырнул ее в грязь.

— Вот вам свежее мясо! — воскликнул он. Земляне осторожно приблизились. Зверь, даже мертвый, внушал страх, из перепачканного кровью черного меха торчали клыки и когти.

— Кто знает, как снимают шкуру? — спросил Гордон.

— Снять шкуру? А зачем? — поинтересовалась Доусон. — А съесть мы его сможем?

— Я разделаю, — объявил Шэннон, появившийся на террасе. — Но это будет жесточе, чем те отбивные, что вы едали на Земле. Берегите зубы.

— Держу пари, эта тварь обитала в пеще-

ре, — сказал Татум, разжимая ножом жуткие белые клыки и рассматривая челюсти.

— Точно, — кивнул Шэннон. — Так вот, ребята, пока я буду потрошить эту... — он помолчал, — вы беритесь за дело. Надо доставить навигационный маяк на посадочную площадку. Татум, пошевеливайся!

— Черт возьми, Сарж, — пожаловался тот, поднимаясь. — Она напала на нас.

— Да, с таким арсеналом... — Шэннон указал на клыки размером с небольшой кинжал.

— Там было еще три штуки, но подстрелить удалось только одну, — пояснила Доусон — И кроме того, я видела еще кое-что.

— Расскажи им, Нэнси! — подбодрил ее Татум.

Шэннон спустился с террасы к палаткам. Из ножен он извлек кинжал с зазубренным лезвием и подошел к Доусон. Слегка наклонившись, сержант остановился перед женщиной.

— Какого черта вы позволяете себе разгуливать в одиночку, леди? Я же каждому говорил: ходить все время только в группе. Мне наплевать, если вам при этом приспичит. Делайте это в компании, а компании иметь при себе заряженное оружие. Вы меня слышите?

Доусон вознамерилась было достойно выдержать взгляд сержанта, но Шэннон оказался ей не по зубам, глаза его метали молнии, на лбу пульсировала синяя жилка, а в голосе звенела сталь. Она видела темные круги под глазами, недельную щетину, густую и серую. Доусон бессознательно провела рукой по затылку — у нее тоже отросли волосы, только

рыжие. Ей стало стыдно, она отвела взгляд и робко пробормотала:

— Я слышу вас, сержант.

Шэннон смиростивился над ней и отвернулся, иначе его пылающий взор прожег бы бедняжку насквозь. Сержант присел на корточки рядом с тушей и начал свою нелегкую работу.

— Так что еще вы видели? — мягко спросил он. Прежде, чем она успела ответить, Шэннон поднял голову и окинул взглядом подчиненных, сгрудившихся вокруг в ожидании захватывающего рассказа: — Или я рехнулся, или не сказал вам, свинцовые задницы, заняться маяком? Брысь отсюда! Ну!

Все сорвались с места. Пети и О'Тул схватили маяк, забросили за спины винтовки и рысцой устремились к озеру. За ними помчались Татум и Гордон. Мендоса с винтовкой в руках и Фенстермахер с пистолетом в кобуре заняли посты над пещерой. Лесли Ли остановилась на террасе, явно стораая от желания одной из первых узнать новость. Доусон посмотрела на врача, затем на широкую спину Шэннона.

— Ну так что вы видели? — повторил сержант, вырывая из брюха хищника внутренности. Доусон смотрела на него, как зачарованная. В животе у нее замутило, она тяжело слотнула кисловатый комок, чувствуя, что вот-вот ее вырвет. С заляпанными кровью руками Шэннон отступил на шаг, придвинул таз и снова принялся орудовать кинжалом, ловко отделяя мясо от шкуры. Куски розовой плоти летели в таз, кишки — на траву.

Доусон открыла рот, но слова застряли в горле. Лицо горело, съеденные ягоды все настойчивее просились наружу. Она отвернулась, зажала рот рукой и отбежала к обрыву.

Возвращаясь к озеру, Браан заметил длинноногих, торопливо идущих вдоль северного берега. Он подлетел к скалам и спикировал к самой воде. К острову он приблизился на малой высоте и опустился у берега. Вода была теплая. Он сложил крылья, набрал в легкие воздуха, чтобы не утонуть, и, оставив над водой ноздри и глаза, поплыл к острову. Крааг ждал.

Громкий шум встревожил и напугал охотников. Они боялись, что не увидят больше своего вождя, и, когда Браан появился на берегу, приветственно подняли руки. Суэта в лагере пришельцев тоже привлекла их внимание, и обитатели скал наблюдали из своего укрытия, как чужаки направились в сторону плато. Не сводя глаз с Браана, охотники выслушали его рассказ.

— Длинноногие могущественны, — сказал вождь.

— Но почему они не причинили вреда тебе? — задал смелый вопрос Ботто.

— У существа в песочном одеянии не было волшебной палки, а я и не пытался напасть. Горные собаки напали, — отвечал Браан. Да, они не желали ему зла, теперь он понимал это. Очевидно, длинноногие не воспринимали оби-

тателя скал как угрозу, несмотря на оружие. Хорошее предзнаменование.

Некоторое время охотники молчали, размышляя о случившемся. Внезапно Браана осенило: он понял, почему длинноногие отправились на плато. Вероятно, громоподобный корабль прилетит еще раз. Именно эта серебристая птица и приносит чужаков. Каждое сотрясение неба возвещает о прибытии других длинноногих.

— Великий гром прозвучит и сегодня, как и вчера, и еще раньше. Прилетит большая птица. Длинноногих станет больше, — объявил Браан, и охотники подивились предсказанию своего вождя.

Вторая посадка прошла не по обычному сценарию: вход в атмосферу, полет в ней, торможение — все как всегда, но приземление не удалось, точнее, мягкое приземление. Модуль качало, швыряло и подбрасывало. Он заваливался на бок. Проявив нечеловеческую реакцию, Буккари отключила автопилот и взяла управление на себя. Ей повезло — через пару секунд было бы уже поздно: модуль врезался бы в землю с полным баком топлива, что грозило гибелью не только пассажирам, но и встречающей группе, с тревогой наблюдавшей за посадкой. Катастрофа модуля означала бы смерть для экипажа корвета, оставшегося на орбите. Только тем пришлось бы еще и помучиться.

Ожидая, пока температура обшивки моду-

ля стабилизируется, Буккари проверила инструменты, приборы и программный режим. Вместе с Джонсом она продиагностировала систему управления, но так и не обнаружила ни малейшего указания на то, что же послужило причиной сбоя контрольной системы. Когда модуль достаточно остыл, экипаж и пассажиры освободили его от громоздкого груза и разместили тот для транспортировки в лагерь. Квинн удивил Буккари тем, что настоял на отправке на планету аварийно-спасательного комплекса. Впрочем, лейтенант не особенно и возражала, прекрасно понимая, что им понадобятся медицинские препараты и оборудование, семена, плот, инструменты и многое другое.

С большой неохотой Буккари заглушила двигатель. По хронометру выходило, что корвет окажется над ними через пятьдесят минут. Она сняла шлем, отсоединила коннекторы и скатилась с сидения. Потом неуклюже пробралась по наклоненному центральному проходу к грузовому люку. Гравитация подействовала на нее примерно так же, как действует головная боль. Буккари тяжело ступила на поверхность незнакомой планеты и тут же зажмурилась от яркого солнечного света. Она чувствовала себя как птенец, только что вылупившийся из яйца, беззащитный и беспомощный во враждебном мире. Лейтенант глубоко вдохнула — в легкие хлынул естественный воздух, так не похожий на пресный воздух космоса. Здесь она ощутила влажность. Сладкий, сырой запах затопил обонятельные рецепторы. Буккари чихнула.

Потом она обошла модуль, привыкая к странному скалистому пейзажу и оценивая удаленность линии горизонта. Боже, как же все прекрасно... и ново! Напрягая зрение, Буккари увидела, что гранитные кручи покрыты какими-то пятнами. Еще один сюрприз! Цветы! Желтые, белые, а как много! Уступая какому-то непреодолимому желанию дотронуться до настоящего живого цветка, лейтенант приблизилась к давно забытому чуду, опустилась на колени — смогу ли я сама подняться, мелькнуло в голове — и, едва дыша, опустила лицо в подлинный миниатюрный сад. Запах вызывал у нее чувство, близкое к эйфории. Гранитная плита с вкраплениями кварца оказалась теплой и гладкой; весь ее дискомфорт рассеялся, ушел в землю, камни, цветы, небо.

Из состояния полудремы ее вывело назойливое жужжание. Буккари села. Крохотная черно-желтая пчелка поднялась с цветка и выискивала новый бутон. Неподалеку нервно дрожали в воздухе шелковистые бабочки, уплывая вместе с теплым потоком струящегося от земли марева. Она громко рассмеялась и легла набок, положив голову на руки и издали наблюдая за ходом разгрузки, но вскоре заметила Шэннона, который, обойдя вокруг модуля, направился к ней. Лейтенант неохотно поднялась и пошла ему навстречу.

— Прелестная планета, — сказала она, — поздравляю.

— Спасибо, лейтенант, но я, к сожалению, ни при чем, — ответил Шэннон. — Так, говорите, всю работу делает автопилот?

— Туше, сержант, — они подошли к модулю. — Что-то неладно с системой контроля. Едва успели отключить двигатели. Повезло. Иначе, боюсь, нам с вами не довелось бы любоваться этими красотою.

— Ваши планы, лейтенант?

— Не думаю, что у нас есть какой-то выбор. Если Джонс не устранит причину отключения системы, а он сможет сделать это только в том случае, если повреждение связано с механикой, придется попробовать вернуться на орбиту в нынешнем состоянии, — Буккари, прищурившись, смотрела в сторону гор. — Полетим на ручном. С топливом проблем нет.

Из грузового отсека появился Джонс. Он снял шлем, отсоединил кабель энергоснабжения и вытер потный лоб.

— Ничего, лейтенант, — сообщил боцман, кивая Шэннону. — Я прокрутил запись посадки. Вы уверены, что это был правый двигатель? Не знаю. Утечки нет. Сервомоторы в порядке. Кое-что я, конечно, подлатаю.

— Просто не знаю, чем вам помочь. Я уже ни в чем не уверена; все случилось так быстро, что я даже не успела взглянуть на приборы. Просто инстинктивно нажала кнопку. Может, мне все это приснилось?

— Ну уж нет. Вы спасли эту коробку и всех нас, лейтенант. Мы определенно опрокидывались.

Буккари улыбнулась.

— Давайте подготовим сообщение для командора Квинна.

Хадсон прочел доклад Буккари по общей сети. Единственное, что привлекло внимание Квинна, это упоминание о возможном существовании разумной жизни, да и то ненадолго. Командор был явно озабочен положением ВПМ. Впрочем, это тревожило всех, кто находился на корвете, ведь модуль являлся их единственным шансом на спасение, мостиком к жизни. Без него корабль превращался в гроб.

Родс и Уилсон, каждый в своей рубке, играли в шахматы через один из бортовых компьютеров. Квинн перевел изображение шахматной доски на свой монитор. Игра шла в эндшпиле. Игравший черными Родс бился из последних сил, но силы эти — слон и две пешки — явно уступали противнику. Похоже, мат через пять ходов. Квинн снова проверил положение всех систем, сардоническим хмыканьем отмечая каждую неисправность. Не корабль, а развалина. Мысли невольно потекли в другом направлении, ему вспомнилась космическая база, жена... Усилом воли он отогнал тягостные воспоминания и вернулся к шахматам.

— Сэр, я закончил передачу. Что-нибудь еще? — спросил Хадсон.

Квинн молчал. Буккари и Джонс были лучшими пилотами всего флота. Им предстоит вернуться на корабль, и они прекрасно понимают ситуацию. Он не может им помочь.

— Пожелай удачи, — глядя на пустой экран, ответил командор. Потом стряхнул оцепенение и вернулся к приборам.

— Пятнадцать человек в безопасности и шесть на очереди... да, включая Буккари и Джонса, — бубнил по интеркому Хадсон. — Мне эта планета все больше напоминает Землю. Не рай, конечно, но... свежий воздух, вода, жизнь. Пукающие цветы, летучие мыши с луками, хищники.

— В любом случае, это лучше, чем умереть в этой жестянке, — ответил кто-то... да, Родс. Квинн оценил шахматную позицию. Черные еще держались.

— Эх, Вирджил, друг мой, — сказал Уилсон, тоже по интеркому. — Ведь мы еще не знаем, что там может случиться через несколько дней. Не придется ли сожалеть о том, что покинули корабль. Здесь, по крайней мере, все знакомое.

— Конская ты голова, канонир! — отозвался Родс. — Ведь в этом ящике ты обречен на смерть. Через несколько недель мы свалимся с орбиты, но еще до этого тебя убьет жажда. Так что, не трепись. Ты такой же, как и все мы; если есть возможность отсрочить боль и смерть, ты уцепишься за нее.

Разговор затих. Наконец, Хадсон сообщил: Буккари подтвердила прием. Квинн кивнул и вернулся к шахматам. Оборона Родса трещала по швам. Ферзь Уилсона безжалостно загнал черного короля в угол, лишив его возможности маневра. Однако Родс упрямо отказывался признать себя побежденным, надеясь каким-то чудом ослабить давление на короля.

— Вирджил, ты еще жив? — не выдержал Уилсон. Родс лишь выругался в ответ. Но противник не унимался: — Нет, я согласен с то-

бой. Инстинкт выживания говорит: надо убираться с этой кастрюли. Я и сам это чувствую. Но хорошо бы подождать, здесь-то теплее. Не хочется умирать в холоде.

— Не отчаивайся, канонир. Ты проживешь еще лет пятьдесят. Найдем тебе какой-нибудь тропический островок. Это же целая планета. Без людей... кроме нас. Мой ход.

— Знаешь, Вирджил, — тихо сказал Уилсон, — шахматы — это как жизнь. Начинаешь с полным набором фигур, но развития нет, и твоя мощь остается не востребованной. Нужно пробовать разные варианты. Что-то сработает, что-то нет. Если ты хорошо двигаешь фигуры, то играешь дольше, но никуда не деться — рано или поздно начинаешь терять пешки, фигуры, топливо, энергию. И через некоторое время оказываешься в эндшпиле, и у тебя остается всего ничего, вроде вот этого изуродованного корвета, — Уилсон сделал ход, не очень удачный с точки зрения Квинна.

Родс подвинул пешку.

— О'кей, канонир. Хватит трепаться. Твой ход.

На экране перед Квинном белый ферзь Уилсона мучительно медленно переполз через шахматную доску и замер перед черным королем.

— Ну что ж, Вирджил, пора начинать новую партию. Тебе мат.

ГЛАВА 9. РЕШЕНИЯ

Буккари устроилась в кабине и пристегнулась. Все системы функционировали — ни намека на то, что совсем недавно одна из них не сработала. Она проверила зажигание, перевела режим «взлет» на ручное управление. Лейтенант нервничала: ей приходилось действовать в подобных ситуациях, но на Земле, а там при всей бедности и нужде вполне хватало регенерационных полей, и наказание за невыход на орбиту заключалось в том, что виновный оплачивал стоимость восстановления взлетной полосы и израсходованного топлива. А потом новая попытка — в худшем случае, тебя заменит кто-то другой, но стартовать с холодными двигателями на незнакомой планете? При этом, у нее только одна попытка: топливо на пределе, и если что-то пойдет не так, не будет стопроцентного успеха, то четыре человека навсегда останутся там, на орбите. Впрочем, «навсегда» — это на несколько недель, а потом — смерть.

Она взглянула на небо — великолепная кораллово-оранжевая палитра с фиолетовыми и серо-жемчужными облаками, ровным слоем

растянутыми над головой. Какая чудесная прелюдия наступающей ночи! На фоне вечернего неба одинокая фигура Шэннона — других не видно, но Буккари знала, что они где-то рядом, охватили ВПМ кольцом на случай непредвиденных обстоятельств. Но кто может на них напасть? Ей хотелось вернуться в этот мир. Здесь она видела цветы, вдыхала свежий воздух. Корвет обречен, а жизнь в космосе — всего лишь жалкая подделка другой жизни, настоящей, под теплым солнцем девственной планеты. Ее руки легли на пульт, и возбуждение, сродни наркотическому, охватило Буккари — она ощутила свою мощь и скорость, как будто слилась с кораблем через панель управления, стала его частицей, его мозгом, им самим. Пилот надела шлем, пристегнула коннекторы, открыла вентиль, шипение воздуха возвратило ее в привычный профессиональный мир, как поворот выключателя освещает темную комнату.

— О'кей, боцман. Готова к зажиганию.

— Полный контроль, лейтенант, — ответил Джонс. — Температура и давление в норме. Режим «старт».

Обычная предстартовая процедура. Буккари вела отсчет. При счете «ноль» боцман включил режим «зажигание». Все шло так, как надо. ВПМ медленно оторвался от поверхности. Фермы отошли в сторону. Повинуясь твердой руке Буккари, модуль балансировал на огненной колонне. Через шесть секунд главные двигатели рванули ВПМ вверх, вдавив Буккари в кресло. Ей едва удалось ухватиться за рукоятки так называемой «катапульты». В голове — туман,

результат повышенного давления в мозгу, руки и ноги — мешки с песком, и тем не менее она сумела превозмочь себя и сконцентрироваться на полете. Поле зрения сузилось, периферийное исчезло совсем — глазные яблоки погрузились в глазницы.

Секунды казались часами, но оставались секундами. Буккари не сводила глаз с панели управления — ни одного красного огонька. Перегрузка снизилась.

— Отличная работа, лейтенант! — восторженно произнес Джонс. — Точно по профилю. Температура стабильная. Скорость по графику. Все в порядке.

— Поняла, боцман, — выдохнула Буккари. — Все в порядке, — она улыбнулась, чувствуя гордость за себя. Взлет на полностью ручном управлении в условиях планетарной гравитации — это из раздела экстренных случаев. Все меняется очень быстро, и реагировать нужно мгновенно. Лейтенант посмотрела в иллюминатор — небо темнело, приобретая фиолетовую окраску.

Они выходили за пределы атмосферы.

Охотники с замиранием наблюдали, как фосфоресцирующий огненный шар врзался в нежную ткань неба, оставляя за собой длинный хвост оранжевого пламени. Он с грохотом прошел облака, на мгновение опалив их темную подкладку, и вырвался к солнцу. Браан потер глаза, пытаясь избавиться от рези в пры-

гающих огненных искр. Постепенно все прошло, зрение восстановилось. Браан спрыгнул со скалы. За ним последовали свободные от дежурства охотники. Все собрались на площадке перед пещерой. Долгое время молчали.

— Даже если они не боги, их сила огромна, — первым сказал Крааг.

— Боги не были бы так страшны, — сказал Ботто.

— Они не боги, — тихо добавил Браан. — Я подходил к ним. Близко. Они сами... напуганы. Может быть, не меньше, чем мы.

— Тогда они опасны, ведь напуганный орел разбивает даже свое яйцо, — заметил Крааг.

Охотники снова надолго замолчали. Ботто легко вскочил на ноги и сделал знак Кибба. Не говоря ни слова, стражи исчезли в кустах. Подошла их очередь собирать корм, да и рыбалка могла принести гораздо больше пользы, чем разговоры. Браппа тоже ушел. Крааг остался.

— Твои планы, Браан-вождь? — прямо спросил он.

Браан не обиделся. Крааг неоднократно доказывал свою преданность. Отложив свой вопрос до того времени, когда другие уйдут, он проявил должное уважение. Браан заглянул в глаза воина. Так поступали только в двух случаях: для демонстрации дружеского чувства или при вызове на поединок. В данном случае улыбка говорила о первом варианте.

— Мы в трудном положении, — сказал вождь. — Необходимо сообщить обо всем совету.

— А не следует ли нам оставить здесь на-

блюдателей? — спросил Крааг. — Я согласен остаться.

— Да. Наблюдая за длинноногими, мы многое узнаем о них, — согласился Браан. — Мой сын останется с тобой.

— Как пожелаешь, но я предпочел бы кого-нибудь более опытного.

Вождь улыбнулся.

— Ты забываешь, мой друг, о гордости юных. С моим сыном не нужно нянчиться, он не станет тебе обузой.

— Возможно, длинноногие уйдут, — предположил Крааг.

— Нет, — просвистел Браан. — Наши судьбы переплелись. У нас общее будущее.

Буккари всплыла в пилотскую кабину и пристегнула страховочный фал. Она чувствовала себя совершенно опустошенной, не было сил даже снять скафандр — ответственность за благополучный исход полета, страшная цена ошибки сказались на ней именно сейчас. Квинн и Хадсон молча смотрели на нее.

— Ну, и что ты думаешь, Шал? — спросил, наконец, Квинн.

— Не имею ни малейшего представления, командор, — она зевнула.

— Полная диагностика всех систем потребует времени, — Квинн покачал головой. — Без оборудования, которое имеется лишь на корабле-носителе, проверка займет по меньшей мере два дня. Проведем симуляцию. Джонс

сейчас готовит программу, но я думаю, что кому-то, Нэшу или Вирджилу, нужно ему помочь. Джонс на пределе.

— Вирджил... э... мистер Родс только что сообщил, — вмешался Хадсон, — он сменил боцмана. Родс знает ВПМ не хуже других.

— Вы были правы, командор... насчет того, чтобы вначале отправить команду. На этой посудине мы много не налетаем, — признала Буккари.

— Возможно, с модулем все в порядке, — ответил Квинн, — и любое решение не лишено определенной степени риска. Хорошо уже то, что большая часть экипажа в безопасности. Без них нам хватит воздуха и воды еще на два-три дня, а за это время мы попытаемся отыскать неисправность. Отдыхайте.

Буккари устало опустилась в кресло, радуясь тому, что она не самая старшая на корвете.

— Нэш, сообщи Шэннону, что у нас задержка, — услышала она голос Квинна.

В тихом ночном воздухе висел тяжелый запах жареного мяса. С наступлением темноты ветер стих. Дымок утасающего костра тонкой струей полз вверх, растворяясь в бездне звездного неба. Люди тоже поддались общей умиротворенности; набив животы жестким мясом горной собаки, они сидели, откинувшись на еще теплые камни, или лежали, ощущая приятную сытость. Только О'Тул и Шэннон

еще не закончили свой трудовой день, они сооружали коптильню. Сырое мясо быстро портится, а после копчения его хватит еще на некоторое время.

Шэннон выпрямился и удовлетворенно хмыкнул. Удостоверившись, что О'Тул знает, что ему нужно делать, сержант отошел подалее от костра к сооруженному днем туалету. На горизонте уже появилась меньшая из двух здешних лун, ее неровный диск торопливо карабкался по невидимому черному склону неба.

Шэннон присел на ствол срубленного дерева и уставился во тьму. Усталый, он, поддавшись месмерическому воздействию бледного лунного сияния, прикрыл глаза — бдительность уступила место расслабленности. Сержанту хотелось побыстрее сбросить с себя бремя ответственности, ведь есть же командир. Да, его учили командовать, но не быть командиром. Вся его карьера состояла из того, чтобы подчиняться, исполнять приказания старших офицеров. Здесь ситуация сложилась иначе: предстояло не решать тактические проблемы, а думать о выживании, что требовало другого уровня руководства.

Где-то рядом треснула ветка. Мгновенно стряхнув оцепенение, Шэннон пружинисто вскочил и направился в направлении звука, на ходу вытаскивая нож. Шорох доносился из-за кустов, его могло производить какое-то мелкое животное, вроде мыши. Подкравшись к кустам, сержант решил обойти источник шума с фланга, чтобы его силуэт не выделялся на фоне

тлеющего костра. Переходя от дерева к дереву и напряженно всматриваясь в темноту, он придвинулся к зарослям.

Вот! Движение. Отступив за дерево, Шэннон пригнулся, крепко сжимая рукоятку ножа. Долго находиться в такой позе было невозможно, спина болела, колени противно дрожали. Краем глаза сержант заметил метрах в десяти от себя неясную фигуру на четырех лапах и с длинной шеей. Повернув голову, он увидел еще нескольких существ — небольших, чуть выше его колена.

Сбоку от Шэннона слышались резкие звуки ломающихся веток. Кто-то шел, не заботясь о том, что его услышат. Вспугнутые звери метнулись в сторону и исчезли из виду, лишь легкое покачивание ветвей свидетельствовало об их недавнем визите.

— Сарж! — так шептать мог только... Татум! — Сарж, это ты? — из тьмы возникла нескладная фигура с винтовкой наготове.

— Да, это я, Сэнди. И не шепчи так, будто ты на сцене. Убери винтовку, пока кого-нибудь не подстрелил, — Шэннон вложил нож в ножны и выпрямился. Вслед за Татумом в ночи показался еще один не сломленный сном человек — Нэнси Доусон! Женщина! Шэннон выругался про себя.

— Добрый вечер, младший офицер Доусон, — недовольно пробормотал он.

— Добрый вечер, старший сержант, — невинно ответила она. — А мы решили прогуляться и заодно составить вам компанию.

— Спасибо. Ценю.

— Ты что-нибудь видел, Сарж? Или мы... помешали тебе?

— Нет, Татум. Вы мне ни черта не помешали, — ответил Шэннон, благодаря судьбу за то, что не видит в темноте выражение лица Доусон. — Видел каких-то животных, похожих на антилоп.

Сержант махнул рукой и зашагал через заросли по направлению к костру. Татум и Доусон последовали за ним, принимая на себя раздражение Шэннона в виде хлещущих ветвей.

— Вам следовало быть более осторожным, Сарж, — укоризненно говорила Доусон. — Ведь это могли оказаться какие-нибудь крупные опасные звери, а вы один, и всего лишь с ножом!

Как ни устал Шэннон, он все-таки сдержался. Она, в общем-то, права — не стоит бродить в одиночестве. Он восхищался смелостью Доусон, но хорошо бы ей не козырять этим. Татум и так всем расскажет.

— Вы свое сказали, Доусон. И вы правы. Но не ругайте меня, — они вошли в освещенный круг, но люди, собравшиеся у костра, еще не замечали их.

— Успокойтесь, Сарж, — тихо сказала Доусон. — Я попросила Сэнди пойти посмотреть, потому что беспокоилась... о вас, — она улыбнулась теплой, ему одному предназначенной улыбкой и быстро отошла в сторону.

Шэннон стоял в полном замешательстве, не зная, что делать, как реагировать на столь явное проявление чувства. Он взглянул на все еще стоящего рядом Татума — тот глуповато

улыбался. Сержанту не пришлось ничего говорить: выражение его лица оказалось достаточно красноречивым — ухмылка сползла с физиономии матроса, а Шэннон, мудро решивший лечь спать, зашагал к палатке.

Понюхав воздух, Макартур сморщился — зловонный запах бизоньих стад стал ощутимее, что встревожило капрала. Он обернулся к товарищу. Честен согнулся под тяжестью ноши, как навьюченное животное. Ранец Макартура облегчили, насколько это было возможно. Все, без чего можно обойтись, тщательно обернули материей от воздушного якоря и зарыли, но и после этого вес казался неподъемным — плечо все еще болело, рана на боку не заживала, но Макартур больше не мог ждать. Модуль давно уже не появлялся — что-то случилось.

Они шли долиной к большой реке. Тайга постепенно исчезала, сменяясь каменистой почвой, еще дальше тянулись поля застывшей лавы. Из расщелин струился сернистый газ. Чаше встречались похожие на ели деревья с желтыми стволами, из-под земли били источники. Однажды им попалось два внушительных гейзера.

Элегантные птички с красными и желтыми хохолками распевали серенады, радуя путешественников, земля была истоптана копытами оленей, хотя их самих люди видели только издали. Дорогу затруднял кустарник, вдоль реки тянулись густые заросли ольхи и ивняка — по край-

ней мере, так их называл Честен. Под ногами расстился травянистый ковер, усеянный ярко-красными ягодами, защищенными невероятно острыми колючками. Встречавшаяся во множестве голубика исчезала по мере продвижения к плато.

На глинистой тропинке у реки Макартур увидел след лапы.

— Эй, Джокко! — воскликнул он. — Посмотри сюда. Вот он, твой медведь.

Судя по всему, это была задняя лапа, но размеры! Не менее внушительно и устрашающе выглядели и отпечатки когтей.

— О, Боже! Ну и чудовище! — Макартур покачал головой и внимательно посмотрел по сторонам. Поблизости никого не было видно.

— А я что тебе говорил! — вырвалось у Честена. — И что мы будем делать, если встречаем такого великана?

— Не стреляй... только в крайнем случае, — предупредил капрал, явно встревоженный находкой.

Круглое лицо Честена просветлело.

— Мой папа частенько рассказывал мне о Дэвиде Кроккетте. Ты слышал о Кроккетте, Мак? — они продирались сквозь густой кустарник, слева шумела река.

— Да, конечно, я слышал о Дэви Кроккетте, — ответил Макартур. — У него была шапка из енота, — несколько секунд они шли молча, Честен, казалось, о чем-то размышлял. Макартур пробивался вперед, отчаянно сражаясь с кустарником. Он решил немного подняться по берегу.

— Так вот, мой папа рассказывал, что Дэвид охотился на медведей весьма оригинально: он им улыбался.

— Что? Как это, Джокко? Ты серьезно?

— Нет, то есть, да — продолжал Честен. — Когда он видел, что приближается медведь, то оставался на месте и улыбался. Медведь смущался, терялся и останавливался... что-то вроде этого. Что там дальше происходило, не помню. Но папа говорил, что все это чистая правда.

Макартур усмехнулся. Они вышли к месту слияния двух речушек и присели отдохнуть на поросшую лишайником плиту. Рядом бушевал водоворот, весь окутанный облаком пара. Вдали, за речной долиной, начинались холмы, постепенно переходящие в предгорье, а еще дальше белели снегами величественные пики гор.

Передохнув, они тронулись в путь. Река постепенно расширялась, замедляя свой бег. На отмели плескалась рыба, которая, как Макартур знал по собственному опыту, должна привлекать внимание медведей. Обогнув груды камней, он убедился, что не ошибается: в нескольких метрах от себя капрал увидел широкую спину медведя-гиганта. Тот стоял в воде, изготовившись для удара. Макартур замер, осторожно высвободил из-под лямки правую руку, поднял и прижал к губам палец. Потом он попятился и обернулся к Честену. Слишком поздно. Споткнувшись о камень, капрал потерял равновесие и, отчаянно взмахнув руками, с приглушенным криком сорвался в воду. Проклиная весь свет, разумеется, про себя, Макар-

тур неуклюже, на четвереньках, выполз на каменистый берег и поднялся на ноги.

Огромный медведь обернулся и уставился на них, его бока вздымались. Зверь отряхнулся — в воздух поднялись тучи пыли — и угрожающе зарычал. Но подлинный ужас земляне ощутили, когда рыболов встал на задние лапы: ни один известный им медведь не достал бы этому и до плеча. Крохотные золотистые бусинки-глаза, заостренные висячие уши, черный влажный нос и волчья морда — не дай Бог увидеть такое во сне! От него несло рыбой и влажной шерстью; шкура, грязная и косматая, имела цвет ржавчины, под ней играли могучие мускулы. Передние лапы с саблеподобными когтями били воздух. Хищник повернул нос к ветру, открыл и закрыл пасть, чтобы опробовать незнакомые запахи, показав при этом охваченным страхом зрителям желтые клиновидные зубы. Вид людей, вероятно, смутил его. Не зная, как отреагировать на их появление, он стоял на месте, недоуменно крутя головой. Промокший до нитки Макартур боялся пошевелиться. Винтовка была пристегнута за спиной, а пистолет лежал в кобуре. Скосив глаза в сторону Честена, он увидел, что тот стоит с оружием в руках, но почему-то держит его дулом вниз. Но еще больше капрала поразило другое: на лице его попутчика застыла идиотская улыбочка, совершенно исказившая ангельские черты лица поклонника Дэвида Кроккетта. У Макартура глаза на лоб полезли. Дрожащая рука потянулась к кобуре.

Вся эта сцена заняла лишь несколько се-

кунд, показавшихся капралу вечностью. Он уже вытащил пистолет и приготовился к отражению атаки, а Честен все еще стоял. Улыбался. Медведь опустил на все четыре лапы и закрыл пасть. Макартур перевел взгляд с Честена на медведя и обратно. Напряжение несколько спало. Капрал поймал себя на том, что губы сами собой раздвигаются в широкую улыбку. Прошло еще какое-то время — зверь мотнул головой, медленно повернулся и скрылся за скалой.

Макартур шумно вздохнул, расслабил мышцы лица, окончательно погасив дурацкую ухмылку, вытер ладонью пот со лба. Глубоко вздохнув, словно собирался на неделю уйти под воду, капрал убрал пистолет в кобуру, вытащил из-за спины винтовку и знаком пригласил Честена двигаться в обратном направлении. Со всеми возможными предосторожностями путники обогнули опасный участок, сделав крюк в два-три километра, и, наконец, вышли на нужный маршрут.

Через полчаса Честен нарушил молчание.

— Эй, Мак, а что такое енотовая шапка?

ГЛАВА 10. ТРЕТЬЯ ПОСАДКА

— Взять генератор! — закричала Буккари. — Это же безумие!

Она и Квинн перешли на общую палубу, где уже находился Родс, а Хадсон остался в пилотской кабине. Канонир Уилсон дежурил в коммуникационном центре.

— Нам нужен энергоисточник, — терпеливо произнес Квинн. — Почти все уже эвакуированы и находятся в безопасности. Сейчас самое время пойти на некоторый риск. С тем топливом, что имеется на модуле, генератор сможет работать несколько лет. Если перезарядим электрооборудование, устраним недостаток в тепле и обеспечим некоторый уровень цивилизованного существования. Пройдет немало времени, прежде чем нас спасут, а Шэннон сообщает, что там, внизу, холодно.

— Я понимаю, командор, — не успокаивалась Буккари. — Вначале и я так предлагала, но... вы были правы — модуль ненадежен. Послушайте, давайте погрузимся и спустимся на планету, пока еще есть такая возможность, — рассчитывать на два рейса слишком рискованно.

— Модуль прошел полную диагностику, и все, что можно, мы починили и отладили. Верно, Вирджил?

— Да, обнаружили уйму мелких неисправностей: так бывает всегда при детальной проверке, — поддержал инженер. — Мы отключили бластер-контроль. Все системы в порядке.

— Вот именно, все системы в порядке, — с ноткой нетерпения в голосе повторил Квинн. — И хватит обсуждать одно и то же. Еще два рейса, лейтенант.

— Да, сэр, — сказала Буккари, пытаясь скрыть свое несогласие улыбкой. — Чем быстрее мы испытаем модуль, тем быстрее пойдем, в чем опасность.

Она заметила, что Квинн очень устал: под глазами тяжелые темные круги, кожа на лице посерела, складки обострились, да и не брился, наверное.

— Еще два полета, — чуть мягче и спокойнее повторил Квинн. — Мы с Вирджилом продолжимся на орбите еще несколько витков. Вы с Джонсом забирайте Уилсона и Хадсона. И генератор. У меня такое чувство, что зима будет долгой и холодной.

Приходилось согласиться: генератор, действительно, нужен.

Макартур и Честен продрались через последнюю преграду и вылезли из кустов к реке. Вода бежала через широкий перекат, весело играя на солнце. Под ногами скрипел гравий.

— Тебе не кажется, что самое время уст-

роить привал и разбить лагерь? — спросил Честен.

Макартур посмотрел на небо — погода менялась: с запада ползли тучи, переменился ветер. После долгого дня болело плечо.

— Давай-ка еще подождем, — предложил он. — Похоже, собирается дождь, и я не хочу, чтобы река поднялась и унесла нас с собой. По-моему, до тех холмов не более четырех-пяти километров, — он подошел к воде. Поток разливался широко, но глубина — не выше щиколотки.

— Перейти ее не трудно, — сказал Честен. — Всего-то пара речушек.

— Да, — согласился Макартур, задумчиво глядя вдаль. В воздухе повисла едва заметная дымка. Было тихо, только вода шуршала по камням. Соседний рукав оказался глубже, но зато уже, всего несколько шагов. Подняв над головой ранцы, путники пересекли зеленоватосерос препятствие, впереди просматривалось еще несколько. После очередного ручья они остановились, чтобы немного согреться — вода была ледяной. В этот момент их и настигло громкое двойное «бум».

— Вон они, — сказал Честен, подняв голову. Макартур, сколько ни вглядывался, ничего не увидел. Звук означал присутствие других людей, но капрал почему-то еще сильнее ощутил свое одиночество. Он кивнул, и они тронулись дальше с удвоенной энергией.

Шэннон стоял на террасе, вглядываясь в

небо. Рядом с ним в напряженном ожидании застыла Ли со своим медицинским оборудованием. Десять минут назад в небе прозвучал гром — модуль перешел звуковой барьер. Вот и он — черная точка на фоне серых облаков, все увеличивающаяся в размерах. Сержант передал сигнал оповещения. Времени на разгрузку будет немного — погода меняется к худшему.

Модуль уже обрел очертания: Шэннон различал крестообразные крылья и хвост. Идут на снижение, подумал сержант. Сейчас настанет самый решительный момент. Нос посадочного аппарата стал задираться кверху, скорость быстро падала. Вот выдвинулись закрылки, модуль грациозно скользнул вниз. И вдруг нос дернулся в сторону. Модуль закачался, напоминая танцующую кобру. Что-то пошло не так!

Буккари была готова — она почувствовала сбой еще до того, как включился главный двигатель. Вариантов могло быть два: забыть о посадке и рвануть обратно на орбиту или же продолжить спуск в надежде, что режим «ретро» все же сработает, а она справится с управлением. Опыт и логика подсказывали — не рисковать и вернуться к корвету. Интуиция говорила, что следующий раз модуль будет вести себя еще хуже, еще непослушнее. Решение пришло, как всегда, в долю секунды: продолжить спуск и доставить людей и груз на планету.

Опять взбунтовалась система контроля: рычаг заело, и она никак не могла отключить систему автопилотирования, хотя дергала рукоятку обеими руками.

— Боцман! — крикнула она в отчаянии. — Отключайте систему контроля! Быстрее!

Джонс метнулся к переключателю. Значит, опять посадка вручную!

Буккари ощутила, как все стало на свои места. Теперь управление перешло к ней. Левая рука легла на панель питания. Включить воспламенители. Что там с подачей топлива? Она несколько раз нажала кнопку зажигания. Главные двигатели ожили. Проверила угол наклона — все в порядке. Добавила подачу топлива — бластеры взревели, нос модуля начал подниматься. Подключила дополнительную подачу на главный двигатель. Судно заняло нужную для посадки позицию, но расход топлива... Она хотела было выдвинуть опоры, но Джонс уже сделал это. Оставалось только молиться. Буккари отключила двигатель. Качнувшись над самой землей, модуль опустился. Она взглянула на датчик, и слезы навернулись на глаза. Топлива оставалось так мало! Но времени на раздумья не было. Решение могло быть только одно.

— Боцман, займитесь разгрузкой, и побыстрее! — крикнула она. — Готовимся к взлету!

— Но лейтенант... — начал было Джонс.

— Пошевеливайтесь!

— Но, лейтенант, мы же не вытащим эту коробку на орбиту!

— Джонс, — прошипела Буккари, — это приказ!

— Есть... есть, лейтенант, — тихо ответил Джонс.

— Лейтенант, это Шэннон, — прозвучал в наушниках голос сержанта. Она выглянула и увидела его самого. Рядом стояла Ли и еще кто-то в шлеме. Судя по росту, Татум.

— Да, сержант, только ни слова о посадке! — ответила она, пытаясь овладеть эмоциями.

— Вас понял. Похоже, что-то непредвиденное.

— Да, сержант, — Буккари откинулась в кресле, заныла спина. — Нам нужно поторопиться для встречи с корветом. Не могу выключить двигатели, а топлива — всего ничего, — призналась она.

— Я не пилот, но знаю, что такое оказаться между двух огней. Вы уверены?..

— Вы правы, сержант, — оборвала его Буккари. — Пилот — это я. Послушайте. Сообщите командору Квинну, как только он выйдет в зону связи: пусть ищет меня по радару — мне потребуется помощь. Я свяжусь с ним сразу после выхода из атмосферы, но пускай он готовится заранее.

— Есть, лейтенант, — сказал Шэннон. — Понял. Он найдет вас по радару и перехватит на полпути, после этого вернется на орбиту.

— Я слышу, лейтенант! — крикнул боцман. — Мы с вами...

— Не мы, — ответила Буккари. — Вы останетесь здесь. Я пойду одна. Избавившись от такого груза, как вы, я сэкономлю топливо.

— Нет, лейтенант. Я... — застонал Джонс.

— Хватит, боцман! — отрезала Буккари. — Следите за температурой обшивки. Выгружайте генератор и готовьте этот хлам к полету!

— Есть, лейтенант, — промямлил Джонс и добавил что-то еще, прежде чем отключить микрофон.

Взлет прошел гладко. Налегке модуль пронзил облачный покров и вышел на заданную скорость при минимальном ускорении. Ослепительное солнце торжественно встретило их над тучами. Но любоваться этим великолепным пейзажем было некогда. Установив расход топлива на минимум, Буккари успешно вышла за пределы атмосферы. Она уже получила координаты места стыковки и, произведя расчеты, определила, что при самом благополучном исходе встреча возможна, хотя топлива уже не остается. Ну что ж, пусть на корвете беспокоятся, как забрать ее на борт.

Через несколько минут после достижения орбитальной скорости двигатели умолкли.

ВПМ превратился в спутник планеты, причем на очень низкой орбите. Она еще раз проверила, работает ли маяк. Еще через пятнадцать минут корвет обнаружил ее и вышел на связь.

— «Харриер-I», это модуль. Прием.

Голос Квинна прозвучал почти бодро.

— О'кей, Шал, мы тебя зафиксировали. Ты впереди нас и немного ниже. Совсем низко! Можешь чуть подняться?

Буккари с радостью восприняла сигнал надежды.

— Извините, командор. В баках сухо, ни глоточка. Придется вам меня отлавливать. Извините за беспокойство.

— Держись, Шал. Примерно через час мы тебя подхватим.

Корабли ушли в тень планеты. Воздуха у нее осталось примерно на два часа.

На борту «Харриера» Квинн устало перевел дыхание. Ручная посадка при таком топливном балансе! Этого еще никто не совершал. Буккари — просто волшебница! Да, но им еще надо подобрать модуль. Она войдет в историю... если все они когда-то будут спасены.

— Главные двигатели готовы, — сказал Родс. — Хотя я предпочел бы подойти к ней на маневровых.

— Я тоже, Вирджил, но это займет около двух недель. Боюсь, она немного рассердится, — Квинн тщательно проверил показания приборов. Он не был уверен в надежности энергоустановки.

Командор снова связался с ВПМ.

— Шал! Это Квинн. Мы пойдем на основных. Ты понимаешь, что это такое. Трудно сказать, что может случиться, хотя работы и немного. Я подумал, что тебе нужно иметь это в виду. Если мы проскочим мимо...

— Я поняла, командор. Поймаю вас сачком, — в голосе Буккари не было и намека на волнение.

Проверка продолжалась. Все системы проверялись и перепроверялись. Ошибки быть не должно. Неисправностей хватало, красный свет загорался чуть ли не чаще, чем зеленый. Тем

не менее, Квинн понимал, что другого выхода нет. При всем обилии данных — положительных и отрицательных — он обязан все собрать, перетрясти и дать правильный ответ — иначе они обречены: корвет не может войти в атмосферу, на больших космических кораблях нет системы аэродинамического контроля. Топливо есть. Двигатели ненадежны. ВПМ дрейфует на орбите, но без топлива — он в ловушке, у него нет сил, чтобы соскочить с нее, не говоря уж о том, что ведь надо еще и сесть.

— Чертовски низкая орбита, командор, — не выдержал Родс. Квинн оторвал взгляд от консоли. Они постепенно снижались.

— Да, низковато, — кивнул он. — Итак, подбираем модуль и возвращаемся на нашу орбиту. Загружаемся по горлышко топливом и уходим вниз, где заживем счастливо. Если эта песня не сложится, придется придумывать новую.

— Я уже готов запеть, сэр, — напряженным голосом отозвался Родс.

Квинн тяжело вздохнул и начал предстартовый отсчет. Двигатели должны включиться на две секунды при нагрузке в один процент мощности. Все равно, что шлепнуть малыша по попе.

— Три... два... один... ноль! — Квинн нажал кнопку зажигания. Двигатели включились, поработали ровно две секунды и выключились. Как и было запрограммировано. Мужчины радостно вскрикнули.

Квинн тут же вызвал модуль.

— Мы идем, дорогуша! — закричал он.

После паузы он услышал ответ Буккари. Преувеличенно натянутым тоном она произнесла:

— Извините, командор, но к кому вы обращаетесь — к себе или ко мне?

Негромкий рокот сопровождал их уже несколько километров. Иногда шум мчащегося рядом потока перекрывал этот рокот, но он снова возникал на фоне какофонии отдельных звуков. Упорный, настойчивый, грозный, он, казалось, заставлял вибрировать саму землю. Взобравшись на груды камней, Макартур долго всматривался в пелену тумана. Да, это была большая река. Именно к ней мчались все эти мелкие ручейки, питая ее энергией, достаточной, чтобы сокрушать любые преграды. До реки оставалось около трехсот метров.

Это было их последнее препятствие. Крутой противоположный берег дразнил своей неприступностью, а еще дальше начинались холмы, переходящие в плато. Путешественники с интересом исследовали спуск к воде. Взглянув вниз, на серые бурлящие воды, бьющиеся об огромные валуны, на белые шапки водоворотов, Макартур почувствовал, как уверенность в своих силах покидает его.

-- Давай спустимся ниже по течению. Если предпринять попытку здесь, она, вероятно, закончится неудачей. И представь, что от нас останется после прогулки по этим камешкам.

Честен вопросительно посмотрел на него,

очевидно, не расслышал из-за шума. Макартур повторил еще раз, и Честен согласился.

Осторожно ступая по скользким мокрым камням, они пошли вдоль берега в надежде отыскать более подходящий участок для переправы. Из-за оглушающего рокота общаться приходилось знаками. Опасения Макартура оправдывались. Он уже сомневался в том, что они вообще преодолеют эту преграду, не говоря уже о том, чтобы сделать это до наступления темноты. По пути они наткнулись на настоящую баррикаду из выброшенных на берег деревьев и прочего мусора, которая задержала их на добрых полчаса. И тут Макартура осенило. Дерево! Да ведь из него можно сделать плот. Здесь он, конечно, ни к чему, но если удастся найти более спокойное место, то средство передвижения будет весьма кстати. Причем, плот не должен быть большим — лишь бы выдержал их вес.

— Джокко, давай собирать деревья, — приказал капрал. С гримасой боли он стащил с плеч лямки ранца и положил свою ношу на камни. Двигаться без груза стало настолько легко, что он будто летал на крыльях. Однако ощущение легкости оказалось обманчивым, через несколько минут усталость дала о себе знать, и Макартур был вынужден присесть на камень. Они находились довольно высоко над водой. Если надежное для переправы место не отыщется, здесь можно будет остаться на ночь.

— Ищи ветки побольше, метра по два длинной. Для плота хватит. А я пока спущусь к

рекс, — Честен уже собрал приличную кучу, но запас не помешает.

Мрачный закат быстро отступал перед нетерпением ночи. Макартур внимательно осмотрел реку, отыскивая перекаты по бугоркам и шапкам белой пены. Чуть ниже ложе реки спускалось более полого, и он уже слышал, как скрипит песок под ногами. Течение замедлялось, и, хотя скорость оставалась большой, завихрений и водоворотов уже не было. Он прошел еще дальше и убедился в том, что переправа здесь возможна. Река терялась в наступившей темноте, но невысокие скалы дальнего берега давали некоторое представление о ширине потока. Он остановился. Да, здесь. Утром они соорудят плот и форсируют реку. Приняв решение, Макартур облегченно вздохнул.

Он уже возвращался назад, когда небо на юге осветила вспышка голубого света, сопровождавшаяся канонадой грома, эхом раскатившегося по долине. Беда, если гроза настигнет их ночью. Спотыкаясь в темноте о камни, Макартур поспешил к площадке, где у груды деревьев его уже поджидал Честен.

Палаты совета наполнились звуком царапающих каменный пол когтей. Сначала впустили охотников, за ними старейшин, что было весьма необычно для столь позднего часа, ведь старики легко уставали. Но прозвучавший в небе гром взрывов взбудоражил всех, вызвав самые глубо-

кие страхи, так что теперь не до сна. Вот оно, снова! Старейшины, пожалуй, были напуганы даже больше, чем простые обитатели скал. Перед советом охотники выстроились в линию, а Браан вошел в зал. На этот раз он ожидал услышать обращение по всей форме.

— Добро пожаловать, о смелые воины. Прощу тебя, Браан, вождь охотников из клана Соонга, скажи свое слово, — обратился к нему Кооп.

— Долгой тебе жизни, о старейший, — с необычайной для него церемонностью ответил Браан.

По палатам пронесся порыв холодного ветра, спиртовые лампы мигнули, некоторые погасли. Буря, разразившаяся в верховьях реки, докатилась и сюда: вспышки молний озаряли ущелье, помогая охотникам найти дорогу к совету, а когда они опустились на террасу, сверху упали первые капли дождя. Небо сердилось.

— Браан и его охотники возвратились, — сказал старейшина. Он стоял на небольшом возвышении, и выражение его лица свидетельствовало о глубокой обеспокоенности. — Что же скажут они нам об источниках тех загадочных взрывов, которые заставляют дрожать скалы?

— Это пришельцы... Могучие пришельцы, о старейший, — ответил Браан. — Гром, который мы все слышали, происходит от их летающей машины всякий раз, когда она спускается с небес и приносит все новых пришельцев.

— Это люди-медведи? — уточнил Кооп.

— Нет, не люди-медведи, — ответил Браан.

Он подробно рассказал об увиденном, не упустив ни малейшей детали. Удивленные возгласы не дали ему продолжить. Со всех сторон слышались вопросы. Он постарался ответить на них, но ему не удалось развеять все сомнения и страхи. Загадки оставались.

— Они не боги. Они высокие, сильные, у них ясные глаза, но пришельцы так же боятся боли и смерти, — заявил Браан и рассказал о случае с горной собакой. — Но они способны убивать — и в этом похожи на богов — на расстоянии, используя волшебные палки, которые издают гром и изрыгают молнии. У нас нет подобного оружия.

— Палки, которые убивают? Ты уверен, что сила в них? — спросил каменотес.

— Длинноногие убивают с помощью этих палок, — подтвердил Браан.

— А у них есть крылья? — поинтересовался каменотес. — Ведь в первых сообщениях говорилось, что они умеют летать.

— Крыльев нет. Летаёт только большая се-ребристая птица, сами же они летать не умеют. По крайней мере, мы этого не видели. Ходят медленно, неуклюже.

— Что ты посоветуешь, о Браан, вождь охотников?

Тот молчал, размышляя. Это не считалось грубостью, ведь прямой вопрос требует тщательного обдумывания.. Довольный тем, что задал такой трудный вопрос, Кооп сел на свое место.

В ответе Браана не было ничего неожиданного.

— Мы мало знаем, чтобы что-то решать.

Можно убить пришельцев, а можно стать их союзниками. Оба варианта требуют рассмотрения, поскольку последствия их весьма серьезны. Убить их можно, заплатив высокую цену, поскольку их оружие сильнее нашего, но это не так уж трудно: их мало, а нас много.

Браан помолчал и оглядел зал. В глазах уставившихся на него старейшин застыл страх — ему стало тревожно за будущее.

— Но и стать их союзниками тоже опасно, — продолжал он. — Ведь это зависит только от желания длинноногих. Предложив им помощь, мы теряем преимущество. Если они предадут нас, цена, которую придется заплатить обитателям скал, окажется еще выше. Намного выше.

— Так, может, нам стоит незамедлительно напасть на пришельцев, пока их еще мало? — запальчиво-грубо воскликнул Ботто, охотник. Старейшины зашевелились.

— Вопросом юного воина задается каждый из нас, — торопливо сказал Браан. — Конечно, если мы стремительно и внезапно атакуем пришельцев, то наши шансы на победу возрастут. Но при этом мы лишаем себя всех других вариантов. Мы станем врагами, а такое положение трудно исправить.

— Так что ты посоветуешь? — настаивал Кооп.

— Пока их мало, они не доставляют нам беспокойства. Требуется много времени, чтобы пришельцы смогли угрожать нам. Если же мы собираемся стать их союзниками, требует-ся проверить их.

— Проверить? И как? — спросил Кооп.

— Я не знаю... пока. Нужно продолжать наблюдение, что-нибудь произойдет. До снега охотники будут настороже. И, возможно, суровая зима избавит нас от трудностей выбора.

Члены совета коротко обменялись между собой мнениями. Кооп встал.

— Браан, вождь охотников, твои планы — наши планы. Вполне вероятно, длинноногие сами решат свою судьбу вне зависимости от наших желаний. Мы встретимся в следующем периоде малой луны.

Браан торжественно поклонился и вывел свою команду из величественного зала в темноту ночи. Дождь потоками лил с небес, порывистый ветер заставлял забыть о возможности добраться домой на крыльях. Браан направился к лифту. Ему очень хотелось поскорее увидеть жену и детей, но охотник вспомнил о своем сыне Браппе, оставшемся на озере. Каково ему сейчас? Воин Крааг позаботится о его сыне — последнем, оставшемся в живых.

Близились полночь. По-прежнему лил дождь, в облаках танцевали серебристые нити молний, разбрасывая во все стороны хлопушки грома. Макартур вытер лицо и отступил на шаг от результата их совместного с Честеном труда, ожидая, когда очередная молния поможет оценить их творение. Честен, стоявший рядом на коленях, отнюдь не молился, а всего лишь заканчивал стягивать плот веревкой. Он тщательно завязал узел, поднялся и постучал ногой по крестовине.

— Выдержит, — гордо сказал Честен, снова опускаясь на колени.

В непрерывной канонаде молний его лицо светилось бело-голубой призрачной маской. Всего в двадцати-тридцати метрах от них в землю ударило огненное копьё, воздух треснул и взорвался прямо им в лица. Уши наполнились звоном, в ноздри ворвался запах озона, кончики пальцев ощутили покалывание пропитавшей атмосферу электричества.

— Святые очаги! — воскликнул пораженный Честен.

— Да уж! — Макартур нервно рассмеялся. — Уж слишком близко. Давай все-таки спрячемся вон за той грудой камней и поставим палатку. Переждем эту кутерьму.

За рекой небо прорезал еще один раскаленный зигзаг. Воздушная волна коснулась их холодных мокрых лиц.

Тянулись часы. Ветер понемногу стихал, гроза уходила на северо-запад, но зато дождь не переставал, пожалуй, он становился даже еще сильнее. Настоящий потоп. Макартур проверил плот. Река поднималась. Вспухший от ливня поток подкрадывался к их самодельному суденышку.

— Пора отправляться! — крикнул Макартур.

Невероятно! Честен устроился на мокрых камнях и вовсю храпел. Макартуру оставалось только позавидовать здоровой натуре товарища. Может, подождать до утра и выспаться, подумал он, но поднимающаяся вода внушала серьезные опасения. Сказать, какого уровня она достигнет в ближайшие несколько часов,

было невозможно, но у него возникло предчувствие, что угроза затопления вполне реальна.

Пришлось растолкать Честена. Тот заботливо уложил на плот оба ранца и надежно закрепил их. Макартур хотел было помочь, но у него едва хватало сил двигаться. В висках стучало, голова раскалывалась, нещадно болело плечо. Он снял перчатку и просунул руку под одежду, ощупывая кожу. Пальцы наткнулись на что-то мокрое и влажное, но ведь ему пришлось несколько часов мокнуть под дождем. Капрал вытащил руку и, хотя все еще было темно, понял, что она в крови.

— Ты как, Мак? — спросил Честен.

— Пошли, — ответил тот и ухватился за край плота. Честен сделал то же самое. Они подтащили его к воде и едва сумели удержать — столь сильным оказалось течение. Пришлось войти в реку, и сразу у берега они погрузились по пояс. Холод прогнал сонливость, разогнал кровь, инстинкт самосохранения вызвал прилив адреналина, подстегнувшего измученный организм.

Дождь, не переставая, хлестал по плоту, а продрогшие мужчины никак не могли взобраться на него. Оказалось, что в кромешной тьме это не так-то просто. Пытавшийся взобраться первым Честен чуть не погубил и суденышко, и груз, когда налег на край плота всей своей массой. Наконец, погрузка завершилась, и река помчала их навстречу неизвестности. Некоторое время Макартур еще отталкивался шестом, пытаясь управлять плотом, но вскоре это стало невозможно из-за глубины. Он отложил шест и повернулся к Честену.

— Слишком глубоко. Не могу достать дна. — Честен застонал. Макартур, все еще не вполне освоившийся на крохотном пространстве, глубоко вздохнул.

— Поплывем, — сказал он, соскальзывая в воду и цепляясь за плот. Судя по тому, как тот накрепился, Честен все еще оставался на борту.

— Н-ну... д-д-давай, Джокко. Я... сам н-не могу, — стуча зубами, пробормотал Макартур, разгребая холодную воду.

— Я не умею плавать, Мак.

— Да перестань, Джокко. Д-давай сюда, — не поверил капрал.

— Нет, Мак, честно. Мне удалось их перехитрить. Я играл в футбол.

Опустив голову на край плота, Макартур несколько секунд молча плыл, обдумывая ситуацию. Ему казалось, что он дрожал всю жизнь, и умрет дрожа. Шелестел дождь.

— Джокко, ты можешь з-залезть в воду и грести или оставаться т-там. М-может, нас отнесет к берегу. Может, нам удастся п-попасть на п-пороги. Т-там помельче, — Макартур замолчал, пытаясь перевести дыхание, и выплюнул воду. — А ты знаешь, что случится, если мы выйдем к порогам? — прошипел он. Как раз в этот момент его уши уловили слабый шум-рокот. Пороги! Их несет на пороги! — Да спусти же свою задницу! — заорал Макартур. — Ты слышишь?

Та сторона плота, за которую держался Макартур, погрузилась в воду — это Честен все же покинул насиженное место и отважно отдался во власть стихии. Плот закружился на

месте, великан отчаянно колотил воду ногами и размахивал свободной рукой.

— Не так активно, Джокко! — крикнул Макартур, но Честен его не услышал, слова капрала утонули в грохоте приближающихся порогов. Бег реки ускорился. Несколько раз плот нырнул, вероятно, его несло уже по мелководью, над большими камнями.

— Держись, Джокко! — воскликнул Макартур. Его затуманенный мозг пытался найти выход из создавшегося положения, но грохот разбивающегося потока не давал сосредоточиться. Река сужалась, плот кружился в водоворотах, его захлестывало волнами. Внезапно капрал почувствовал, что они куда-то проваливаются, но даже не успел испугаться. Из темноты стремительно надвигалось какое-то призрачное сияние, оно втянуло в себя плот, подбросило... В следующий миг накатившая волна накрыла путешественников и бросила вперед.

Они снова оказались в спокойной воде. Плот медленно, лениво вращался, грохот доносился приглушенно. Макартур перевел дыхание, подняв лицо навстречу дождю. По сравнению с пронизывающим холодом реки, падающие с неба капли казались теплыми. Он снова задрожал.

— Эй, ты как, Мак? — донесся до него возбужденный голос Честена.

— Держусь, — откликнулся капрал. Ему хотелось омрачить радость товарища сообщением, что они миновали лишь первую группу порогов. Пытаясь приостановить вращение плота, он подстроился под Честена, но ничего не вышло.

— Сбавь обороты, Джокко, и учитывай течение, — укоризненно бросил он, поднимая голову над водой. Нижняя челюсть онемела от холода и едва шевелилась.

Они гребли изо всех сил, зная, что только так можно согреться. Берега оставались невидимыми, гроза давно ушла, и крошечную тьму, казалось, уже не рассеет никакое солнце. Тихо и монотонно падал дождь, но теперь не сплошной водяной стеной, а отдельными каплями. Интересно, думал Макартур, как далеко по течению их унесло, и сколько еще километров им придется идти. Мужчины почти не разговаривали — зубы стучали так, что любой разговор становился невозможен. К плеску реки и шуршанию дождя добавился еще какой-то звук. Поначалу неясный и далекий, он постепенно набирал своеобразный ритм, в котором чудилось что-то знакомое. Рокот порогов?

— Ш-ш-ш! Подожди! — крикнул Макартур. Он прислушался, пытаясь определить наверняка то, чего ему так не хотелось услышать. Спустя некоторое время капрал громко выругался.

— Подналяг, Джокко! — Они гребли из последних сил в надежде достичь берега до встречи с очередным водопадом, но течение обрекало их усилия на неудачу.

— Слышишь, Мак? — задыхаясь, спросил Честен. — Этот покруче, а?

— Да, — отозвался Макартур.

Грохот нарастал, а сил оставалось все меньше. Они и сами не знали, движутся ли вообще. Тугие мускулы реки, вероятно, даже не ощу-

щали этого барахтанья, этого жалкого щекотания. Шум еще больше усилился, напоминая уже рев ракетного двигателя, запущенного на полную мощность. Макартур чувствовал, как из глубины сознания поднимается темная волна паники, на фоне которой утихла даже боль в плече.

Река рванулась вниз. Плот и его экипаж, кружась, падали в землю. Из легких, унося с собой запас воздуха, метнулся отчаянный крик; Макартур почувствовал, как дерево выскальзывает из пальцев, уходит. Еще мгновение он мчался за плотом, но тот уже набрал скорость и стал недостижим. Падение было недолгим, но во тьме показалось вечностью. Водоворот принял их в свои объятия и, словно радуясь встрече, закружил в немыслимом, сумасшедшем танце, больше похожем на рискованный цирковой номер. Макартур налетел на что-то, но это оказалась не скала. Здоровенная пятерня ухватила его за шиворот, и с неумолимой силой втянула на плот. С легкими, наполовину заполненными водой, крутя головой и отплевываясь, капрал вцепился во что-то двумя руками. Он чувствовал, что Честен тоже держит его, не давая сорваться в беснующуюся бездну. Их окатывало волнами, било о камни, бросало на пенистые островки. Наверное, они больше находились под водой, чем на поверхности.

Плот начал расползаться; веревки полопались, крестовина трещала. Неизвестно откуда появилась массивная скала. На этот раз им не повезло. Удар оказался настолько силен, что плот просто напросто припечатало к граниту. Распластанные

на нем люди вцепились друг в друга, прижимаемые течением. Крестовина не выдержала — после очередного порыва она переломилась, и плот стал разваливаться на кусочки. Основная часть с их ранцами дрогнула, с треском отделилась и, подхваченная потоком, унеслась в ночь; другая половина продержалась две-три секунды, а затем, медленно оторвавшись от скалы, бросилась в погоню за первой, но, утратив былую прочность, моментально стала жертвой бури. Спустя мгновение два человека уже неслись дальше, вцепившись друг в друга и в одно-единственное бревно — свою последнюю надежду, соломинку, соединяющую их с жизнью.

ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНЯЯ ПОСАДКА

— Командор, на этой орбите нам долго не удержаться, — сообщил Родс из инженерной рубки. Затаив дыхание, Квинн еще раз рискнул воспользоваться главным двигателем — вибрация готовой взорваться энергоустановки потрясла весь корабль. Зазвенел сигнал предупреждения — корвет соскальзывал с орбиты.

— Держись, Вирджил, — ответил Квинн, рассчитывая время для включения маневровых двигателей. — Мы возьмем ее на abordаж через десять минут... А остальное доделают маневровые.

Из далекой точки света ВПМ превратился во вполне узнаваемый предмет — красные, белые и голубые стробоскопические огни горели с раздражающей яркостью. Включив осевой двигатель, Квинн уменьшил скорость сближения, погасил огни корвета, и пилот модуля ответила тем же, потушив свои.

— Подходим, Шал, — сообщил командор по радио.

— Поняла вас, командор. Лучшего сближения я еще не видела, — ответила она.

Квинн осторожно поиграл боковыми, уточняя вектор. Модуль дрейфовал кормой вниз.

— Чудненко, — пробормотал Квинн. Теперь основное внимание — стыковке. Командор обратился к дисплею. Ему удалось подойти к ВПМ на необходимое расстояние и остановиться. Сейчас грипперы захватят модуль и перенесут в грузовой отсек.

— Внимание! — передал Квинн. — Ты готов?

— Да, сэр, — отозвался из грузового отсека Родс. — Надо поторапливаться, ведь ангар лишен воздуха. О'кей, шлюз открывается.

Менее чем через минуту Буккари проскользнула в пилотскую кабину... Выглядела она усталой, но, тем не менее, наградила Квинна ослепительной улыбкой — зеленые глаза блестели в свете восходящего солнца.

— Спасибо, что подобрали. Извините: не смогла подняться повыше, — торопливо произнесла она.

— Добро пожаловать домой. Позволь сказать тебе, что мы ценим твои усилия, — ответил Квинн. — А потом, что еще нам оставалось делать?

Она заняла свое место, подключилась к коммуникационной системе и взглянула на консоль.

— Итак, что у нас?

Квинн вкратце ознакомил ее с ситуацией, и вскоре лейтенант уже занялась своим обычным делом. Положение корвета на орбите было критическим: внутренняя температура резко поднялась, и, чтобы удержаться, командору приходилось то и дело включать маневровые двигатели.

— Фу, а я-то думала, что в прошлый раз

было плохо, — сказала Буккари, проверив показания приборов. — Энергоустановка, действительно, вот-вот развалится. Вирджил, что ты сделал с двигателями?

— Прошу прощения, лейтенант, но с их помощью мы добрались до вас, — донесся до нее голос Вирджила.

— Ну, тогда они даже в прекрасной форме, — ответила Буккари.

Квинн рассмеялся. Повод для веселья у него был. Операция близилась к завершению. Небольшой рывок для выхода на безопасную орбиту, заправка модуля, а потом возвращение на планету.

— О'кей, давайте подготовимся к включению двигателей. Двадцать секунд с ускорением в два G, — приказал Квинн.

— Я готова, — сказала Буккари.

— Инженерный отсек, да, — доложил Родс.

— Итак, всего каких-то паршивых два G, бэби. Вполне нам по силам, — успокоил всех Квинн и начал предстартовый отсчет. — Три... два... один... зажигание!

Двигатели ожили и... остановились!

Топливные насосы и компрессионные турбины, обычно не слышные из-за рева двигателей, жалобно взвизгнув, затихли — корабль погрузился в тишину. Замигали аварийные огни.

Буккари и Квинн обернулись друг к другу. Все изменилось.

— Родс, начинайте заправку модуля. Быстро! — закричал Квинн.

Буккари отстегнулась еще до того, как Квинн отдал приказ. Оттолкнувшись от пола,

она пролетела в переходной люк, миновала палубу экипажа и втиснулась в грузовой отсек, то есть повторила свой недавний путь, только в обратном направлении. По пятам за ней следовал Родс, который сразу же занялся заправкой. Лейтенант опустилась в пилотское кресло и начала предполетную проверку систем. Ей уже казалось, что вся ее жизнь прошла здесь. Корвет совершенно вышел из-под контроля и двигался зигзагообразно, то ныряя, то устремляясь в сторону.

— Теряем высоту! — прозвучал в наушниках встревоженный голос Квинна. — Еще долго?

Буккари отметила начальное положение — баки быстро наполнялись. Сделав в уме несложный подсчет и еще раз отметив положение корвета относительно желаемого места посадки, она покачала головой.

— Нам необходимо иметь в виду три условия, — ответила она. — Первое — сойти с орбиты при максимальной экономии топлива и кислорода. Второе — иметь достаточное количество топлива для мягкой посадки, потому что ВПМ не приучен садиться на брюхо. И третье — нам нужно сесть неподалеку от своих, ведь планета большая и, если мы приземлимся в другом месте, то можем никогда их не найти.

— Картина ясна! И сколько потребуется времени? — проворчал Квинн.

— По меньшей мере, десять минут, чтобы заправиться для контролируемого схода с орбиты. Не знаю, куда мы свалимся, но уж воздух-то у нас будет. Для контролируемой посадки — не менее двадцати минут. Тогда мы

минуем океан, — Буккари говорила совершенно спокойно. — Нам нужно сорок минут, чтобы осуществить оптимальный вариант: полная заправка, мягкая посадка в нужном районе. Сколько нам придется идти пешком — это зависит от того, когда и где мы покинем орбиту. Вирджил, вы со мной согласны?

— Понял вас, лейтенант. У меня примерно то же, — ответил Родс.

Расчеты Буккари не удивили Квинна. Впрочем, его внимание было занято другим — удержать корвет на орбите, что было не так-то просто. Все это напоминало ему старинное состязание. Кажется, оно называлось «родео». Сорок минут тянулись, как ему представлялось, целую вечность. Выдержит ли он? Квинн принял решение.

— Достаточно топлива, — скомандовал он. — Всем занять места в модуле. Шал, как только Родс погрузится, выводите ВПМ. Я остаюсь. Мы не сможем его выпустить, если кто-то не будет держать корвет.

Ответа не было. Драгоценное время уходило впустую.

— Родс, Буккари. Вы меня поняли? Я требую, чтобы вы оба заняли места в модуле. Сейчас же!

И опять ничего. За спиной Квинна какое-то движение. Он обернулся — Буккари и Родсплыли в пилотскую кабину. Лейтенант показала на шлем и отрицательно покачала головой. Родс повторил ее жест — не слышу.

— Этого только не хватало, — застонал Квинн.

— Ловко вы придумали, командор, но мы останемся с вами, — сказала Буккари. — И хватит заниматься самобичеванием... сэр!

— Буккари! Черт возьми! Я отдал вам приказ! — он рассердился, но в то же время теплое чувство благодарности зародилось в груди, заставив его смягчить тон. — Никто из вас не сможет выбраться отсюда, если я не удержу корабль. Вы же сами это понимаете. Кому-то нужно остаться и отвести корабль.

Буккари молча смотрела, как Квинн работает стабилизаторами. Постепенно смысл сказанного им дошел до нее.

— Нет! Должен же быть какой-то выход для всех нас, — чуть не плача, сказала она.

Родс все это время молчал. Теперь он заговорил.

— У меня есть одна идея.

Квинн и Буккари вопросительно посмотрели на него.

— Командор остается на корвете, пока мы не отчалим, а потом выйдет через аварийный люк в скафандре. Мы подберем его через основной шлюз модуля. Такое уже случалось. Я думаю, получится,

— Неплохо звучит! — рявкнул Квинн. — Все! Пошли! Я даю вам пять минут! Уходите! — он повернулся к панели — корвет кувыркнулся в очередной раз.

Буккари и Родс отправились обратно. Лейтенант заняла место в кабине пилота, Родс проверил, отсоединены ли топливные шланги.

— Открываю шлюз, — сообщил он.

Большие двери разъехались в стороны и за-

фикси́ровались в нужном положении. На панели зажегся зеленый свет, и лейтенант приказала включить систему отстыковки. Магнитные грипперы выпустили модуль из своих объятий, внутренние замки щелкнули, и на мгновение ВПМ закачался в невесомости грузового отсека. Но затем он сдвинулся и с глухим металлическим стоном врезался в заднюю дверь отсека. Вот она, новая опасность! Теперь модуль напоминал ядро, грозившее нанести корвету немалый вред. Страховочные фалы натянулись.

— Побыстрее! — закричала Буккари. — Снимай замки, пока мы тут все не разбомбили!

Модуль двинулся к выходу. Она положила руку на панель, готовясь включить маневровые двигатели. ВПМ вышел из шлюза почти гладко, лишь слегка царапнув стабилизатором по опускающейся верхней двери.

— Оп! — выдохнула Буккари. — Не так уж и плохо.

Они уже находились на расстоянии четырехсот метров от корвета. С этого расстояния массивный корабль казался неподвижным, но из стабилизаторов постоянно вырывались языки пламени.

— Командор, мы вас ждем, — передала Буккари.

— Уходить не хочется... это же просто пикник, — вздохнул Квинн. — Пять минут.

Буккари отметила время. Нос корвета стал медленно опускаться. Чуть позже корабль начал вращаться по осевой, причем скорость вращения возрастала.

— Лейтенант, — Родс говорил из кабины

оператора. — Хочу открыть основной люк. Ваша кабина надежно изолирована.

— Поняла вас, открывайте основной люк, — ответила она, не сводя глаз с аварийного выхода корвета. Вращение нарастало, она чувствовала, что и сама кружится вместе с кораблем, но ей не хотелось пропустить выход Квинна. Предсказать, куда его отбросит, невозможно. Чтобы не упустить командора из виду, Буккари держала модуль между солнцем и корветом; на темном фоне его серебристый скафандр должен быть хорошо заметен. Прошло еще две минуты. Она попыталась связаться с бортом по радио, но безрезультатно. Конечно, пока Квинн не выйдет, он экранирован массой корабля.

А вот и командор — выплывает, кувыркаясь, крохотное пятнышко на фоне громады корвета, продолжающего свое падение в безбрежное пространство. Она моргнула и снова приникла к экрану.

— Это я, Шал. Ты меня видишь? Я тебя нет, — в голосе Квинна прозвучала нотка паники. Траектория движения резко изменилась — командор воспользовался маневровой системой. И когда только он успел ее захватить?

— Привет, командор. Я со стороны солнца, — Буккари направила ВПМ в его направлении.

— Есть контакт. Держу твой вектор, Шал. Две минуты, — передал Квинн.

— Поняла, держитесь, — она принялась за работу. — О'кей, Вирджил, подготовься для ухода с орбиты. Надо набрать высоту, чтобы успеть обдумать следующий шаг.

— Есть, лейтенант, — откликнулся Родс. — Похоже, все в порядке. Топлива с избытком. Думаю, сможем обеспечить мягкую посадку.

— Поняла, согласна. По моим расчетам, на двигателе придется пройти восемь километров. Это мы себе позволить можем.

— Вы — босс, — ответил Родс.

Проверка систем подходила к концу, когда Родс сообщил:

— Капитан поднимается на борт.

Буккари оглянулась через плечо. Квинн проскользнул к открытому люку, его реактивный двигатель выстрелил в противоположную сторону. Командор притормозил у самого входного отверстия, элегантно зацепился ногой за край люка и протолкнулся внутрь. Буккари закончила проверку.

— Я уже здесь, — сообщил Квинн.

— Командор, мы собираемся подняться. Топлива хватает, а нам еще нужно все хорошенько обдумать, — ответила Буккари, не дожидаясь вопроса. Здесь он всего лишь груз. Или пассажир. — Как вы?

— Шесть часов воздуха, — вздохнул Квинн.

— Да, шесть часов. Уйма времени. Вирджил, сообщи Шэннону, что мы подойдем к завтраку. Командор, я хочу, чтобы вы не забыли упомянуть об этом в своем рапорте.

— Шал, если бы я был уверен, что ты не плюнешь мне в лицо, то расцеловал бы тебя.

— Тсс, командор. Вы для меня староваты. Деньги и продвижение по службе — вот и все, что от вас требуется.

В разговор вступил Родс.

— С двигателями порядок.

— Хорош порядок! — хмыкнула Буккари. — Берите себе в помощники командора и займитесь работой.

Квинн что-то невнятно пробормотал.

— Но сначала, — сказала Буккари, — приготовьтесь к ускорению. Пристегнулись? — Квинн ответил утвердительно. Лейтенант продолжала: — На пятнадцать секунд ускорение 2. Зажигание... 4... 3... 2... 1....

Основной двигатель включился. Модуль подпрыгнул, но радость Буккари длилась недолго. Над головой загорелось табло «Перегрев эксгаустера». Опять неудача!

— Все не так! — сказал по интеркому Родс. — Начинаю проверку систем.

Новости были неутешительны.

— Разрегулирована подвеска. Стопроцентная асимметрия! Мы не сможем воспользоваться двигателями для посадки в режиме «ретро». С таким перегревом мы и в атмосферу вряд ли войдем.

Они сидели молча. Над головой, заполняя весь обзорный экран, висела планета. Вот она заслонила солнце, и Буккари облегченно вздохнула — сияние облаков и морей раздражало ее. Пусть будет ночь, им есть о чем подумать.

— Сарж! Они в модуле. Лейтенант Буккари... ну, какая молодец! — закричал О'Тул.

Шэннон выполз из спального мешка и невольно поежился от холодной сырости. Разбу-

женная криками, Доусон натянула на голову капюшон и, столкнув О'Тула с операторского места, взяла у него из рук листок плотной бумаги. Подвешенный под потолком палатки фонарь скупо освещал дежурное помещение, а свисавший с крыши брезент служил экраном, не давая желтоватому мерцанию просочиться наружу, где уже несколько часов лил дождь, монотонный, холодный и раздражающий. Гроза давно прошла.

Накинув на широкие плечи термальное одеяло, Шэннон ступил в круг света. Низко висящий фонарь только подчеркивал резкие черты лица, обросшего совершенно седой щетиной. О'Тул передал ему радиограмму.

Кому: Хэгсону/Шэннону

От: Рогса

Ког: о//659 0233 ст

Низкая нестабильная орбита вынудила покинуть «Харриер-1». Квинн, Буккари, Рогс на борту ВПМ.

Траектория орбиты требует спуска на следующем витке. ВПМ поврежден. Не можем воспользоваться основным двигателем.

Немедленно установите маяк. Буккари просит разместить его на северо-западной оконечности озера. Угол 110 градусов. Угол спуска 5 градусов. Попытаемся сесть на воду. Расчетное время приземления 04.10.

Ответ до 03.30.

Дайте подтверждение.

Рогс.

Шэннон ощутил прилив адреналина в крови. Посадка на воду? Ночью?

— О'Тул, буди всех! Всех! Маяк установить

через час. На новом месте. побыстрее. В аварийном наборе есть плот. Приготовьте его. Дайте сюда Татума. Шевелитесь!

Доусон торопливо отправила подтверждение, воспользовавшись радиоконсолью.

— Вы хотите еще что-нибудь добавить, Сарж? Я готова.

К ним подошел Хадсон.

— Сержант, у вас в аварийном наборе есть сигнальные ракеты? Да? — спокойно спросил мичман.

Шэннон сразу понял, что тот имеет в виду.

— Сообщите, что мы обозначим восточный берег иллюминацией. И дайте им сообщение о погоде, — сказал он, направляясь к выходу. — Потолок — триста метров, может быть, ниже. Пусть это им добавит настроения.

— Поняла, — ответила она и быстро отправила ответ. — Что-нибудь еще?

— Скажите, что мы их ждем, — сказал он.

— Поняла, — повторила Доусон и нажала кнопку передачи, отправив послание в небеса.

Шэннон вернулся к спальному мешку и натянул на себя сырую, вонючую одежду. Он дрожал.

— Режим «ретро» через десять минут, — объявила Буккари.

— Я настаиваю, чтобы вы катапультировались до приземления, — в третий раз настойчиво повторил Квинн, повышая голос, как будто разделявший их люк мешал переговорам по интеркому. В модуле имелось два

катапультирующих устройства — для пилота и оператора.

— Замолчите, сэр! — резко бросила Буккари. — При всем, конечно, уважении, — добавила она, сжав зубы. — По моей команде, а если понадобится, то и раньше, Родс этим займется. Но я собираюсь довести модуль до посадки. Вот мой план.

Все промолчали. Буккари попыталась заняться другими делами.

— Вы уверены, что это креслице сможет меня катапультировать? — спросил Родс.

Буккари усмехнулась.

— Не беспокойся по поводу кресла, но вот живот тебе придется подтянуть, чтобы проскочить в люк. Я бы тревожилась из-за парашюта.

Родс принужденно рассмеялся.

— Кстати, о люках. Я смогу открыть люки, как только мы подойдем к скорости звука. Мы уйдем под воду, как скала.

— Точнее, как раскаленная скала, при условии, что мы раньше не развалимся на кусочки, — добавила Буккари. — А вы что думаете, командор? Открыть все люки?

— Да, все люки, — утрюмо ответил тот.

В тоне командора ей слышался страх. Буккари тоже было страшно. У них не было ни единого шанса спастись, если только ей не удастся посадить модуль на озеро. И одна попытка. Всего один подход.

— Маяк установлен, Сарж, — задыхаясь, сообщил Татум. С козырька его насквозь про-

мокшей кепки ручейками струился дождь, соединяясь с водопадами, низвергающимися с пончо. Шэннон молча смотрел в темноту. Где-то вдалеке мерцал огонек, испуская дрожащий луч. Все заняли свои места вдоль северо-восточного берега, готовые в любой момент зажечь сигнальные ракеты. Шэннон не знал, что и думать. Как она собирается выбраться из модуля?

— Хорошая работа, Сэнди, — похвалил он. — Ты прямо чемпион. Чудная ночка для купания, а?

— Прекрасная. Просто дьявольски прекрасная, — скривился Татум.

Шэннон взял у него фонарик и поднес к часам.

— У нас есть еще минут двадцать. Пошли посмотрим, как там дела у О'Тула и Джонса. Они уже должны закончить подготовку плота, — он вернул фонарик Татуму и потрепал его по плечу.

— Идет, идет! — закричал Родс по интеркому. — Ну и жара!

— Главное, что идет! — воскликнула Буккари. Модуль начал спуск с орбиты, но сначала требовалось снизить скорость, что и делали сейчас двигатели, направленные против вектора движения. Не все сопла работали из-за неисправностей, вот почему на борту поднялась температура. — Еще десять секунд!

Десять секунд. Буккари потянула дроссель на себя, и двигатели ВПМ успокоились, оказав

то же влияние на нервы экипажа. Она несколько изменила положение модуля с помощью маневрового реактивного двигателя. Сияние раскаленной плазмы высветило ее напряженные черты. Мощный толчок потряс корабль. Они вошли в атмосферу. Приборы замигали — суетно и беспомощно. Связь оборвалась. Они онемели и оглохли. Теперь придется ждать, пока внешняя среда станет достаточно плотной, чтобы системы полетного контроля ожили. А до того — полное бессилие и беспомощность.

Ли едва волокла промокшую медицинскую сумку. Она явно не была рассчитана на дождливую погоду, впрочем, Ли тоже. Отвыкнув от гравитации, она теперь с трудом таскала ноги. После долгой ходьбы сбилось дыхание, ее бросало то в жар, то в холод. Лесли устало опустила громоздкий ящик и плюхнулась на него, вытирая глаза. Дождь лил не переставая. Пончо оказалось слишком велико, капюшон все время падал на лицо, и ей постоянно приходилось его отбрасывать, чтобы хоть что-то увидеть. Усевшись передохнуть, она натянула его на голову, забыв стряхнуть скопившуюся воду. Холодные струйки хлынули за воротник и поползли по разгоряченной спине, вызвав очередной приступ дрожи. Ли обернулась в поисках Фенстермахера. Невзирая на больную руку, боцман упрямо настаивал на том, чтобы помочь ей, и даже вытащил ящик из пещеры. Из-за

завесы дождя появилась его нескладная долговязая фигура. Она направила луч фонарика на землю прямо перед собой.

— Что новенького? — спросила Ли.

Разбрызгивая грязь, Фенстермахер подошел к ней и присел рядом. В руке он держал сверток с двумя сигнальными ракетами. Лесли подвинулась, чтобы освободить ему место, но боцман повторил ее маневр, прижавшись к ней бедром. Двигаться дальше было некуда, и она смирилась с его близостью, тем более, что никаких неприятных чувств такое соседство в ней не вызывало. Так даже теплее, подумала она. А кроме того, Фенстермахер ей нравился. Странно, но он вообще нравился всем.

— Ничего, — отдуваясь, ответил боцман. — Они, должно быть, уже на подходе. О'Тул поможет тебе. От меня с этой переломанной рукой пользы мало.

— Чепуха, ты и так помог мне добраться сюда. Вообще-то, тебе нужно было остаться в пещере с Рено. До нормального состояния тебе еще ох как далеко. Хотя, когда это ты был нормальным?

Фенстермахер ничего не сказал, что было для него нехарактерно — обычно он не оставал без ответа ни одного укола.

— Надеюсь, что у них все обойдется, — уныло пробормотал он и опустил голову. Несколько секунд Ли смотрела на него, потом освободила руку и обняла его за плечи. Так они и сидели, молча уставившись на маленький кружок света под ногами.

Первым ожил индикатор направления на переднем дисплее. Стрелка отклонилась от нуля, неуверенно поползла по освещенной панели и замерла. Модуль уходил к северу. Затем включился радар, и по экрану побежали цифры, обозначающие расстояние. «Окно» для посадки было неплохим, но ошибиться нельзя. ВПМ уже летел. Буккари осторожно покачала крыльями.

Большая луна — сейчас она находилась в первой четверти — бросала слабый отблеск на затемненную кабину. Меньшая, хотя и полная, давала света столько же, сколько и рассыпанные по небу звезды. Над серебристыми облаками грозно возвышались пики гор. Еще дальше, за горами, тянулись кучевые дождевые облака, уносившие с собой грозу.

Она еще раз проверила сброс топлива. Такого необходимого, но бесполезного из-за поврежденных сопел. Его оставалось ровно столько, чтобы включить посадочные бластеры, не больше. Буккари задумалась. Что делать с автопилотом? Конечно, компьютер лучше справится со всеми проблемами. Если не откажет. В трех предшествующих полетах он барахлил только в заключительной части. Но нет, доверять системам она больше не могла, слишком многое поставлено на карту. Лейтенант сглотнула — то ли для того, чтобы ослабить внутриушное давление, то ли для того, чтобы поглубже загнать сомнения, — и выключила автоконтроль.

Скорость упала. Модуль входил в облачный

покров с широким поворотом для сброса высоты. Таймер отсчитывал уже секунды. За обзорным экраном мелькали клочья облаков. Модуль нырнул в густую пелену, звезды исчезли.

Громкое «бум» заставило Шэннона вскинуть голову. Несколько капель попали в глаза, и он замигал. Вытерев лицо, сержант взглянул на часы.

— Пять минут! Включить фонари! Белый фильтр! — закричал он в микрофон. — Подтвердить прием!

Прием подтвердили. Все были готовы, но к чему? Если Буккари промахнется и уклонится вправо, модуль всех их раздавит. Если же ей удастся сесть на воду, что тогда?

Шэннон наклонился и потрогал накачанный упругий плот. Сержант хорошо плавал, но в нем с детства укоренился страх перед водой. Перспектива возможного путешествия по черному неприветливому озеру совершенно не прельщала его. Да еще дождь... Он снова взглянул на часы: время зажигать ракеты.

— Зажечь! — скомандовал он по УКВ. Одна за другой вспыхнули ярко-красные искры, образуя целое ожерелье, охватившее береговую линию. Шэннон пошарил по плоту, нашел мощный поисковый фонарь и направил его в небо.

Модуль выходил на прямую. Скорость еще больше упала, но облака по-прежнему ограничивали видимость. Капли дождя, попадая на эк-

ран обзора, испарялись, затягивая его мутной пеленой. Буккари не сводила глаз с дисплея, где уже заработал альтиметр. Скорость упала до предельно допустимой, дальше придется тянуть на бреющем. Это и неплохо — ей не хотелось включать форсаж над озером, но хватит ли модулю энергии?

Она проверила расстояние до маяка, внесла необходимые уточнения, опустила нос модуля и проверила воздушные тормоза и щитки на тот случай, если скорость будет слишком велика. Индикатор наклона спуска уверенно смещался к центру. Буккари знала: сейчас решится все. Она быстро активировала ведущие подкрылки и закрылки, опустила щитки и подключила посадочные бластеры. Теперь все. До нее доносился монотонный голос Родса, считывающего показания с радара по расстоянию и высоте. Главное для нее — удержать наклон планирования и не сорваться. Скорость — в норме. Еще больше опустить щитки. В тридцати четырех километрах от маяка альтиметр резко опустился на тысячу метров — край плато. Осталось десять километров. Курс и угол наклона в норме. Положение менялось чуть быстрее, нос слегка опущен, но эта погрешность вполне допустима — время еще есть. Она направила руль, ослабив давление на левый борт и скорректировав начинающуюся девиацию. Пять километров. Еще больше выдвинуть щитки. Нос слегка поднялся. Три километра. Где же нижняя граница облаков? Буккари уточнила высоту, подала нос вниз и до предела опустила щитки. Красные вспышки! Она увидела яркие огоньки, рас-

тянувшиеся ломаной линией справа по курсу. Скорость упала до нижнего предела. Радарный альтиметр показал десять метров. До касания оставались секунды. Только бы удержать осевое положение — никаких резких движений! Хвост модуля опустился на воду, и одновременно — скорее, благодаря удаче, чем расчету, — Буккари включила посадочные бластеры, компенсируя толчок и удерживая нос.

— Родс, катапультируйся! — крикнула она.

Ее истеричный крик прозвучал уже во мраке сырой ночи — Буккари превратилась в живую ракету, выброшенную из гибнущего корабля. Еще не поняв, что произошло, она уже висела над водой — парашют лишь успел смягчить падение. Холодная вода подействовала отрезвляюще — разрозненные, разбегающиеся мысли приобрели ясность. Буккари вынырнула на поверхность, пытаясь отсоединить коннекторы, но они съехали на плечи. Едва не запутавшись в стропах, она все же нашла замки и освободилась от парашюта. И тут же почувствовала, как кто-то или что-то обвивает ее ноги и тянет вниз. Панический ужас выплеснулся криком, но Буккари уже закусил губу. Она нырнула, готовая к борьбе с чудовищем... Это ж надо так запутаться в стропах! Чтобы развязать узел, хватило нескольких секунд. Лейтенант поднялась на поверхность и легла на спину.

Кромешная тьма, ни звука — только тяжелое биение сердца да учащенное дыхание. Она с трудом стянула с головы шлем и чуть не захлебнулась. Выплюнув воду, Буккари стала ти-

хонько подгребать руками. И тут, как будто во сне, издали до нее донеслись неясные крики, а метрах в двух пробежал луч света.

ВПМ вынырнул из облаков, подобно сказочному дракону, разбрызгивая искры и оглушительно ревя. Словно пораженное стрелой богатыря, чудовище рухнуло в озеро, подняв большой фонтан. Зеленовато-изумрудные волны, сюрреалистически подсвеченные раскаленными посадочными бластерами, взметнулись, опустились и разбежались от места катастрофы. Модуль исчез, но бластеры все еще горели, отчего участок озера вокруг затонувшего корабля становился похожим на громадный китайский фонарь. Через несколько секунд бластеры погасли, исчерпав запас топлива.

Буккари угодила в десятку, всего в сотне метров от того места, где покачивался плот. Татум сразу же налег на весла, а Шэннон сосредоточил внимание на двух катапультированных креслах, взлетевших из кабины модуля. Их траектории разошлись: одно ушло вперед, другое — назад от места падения. Шэннон приказал Татуму грести к ближайшему, до которого было метров пятьдесят. Подняв мощный поисковый фонарь, он пристально вглядывался в потревоженные воды озера.

Первая волна, мощная и крутая, едва не перевернула плот. Наверное, Шэннона выбросило бы за борт, если б он в последний момент не уцепился за спасательный трос, протянутый вдоль планшира. Придя в себя, он занял свою

прежнюю позицию с фонарем на носу плота, что было не просто: плавучее средство номер один, как обозначал его официальный реестр, крутилось, вертелось и все время норовило ускользнуть из-под ног. Наконец, в свете фонаря мелькнуло что-то белое — лицо Буккари!

Шэннон снял шлем, стащил пончо и башмаки и указал Татуму на лейтенанта. Тот ментально сориентировался и несколькими сильными гребками подогнал плот поближе. Сержант нырнул в ледяную воду и вынырнул около барахтающегося пилота.

— Чудесная посадка, лейтенант, — отплываясь, приветствовал офицера Шэннон и, схватив ее за лямки, потянул к плоту.

— Поцелуй меня в задницу, — прохрипела она.

— Это приказ? — спросил Шэннон, выплевывая воду. Ухватившись одной рукой за трос, он подтолкнул Буккари снизу, в то время как Татум подтянул ее за плечи и довольно бесцеремонно опустил на вымытое дождем днище. Шэннон, свесившись с кормы, уже указывал на новую цель. Пока Татум греб, сержант сообщил по радио на берег о ходе спасательной операции. С берега до них донеслись приглушенные дождем радостные крики.

Волны все еще не улеглись. Сержант громко закричал и поднял фонарь над головой, описывая им круги по серой от дождя воде. Буккари, дрожа, скользя и падая, подползла к носу плота. Слышался лишь плеск весел, шипение ветра и шорох дождя. На берегу уже неясно догорали сигнальные ракеты. Татум поднял весла, осматриваясь по сторонам.

Шэннон снова сложил ладони рупором и закричал:

— Родс! Командор Квинн!

Они прислушались — плеск воды.

Внезапно Буккари указала на что-то рукой.

— Вон там! Я что-то вижу!

Татум ожесточенно заработал веслами, и плот помчался в указанном направлении... Парашот! Перегнувшись через борт, они тащили мокрое, тяжелое полотно, спеша побыстрее добраться до строп. Вот и они! Еще рывок... еще... еще...

Казалось, что эта тонкая, прочная, режущая руки нить никогда не кончится, но в воде уже вырисовывалось что-то грузное. Они удвоили усилия, закусив от отчаяния и надежды губы. Сбоку из-под воды появилось тело Родса, его ноги, туловище и шея были опутаны стропами.

Татум и Шэннон опустили грузную безвольную фигуру на дно плота. Родс не шевелился.

Буккари потеряла равновесие, поскольку упала рядом с инженером. Шэннон услышал ее вздох. Он наклонился и снял с головы Родса шлем. Широко открытые глаза смотрели в одну точку — так выглядят мертвые: губы темно-фиолетовые, кожа приобрела синюшный оттенок. Удушье.

Буккари глубоко вдохнула, приложила губы ко рту инженера и, зажав ему нос, выдохнула воздух в легкие. Опустившись на колени, сержант принялся ритмично нажимать на грудную клетку своими могучими руками, что оказалось не так-то просто.

— Нужно вернуться к берегу. Может, Ли что-нибудь сделает. Поиски еще не закончены, — сказал Шэннон. Буккари ничего не от-

ветила, продолжая делать искусственное дыхание. Шэннон молча смотрел. Потом он сделал нетерпеливый жест Татуму, и тот взялся за весла. Огни на берегу гасли один за другим.

Оттолкнув Буккари в сторону, Шэннон сам принялся за дело, пытаясь вдохнуть в Родса жизнь. Буккари, на грани шока, сидела у бортика с несчастным видом. Плот врезался в берег, и десяток рук вытащил его из воды. Сержант приказал вынести Родса, Джонс и Хадсон помогли Буккари, у которой совсем отказали ноги. Она сделала три шага и упала.

— Тащите ее быстрее в пещеру! — командовал сержант. Джонс, плача от радости, взвалил лейтенанта на плечо и побежал.

— Черт! — пробормотала Буккари, приходя в сознание. — Отпусти меня.

Бодман повиновался, но едва опустил лейтенанта на землю, как она опять стала оседать. Он придержал ее за плечи.

— Шэннон, спустите плот... на воду, — приказала она. — Там командир Квинн. Я не уйду, пока... мы не найдем... — она снова потеряла сознание.

— Заверните ее в одеяла и отнесите в пещеру! — рявкнула Ли, занятая Родсом, и выругалась сквозь зубы.

Закутав потерявшую сознание Буккари в пончо и одеяла, Джонс и еще несколько человек поспешили к пещере. Шэннон и Татум оттолкнули плот в озеро. Они уже отгребали от берега, когда вой Фенстермахера заставил их остановиться. Фенстермахер указывал на что-то, едва различимое во тьме. Лучи фонариков вырвали из ночи какую-то фигуру. Она напомина-

ла человеческую, но была больше. Существо стояло по грудь в воде, еле шевеля двумя руками. Потом оно пошатнулось, не в силах держать свой вес, и упало, но тут же поднялось.

— Это командор Квинн! Он в скафандре! — закричал Хадсон.

Разбрызгивая воду, спасатели метнулись к шатающемуся командиру. С него потоками стекала вода. Шэннон пробился через возбужденную толпу как раз тогда, когда Квинн отвернул затвор, и из скафандра с шипением вырвался воздух. В свете фонарей возникло усталое лицо командора, смертельно бледное и влажное от пота.

— Как вы, командор? — спросил Шэннон, входя в дрожащий крут света.

— Бывало и лучше, сержант, — выдохнул Квинн. — Что... Буккари и Родс?

— Лейтенант Буккари в порядке, сэр, — ответил Шэннон. — Ее отнесли в пещеру. Ли там на берегу с Родсом.

— Похоже, у Вирджила дела плохи, командор, — сказал Уилсон дрожащим голосом. — Он запутался в стропах.

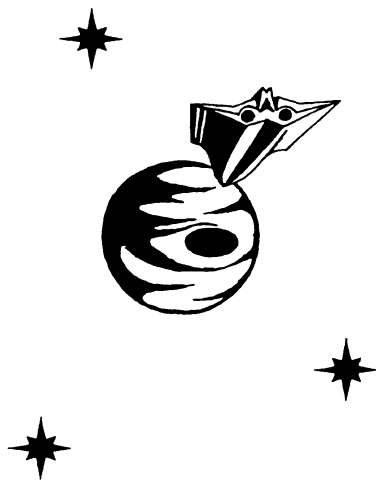
— Ли говорит, что у него удар. Вот несчастье, — мрачно добавил Хадсон.

Квинн сел на землю и медленно покачал головой.

— Шах и мат, — тихо проговорил он. Панегирик.

Часть II

ОБЩЕСТВА

ГЛАВА 12. ВТОРАЯ ПЛАНЕТА ОТ СОЛНЦА – КРИОН

— Ты в этом уверен? — раздался громоподобный голос одетого в голубой наряд великана. Преодолев жесткие цепи гравитации, на массивные задние лапы поднялся Джук I — Император Северной Гегемонии, обладающий чудовищной силой и нетерпимостью, ни во что не ставящий чужую жизнь.

— Прошу прощения, Великий, я не уверен, — захныкал Научный Директор Мот. Его железа беспокойства снова «выстрелила», на этот раз внятно: Мот ощутил собственный запах страха, поднимающийся густой волной. Он стоял, уставившись в пол, и полированный оникс отражал его образ — широкий сплюснутый нос, сморщенная кожа, буроватые глаза, широко раскрытые от ужаса, суровые клочки бровей. Почему он поступил столь опрометчиво?

— Может быть, это всего лишь хитроумная ловушка? — спросил Джук, опускаясь на гидростатический трон. Некоторое время его громадная туша лениво колыхалась на темносиних пневмоподушках в поисках наиболее

удобного положения. — Их сигналы могут быть обманчиво просты именно потому, что они хотят завлечь нас в капкан.

— Да, Достойнейший, — ответил Мот, отчаянно пытаясь определить правильный ответ. От этого зависела вся его карьера, возможно, даже вся жизнь. — Их сигналы были весьма просты и рассчитаны на установление контакта. Я выдвигал гипотезу личного контакта, исходя из характера перехвата. Несложные рисунки, цифры, музыка и геометрические фигуры наиболее подходящи и типичны для такого контакта, о Достойнейший, — приняв подобострастную позу, Мот смиренно замер в ожидании своей участи — дрожащий символ несчастья, огромная пылинка в самом центре императорского дворца.

— Генерал Горрук, ваше мнение, — рявкнул Верховный Лидер, обращаясь к крионцу с суровым выражением лица, сидевшему на нижнем уровне трона. Горрук, командующий императорскими армиями, поднял свое гигантское тело, закованное в одежду цвета хаки с красной отделкой. Будучи по меньшей мере в три раза массивнее любого землянина, Горрук превосходил в этом отношении даже Верховного Лидера. На его эполетах сверкали серебряные звезды, свидетельствующие о принадлежности великана к Командованию Планетарной обороны. Мот изумился тому, сколько времени понадобилось могучему здоровяку, чье лицо напоминало каменную глыбу, чтобы сформулировать ответ. Какое вопиющее высокомерие!

— Я думаю, — загремел, наконец, генерал Горрук, и его мохнатые брови напряглись и за-

дрожали от такого усилия, — что это бесполезная трата вашего драгоценного времени. Это совершенно очевидно. Пришельцы приблизились к нашей планете, чтобы напасть, как это случилось во время правления Олланта. Это всего лишь хитрая уловка. Трюк.

Горрук нависал над Мотом, распростертый ученый ощущал тепло генеральского тела, запах его раздражения и недовольства. Мот крепко-накрепко зажмурился и прижал лоб к полу.

— Почему? — продолжал Горрук. — Почему эта куча интеллектуальных отбросов претендует на ваше драгоценное внимание? У Верховного Лидера есть более достойные дела. Наша раса спасена от еще одного вторжения, враг разбит и изгнан из пределов нашей системы. Снова! Командование Планетарной Обороны, получив массивную поддержку Северной Гегемонии в виде стратегических ракет, победило пришельцев. Какие еще новости мог принести этот червяк? И вы, Верховный Лидер, принимаете советы от ничтожного чиновника, так называемого ученого. Хнычущий трус! Обнюхайте его! Вообще, почему он здесь?

— Потому что я распорядился привести его ко мне, генерал! — прорычал помрачневший Джук.

— Да, — Горрук усмехнулся. — Но только не забывайте ваших торжественных клятв и обещаний, данных...

— Генерал Горрук! — заревел Джук, вскакивая, что было не так-то просто. — Не напоминайте мне о клятвах Защиты! Больше нас никто не застанет врасплох!

— Ты! Ученый! — заорал Горрук, искусно меняя направление атаки. Да, Горрук, бегемот среди бегемотов, всегда нападал.

— Да, великий генерал, — дрожащим голосом произнес Мот.

— Как? — спросил Горрук, и его голос, казалось, источал яд. — Как могло случиться, что враги прилетают в нашу систему, когда им этого захочется, а мы не можем покинуть ее? И вот они снова явились, проникли в нашу планетную систему. Откуда? Из каких глубин Вселенной? Они легко преодолевают расстояния. Почему так происходит? Что есть у них и чего нет у нас?

Мот промолчал. Запуганный, он боялся говорить.

— Говори, ты, червяк! — завопил генерал, нависая над лежащей фигурой.

Мот поднял голову.

— Прошу пощады, генерал. Я всего лишь астроном. Я не могу говорить о том, чего не знаю.

— Генерал Горрук! — приказал Джук. — Возвращайтесь на свое место. Как ни досадно, но вы правы. Никогда больше мы не позволим вражеским силам первыми открыть огонь. Но вопрос не в этом, — правитель метнул разъяренный взгляд на своего генерала. Горрук стоял, высокий, неподвижный, решительный. — На колени, Горрук! — грозно заревел Джук, на шее и висках проступили вены, густые брови разбежались. — Это мои палаты. Вниз, Горрук. Ну! — по залу проплыл кислый запах императорского гнева — пред-

вестник бури. Дворцовая стража нервно зашевелилась. Неуклюжие фигуры с бластерами наизготовку выдвинулись из затемненных ниш.

Медлительный Горрук, опершись на мозолистые руки и густо поросшие мехом предплечья, застыл в раболепной позе, его запах гнева опасно смешался с таким же запахом Императора. Поднявшись после поклона, генерал остался на четырех конечностях, то есть в естественном положении, и промаршировал на свое место.

Зашумели вентиляторы, очищая воздух от следов недавней стычки.

— При всем огромном уважении, Верховный Лидер... — вмешался еще один придворный, более изящную фигуру которого украшало сверкающее белое платье с черной отделкой, Министр внутренних дел Эт Каласс, хрупкий, с золотистой кожей, и вдобавок из знатного семейства, легко поднявшийся на задние лапы. — Я должен согласиться с нашим храбрейшим генералом, — негромко и спокойно сказал он. — Пришельцы, каковы бы ни были их намерения, разбиты. Давайте обратим внимание на более знакомые нам проблемы управления.

Министр сделал вялый жест. Мот почувствовал, как его потянули за одежду, потом сильнее и настойчивее. Ученый обернулся и увидел, что один из служителей приглашает его следовать за собой. Он с радостью подчинился и выполз из зала в той же манере, что и генерал Горрук. За дверью служитель, одетый в голубую ливрею, повернулся к Моту и снисходительно произнес:

— Вами заинтересовался министр Эт Каласс. Ждите завтра.

Служитель тяжело побрел прочь, его отвисший от гравитации живот волочился по полу. Ученый испытывал священный трепет — крионцам его ранга нечасто доводилось посещать императорский дворец, — но еще больше ему хотелось вернуться к себе домой. Неуклюжий лакей эскортировал его до хрустального холла, провел через низкую ротонду с колоннами, где из позолоченных рам на стенах злобно взирал пантеон предыдущих императоров, многие из которых отошли от власти не совсем по своей воле. Посреди помещения, пол которого был украшен гербом — солнцем с лучами, — на невысоком пьедестале стоял бронзовый Джук.

Они миновали пост безопасности, прошли детекторы магнитного поля, химические анализаторы запахов и ультразвуковые кабины досмотра. У консолей вооруженная охрана проверяла собранную информацию. После ротонды служитель оставил его одного, и Мот продолжил путь на четырех лапах через выход и дальше, по парадному скату. Он пересек Императорскую площадь, обогнул сады и выкатился через тщательно охраняемые ворота, слившись с толпой бормочущих крионцев, заполнивших тротуары широкой авеню. Было время, когда ночная смена возвращается домой, и вокруг мелькали самые разнообразные лица — от угрюмых до стоических. И все же Мот чувствовал себя лучше, смешавшись с мрачными молчаливыми парами. Напряженная

атмосфера, царившая во дворце, действовала на него угнетающе.

День выдался необычный, безоблачный, и воздух был прозрачен и свеж. В отдалении виднелось плоскогорье, опоясывающее город с юга и запада, отчего столица казалась вытянутой по вертикали. Кирпичного цвета океан терялся в густом смоге, а горизонты существовали, думал Мот, только в воображении тех, кто располагал временем, чтобы думать о них. В небе мирного кремового цвета с оттенками золота и ржавчины висело невысокое полуденное солнце, окутанное бледной прозрачной дымкой. Над городом возвышалась Башня Победы, в пять раз превосходявшая размерами все другие муниципальные сооружения. Издали она казалась кинжалом, направленным в яркий фонарь.

Очень мило, думал Мот, переходя с нетопливой ходьбы на рысцу, и то и дело натываясь на таких же спешащих куда-то горожан. Заметив транзитную трубу, он направился прямо к ней и встал в очередь у контрольных ворот. В этот день работало больше половины ворот, так что ждать пришлось недолго, и всего лишь за пятнадцать минут Мот оказался на посадочной платформе. Правда, чтобы дождаться вагона, он простоял вдвое дольше; первые два состава заняла Милиция Общественной Безопасности, и они промчались, не останавливаясь на станции, — оружие и шлемы слились в неясное мелькающее пятно.

Час спустя Мот вышел на последней остановке, где его узнал станционный мастер, ко-

торый и помог отправиться дальше. Директор Мот протрусил через главный вход Императорского Астрономического института и снова превратился в важную особу.

— Надеюсь, все прошло хорошо, Директор, — сказал ученый Доворнобб, изумительно способный молодой ассистент, сочетавший познания как в астрономии, так и в астрофизике. Вместе они направились в административный офис, миновав просторный оперативный центр. Директор Мот с удовлетворением отметил, как таращатся на него программисты, некоторые женщины даже бесстыдно подняли глаза. В другой раз Мот, конечно, безжалостно наказал бы их за такое поведение, но сейчас он купался в лучах славы, еще бы: его вызывали к Верховному Лидеру. Желание рассказать о пережитом переполняло его.

— Вполне хорошо, — высокомерно ответил Мот. — Вы нанесли траекторию на карту? Мне сообщили, что вскоре может понадобится дополнительная информация. Возможно, даже завтра, — директор прошел в свой кабинет, собираясь просмотреть почту.

— Да, работа закончена, Директор, но результаты неясны, — ответил Доворнобб и в притворном страхе отскочил от Мота, как бы предчувствуя его гнев.

— Неясны? Неясны! — кричал Мот, испепеляя взглядом своего кривляющегося помощника. — Почему неясны? Отвечайте. Скажите же хоть что-нибудь!

— Да, Директор, — Доворнобб поднял глаза и посмотрел на небо, что было совсем уж не-

уместно. — Большие корабли пришельцев ... э... исчезли... одновременно. Пропали. Волшебство. Непонятно. Фу! Нет никаких доказательств, что эти корабли были уничтожены или даже повреждены, хотя наши перехватчики били по ним с близкого расстояния. Они растворились, — Доворнобб подошел к терминалу. Гений. Отсутствие манер не так уж важно.

— Но мы смогли кое-что обнаружить после уничтожения основных единиц, — поглощенный рассказом, Доворнобб совершенно позабыл об этикете. — Пришельцы оставили один функционирующий корабль. Это соответствует данным, которые есть у военных, — он смотрел на доклад, почти позабыв о Директоре Моте.

— Ну и что? — спросил тот. — Что?

— А-а... о-о... — Доворнобб снова закрыл глаза.

— Говори, — Мот едва сдерживался. Все его теории базировались на анализе ассистента. Директор зависел от помощника, особенно теперь, когда сам Император проявил интерес к его изысканиям.

— Несколько наших кораблей так и не вернулись, — сообщил Доворнобб.

— Это я знаю! Мы и не рассчитывали, что все вернутся. Им было приказано идти на перехват с максимальной скоростью, а противник находился за пределами оперативной зоны. Мы знали, что им не хватит топлива на обратный путь. Чтобы не попасть в плен, они взорвали себя, — Мот замолчал: ему не полагалось говорить об этом.

— О! — Доворнобб был явно шокирован, но отреагировал спокойно. — Это многое объясняет...

— Да, крионец! Выкладывай! — настаивал Мот.

— Так вот, — продолжал ассистент. — Все наши корабли послали сообщения о своих успехах, заявив о том, что враг уничтожен. Я уверен, что один из кораблей пришельцев остался уже после того, как наши перехватчики были отозваны или погибли. Хотя, возможно, «погибли» — не совсем правильное слово.

— Что? Ты уверен? И куда он пропал? — выпалил Мот, тоже забывая о манерах. — Прошло уже несколько дней. Нас спросят, почему мы не докладывали об этом.

Доворнобб хитро улыбнулся. Эта улыбка раздражала Директора.

— В общем-то, убедительной причины нет, но вы могли бы объяснить нашим доблестным лидерам, что древние процессоры, которыми нас обеспечивают, слишком медлительны. Телеметрические связи разбиты по сериям, а файлы с информацией по траектории весьма значительны по количеству. Если бы у нас были те штуки, которыми располагает Милиция Безопасности, отслеживающая с их помощью диссидентов, мы могли бы...

— Перестаньте, ученый Доворнобб! — воскликнул Мот с паническими нотками в голосе, испуганно оглядываясь по сторонам. — Я не потерплю бунтарских разговоров. Вы продемонстрировали свою техническую компетен-

цию, но, пожалуйста, не испытывайте мою лояльность.

— Генеллан, — сухо сказал Доворнобб.

— Что? Генеллан? — переспросил Мот.

— Корабль пришельцев вышел на орбиту Генеллана, — спокойно ответил ассистент. — На очень низкую орбиту. А потом пропал. И с тех пор ничего.

ГЛАВА 13. ИСПЫТАНИЕ

Браппа хорошо знал — подводная охота требует прежде всего терпения: его движения под водой казались ленивыми, хотя по-своему грациозными, а потому стайка жирных рыбешек, шнырявшая у песчаного дна, заметила появление охотника слишком поздно. Стремительный бросок — и одна из зазевавшихся красавиц оказалось зажатой мелкими, но острыми зубами охотника.

Он вынырнул на поверхность, предвкушая, как они с Краагом полакомятся, сварив добычу в горячем источнике.

В это мгновение Браппа и увидел плот. Почти тут же до него донесся предупредительный свист Краага.

Плот длинноногих находился между охотником и островом. Браппа бесшумно нырнул, хотя рыба во рту мешала сделать глубокий вдох, и, неистово работая ногами, устремился к скалистому берегу, под укрытие валунов. Когда он выбрался на берег и осмотрелся, то заметил, что плот уже вытащили из озера.

Не очень-то удобно для него, но надо смотреть в оба: раньше плохая погода не позволяла

длинноногим выйти из пещеры, теперь дождь прекратился, северный ветер расчистил небо от туч, утро у чужаков выдалось хлопотным — шумные группки спустились от лагеря к озеру; умывались, плескались и даже плавали. Очень уж беспечные и крикливые создания, решил охотник, наблюдавший за ними из-за скалы.

Несколько чужаков спустили на воду плот и отплыли от берега.

Браппа, уже не обращая на них внимания, расположился среди камней. Страх перед чужаками притупился, а вот аппетит все острее требовал своего. Какая же вкусная эта рыба!

— Вода намного теплее! — воскликнула Голдберг, опустив руку в озеро. — Должно быть, на острове есть горячий источник.

Татум оттолкнулся от берега, а Голдберг так и осталась у бортика.

— Сэнди, отвези нас на остров, — скомандовала Доусон.

Татум послушно кивнул. Гребец он был отменный, и Голдберг невольно залюбовалась его размеренными движениями, игрой налитых мускулов и тем, с каким мастерством матрос управлял неповоротливым суденышком. Татум улыбнулся ей и подмигнул. Голдберг покраснела и отвернулась. Когда плот уткнулся в песчаную отмель, Доусон первой соскочила в воду. Пыхтя и отдуваясь, она подтащила плот, ухватившись за стальное кольцо на носу.

— Подожди секунду, Нэнси, — сказал Татум. — Ты ничего не сделаешь, пока я здесь сижу.

— Какая теплая вода! — воскликнула Доусон. — Пеппер, вылезай и попробуй сама.

Голдберг поднялась с кормы и, протискиваясь мимо Татума, на мгновение прижалась к нему. Соскочив в воду, она радостно, по-детски взвизгнула. Матрос вытащил плот на песок. Женщины разулись, сняли термальные леггинсы, закатали штанины и побрели вдоль берега. Татум немного понаблюдал за ними, потом стал оглядываться по сторонам.

— Сэнди! Иди сюда, — позвала его Голдберг. — Пора бы тебе помыться. Ты уже заплесневел! — она и Доусон уже не раз упали и промокли.

Сунув руки в карманы, Татум подошел к ним.

— Наконец-то моя одежда высохла, и я не собираюсь ее снова мочить. А вы еще не подготовлены, чтобы увидеть меня без нее, — он погрозил им пальцем. — Сарж сказал, что я не должен вас пугать.

Слова его вызвали радостное хихиканье, а Доусон плеснула на него водой. Татум отскочил на безопасное расстояние.

— Перестаньте. Я хочу осмотреть остров, — сказав это, он исчез в зарослях кустарника.

Браппа смотрел и слушал. Длинноногие в светлых одеждах играли в воде и не казались

опасными. Высокий, широкоплечий гигант, одетый в зеленое, на взгляд охотника, отличался силой. Двигался он быстро и постоянно был настороже. Браппа встревожился, когда чужак направился вглубь острова, но тот вскоре вернулся, оглядываясь через плечо. Судя по всему, Краага он не встретил.

Внезапно Браппа услышал глухой тяжелый рокот. Он шел, казалось, из глубин земли. Плато содрогнулось, как будто подземная волна прокатилась от самых гор, сокрушая гранит, сдвигая скалы. Гладь озера подернулась рябью, а потом оно будто выдохнуло: высокие волны захлестнули остров, выбросив далеко на берег плот длинноногих, затопили кусты и помчались к берегу.

Браппе не повезло. Землетрясение было обычным явлением, и охотник знал, что происходит, но поделать ничего не мог. Волны со всей мощью обрушились на него, швырнули его маленькое тело на скалы. Спустя несколько секунд вода с шумом отступила, оголив каменистый берег, и озеро успокоилось, волнуемое только легким ветерком.

И только Браппа остался лежать у скалы, без сознания и со сломанной рукой.

— Ого! Приливная волна! — завопил Фенстермахер. Сбегая с холма, Буккари услышала крик боцмана. Фенстермахер и Гордон собирались порыбачить и как раз готовили снаряжение.

— Ребята, все целы? — спросила лейтенант.

— Да, — откликнулся Фенстермахер. — Все нормально. А тут не так уж и скучно.

За Буккари следом спустился Шэннон.

— Где Татум? — закричал он. — Где плот?

С озера донесся приветственный возглас. На берегу острова стояла вся тройка — Татум, Доусон и Голдберг. Повыше, на камнях лежал слегка похудевший плот.

— Вот они! — Буккари подняла руку.

— Как дела, сержант? — спросил Квинн, присоединяясь к компании.

— Что они там делают? — поинтересовалась Буккари.

— Татум попросил плот, чтобы проверить горячие источники на острове. Я разрешил, — ответил Шэннон. — О'Тул, Гордон! Плывите на остров и помогите Татуму с плотом.

Сняв верхнюю одежду и оставшись в длинном нижнем белье, О'Тул и Гордон полезли в воду. Доусон и Голдберг уже возвращались вплавь. Через несколько минут женщины в тяжелых от воды одеждах вышли из озера и взволнованно, перебивая друг друга, описали горячие источники. Буккари слушала их вполуха, наблюдая за мужчинами, хлопочущими у плота. Собравшаяся там толпа возбужденно гудела. К радости зрителей, плот стащили в воду, и вскоре Татум и его спасатели в свою очередь принялись во всех красках расписывать прелести купания в горячей воде. Все остальные, умирая от зависти, уже были готовы позабыть обо всем и пойти купаться.

— Сарж, — сказал Татум. — Нам следует осмотреть остров.

— Ты что-нибудь видел, Сэнди? — спросил Шэннон, хватая матроса за руку.

— Ничего определенного, — задумчиво ответил Татум. — Просто похоже на то, что им пользуются. Какие-то странные тропинки... И еще мне показалось... впрочем, нет, я слышал... э... свист.

— Свист? — недоуменно переспросил Квинн.

— О'кей, Сэнди, — Шэннон кивнул. — Разведай там все. Возьми с собой троих и займись этим. Не забудь об оружии, — он отступил от Татума и оглядел собравшихся. — Никакого купания до тех пор, пока не починят плот. Понятно?

Толпа недовольно заворчала. Шэннон побагровел:

— Заткнитесь и слушайте меня! Это вам не какой-нибудь сволочной курорт, — заорал он. — Никакого купания днем. Повторить? Нет? Если, но только если, остров чист, то мы организуем посменное купание. И только после захода солнца.

Шэннон бросил взгляд на Квинна, но тот промолчал, и сержант продолжал.

— Во время купания на берегу будет находиться вооруженный часовой. Повторяю еще раз и хочу, чтобы каждый это запомнил: мы здесь чужие. Мы не знаем, есть ли там что-нибудь или кто-нибудь. Нас подстрелили в космосе, мы на вражеской территории. Нам нужно быть осторожными и не светиться. Всем понятно?

Квинн кивнул.

— Хорошо сказано, сержант. Нам необходимо снова установить охрану. И, конечно, раз мы обнаружили горячие источники, ими нужно пользоваться. Займитесь этим, сержант. Разойдитесь.

Все послушно направились вдоль берега к лагерю. Буккари отошла в сторону послушать, как стонут цветы. Она почему-то чувствовала себя не у дел. К ней подошел Хадсон.

— Вот это землетрясение, — сказала Буккари.

— Ты хочешь сказать, Р-К-З-трясение, — поправил Хадсон.

— Да. Именно это я и хотела сказать. Р-К-З-трясение. Как поэтично! — она подошла к озеру, а Хадсон побрел дальше.

— Посмотри, здесь мертвая рыба! — закричал Хадсон, подбежав к камням в нескольких метрах от воды. — Должно быть, выбросило волной. Если свежая, то заберем с собой на обед.

Он пробирался по камням к тому месту, где валялась рыбина, и, осторожно взяв ее за хвост, поднял, чтобы рассмотреть получше.

— Эй, гляди-ка! — изумленно воскликнул мичман и, перепрыгнув через валун, склонился к земле. — О черт! Шал, подойди сюда! Вот это урод! Ужасней не придумаешь, — Хадсон вытащил пистолет.

Встревоженная его криками, Буккари поспешила к тому месту, где стоял Хадсон. В луже у скалы лежало что-то. Перепончатое крыло развернулось, нога с жутковатыми ког-

тями торчала вверх. Из головы, точнее, из того места, где должно было быть ухо, сочилась темно-красная кровь. Рот раскрыт, обнажая сияющий ряд острых конусообразных зубов. Существо было до отвращения безобразно. Буккари смотрела на него, едва сдерживая тошноту. Тело существа вдруг шевельнулось. Грудная клетка поднялась и опустилась. Оно дышало.

— Живое! — воскликнула Буккари и попятилась.

Существо все еще не приходило в себя. Лейтенант посмотрела на Хадсона, как бы спрашивая, что же им делать. Затем подошла поближе, встала на колени и осторожно коснулась распростертой мембраны крыла.

— Оно покрыто мехом, мягким мехом, — сказала она после внимательного осмотра. — Взгляни на эти когти. Может, лучше пристрелить его и избавить от мучений? Крыло, похоже, сломано. А! Это... не просто крыло... Смотри, рука, пальцы! Наверное, это та большая летучая мышь, которую видела Доусон.

— Так что мы будем делать, Шал? — спросил Хадсон, касаясь пальцами крыла.

— Не знаю, — ответила она. — Трудно сказать, насколько серьезно оно ранено. Если просто оставить его здесь, то оно может прийти в себя, отползти куда-нибудь и умереть в муках. Давай заберем его с собой, вдруг Ли сможет чем-нибудь ему помочь, — Буккари приподняла голову существа.

— И как ты предполагаешь это сделать? — спросил Хадсон.

— Сними свой комбинезон, — сказала Буккари и ласково улыбнулась. — Это приказ, мичман.

— Злоупотребление служебным положением. А что, если у меня под комбинезоном ничего нет? — Хадсон уже стаскивал одежду.

— Ты думаешь, меня это волнует? Поторопись!

Хадсон так и поступил.

— Бр-р-р! Холодновато, — он поежился и пожал плечами, чувствуя, что выглядит нелепо.

Буккари расстелила комбинезон на песке, и они осторожно перенесли существо из лужи. Оно оказалось на удивление легким. Взяв его за руки и ноги, земляне положили животное в комбинезон и застегнули на нем молнию. Хадсон связал рукава и штанины.

— Думаю, выдержит, — Буккари взялась за рукава. — Если начнет дергаться, опусти его на землю. И следи за его ртом.

Браан кружил над островом, наблюдая за происходящим внизу. Он видел, как длинноногие унесли безжизненное тело, но ничего не мог поделать. Крааг подал сигнал «все чисто», и охотники опустились на землю. Старый воин поведал им о трагических событиях, приведших к пленению сына вождя. Закончив рассказ, Крааг возложил всю ответственность на себя самого и выразил сочувствие Браану. Всем стало жаль знаменитого охотника.

— Крааг, сын Веера, — сказал Браан, всей

душой ощущая утрату сына. — Крааг, товарищ мой в битвах и жизни, не предавайся отчаянию. Никто не может контролировать силы природы. Дыхание богов сотрясало даже горы. Принять вину за это несчастье было бы несправедливо, мой храбрый и верный приверженец. Ты всего лишь исполнял свой долг. Это все, что может ожидать вождь.

Воины одобрительно кивнули, но отчаянию Краага не было предела.

— Да, тот же самый зверь, — подтвердила Доусон. — Только тогда у него был лук и какая-то одежда из кожи.

— Ну конечно, Доусон! — съязвил Фенстермахер. — Это был индеец с луком и стрелами. Мы назовем его Тонто.

— Отвали, лилипут, — ответила Доусон, — пока я тебя не отшлепала.

— В последний раз ты это делала, когда тебе исполнилось двенадцать! — парировал Фенстермахер, благоразумно отходя подальше.

— Хватит! — оборвала их Буккари. — Сарж, убери их отсюда.

— О'кей, вы слышали, что сказала лейтенант, — загремел Шэннон, выталкивая парочку из пещеры. — Все по палаткам. Зоопарк откроется позже. Дайте Ли возможность поработать.

— Ты можешь что-нибудь сделать, Лесли? — спросила Буккари.

— Не знаю. Многое зависит от того, как

оно себя поведет... — Ли с сомнением покачала головой и осторожно раздвинула складки безгубого рта, за которыми крылись острые, как бритва, зубы. — Этот сукин сын вполне может наделать дел.

— Ты можешь дать ему что-нибудь успокоительное, завязать рот и ввести внутривенно питательный раствор? — спросил Хадсон.

— Давать животным лекарства опасно, — ответила Ли. — Оно вполне может умереть, прежде чем мы поймем, что случилось. Единственное, что можно сделать наверняка, это вправить кость и наложить шину. Можно попробовать что-нибудь болеутоляющее, но даже это рискованно. Давайте свяжем Тонто. И еще надо, чтобы оно не хлопало крыльями. Рот оставим так, сможет есть. И соблюдайте осторожность.

Браан и Крааг бесшумно шли через лес, их глаза уже адаптировались к темноте, хотя этого и не требовалось. Помогли в этом сами длинноногие: неподалеку от палаток горел большой костер, его желтый свет заливал широкое пространство вокруг. Чужаки уже покончили с едой, но не расходились и поддерживали огонь.

Пробираясь через заросли рощицы, Браан слышал странные звуки. Стараясь не наступить на сухую ветку, они двинулись в направлении шума. Подойдя поближе, охотники разобрали шорох листьев и веток, почему-то ритмичный, приглушенные стоны и тяжелое

дыхание. Озадаченные охотники остановились и переглянулись. Интенсивность шорохов, как, впрочем, и других сопровождавших их звуков, возросла, а постанывания слились в долгий мучительный стон. Но, кроме муки, в нем слышалось что-то еще... счастье, удовлетворение? Охотников удивило и другое: сидящие у костра длинноногие совершенно не обращали внимания на странные звуки. Заинтересованные происходящим, обитатели скал придвинулись поближе, приготовив луки к бою. Шум еще больше усилился, достигнув предела интенсивности. Еще несколько шагов. В тени Браан заметил какое-то движение и указал рукой. Напрягая зрение, они устремились сквозь сплетения ветвей и... И тут только до них дошло. Крааг приглушенно хихикнул — обитателям скал не чужды были подобные удовольствия. Браан повернулся и крадучись пошел прочь, а Крааг задержался еще ненадолго. Да, им будет о чем рассказать дома.

Буккари смотрела на Тонто. Тот смотрел на нее. Его темно-карие, почти черные глаза с кошачьими зрачками часто мигали. Веки двигались как сверху, так и снизу, создавая довольно злое впечатление. Фенстермахер только что сменил под животным одеяло, которое существо запачкало.

— Оно пыталось нам что-то сказать, — Буккари приблизила лицо к животному. — Вот

почему оно так панически озиралось по сторонам и корчилось. Его нужно развязать. Посмотрите на эти глаза! Давайте вынесем его наружу.

— Не подходите слишком близко, лейтенант, — предупредила Ли, уже лежащая в спальном мешке.

— Помолчи, Лес. Тебе вообще пора баиньки. Я на дежурстве.

— Мне приятно это слышать, — пробормотала Ли и повернулась к ним спиной.

Существо заинтересовало Буккари. Она настаивала, что должна позаботиться о нем, чувствуя себя ответственной за то, что принесла его в лагерь. Лейтенант обрадовалась, когда существо выпило воды и съело немного рыбы. Все поражались его покорности. Лесли выдвинула предположение, что причиной этого состояния является травма головы, и поэтому существо уже не сможет жить на свободе, но Буккари была уверена: оно прекрасно осознает, что ему помогают.

Буккари наклонилась и коснулась пальцами мозолистой ладони существа. Тонкие паукообразные пальцы сомкнулись на ее руке, но не крепко. Она тут же отстранилась и нежно погладила сжатый кулак. Животное пристально смотрело на нее, ежесекундно мигая. Ей казалось, что оно поняло ее и успокоилось.

Внезапно голова существа дернулась. Оно явно пыталось освободиться от веревок.

— В чем дело, парень? — тревожно спросила Буккари. Тонто издал пронзительную трель. Рот открылся, но вылетающие из него звуки напоминали ей лишь неразборчивое чирканье.

Фенстермахер подошел поближе, чтобы взглянуть на разволновавшегося пациента. Ли выползла из спального мешка и присоединилась к ним... Доусон, сидевшая возле радио, подняла голову, но осталась на месте.

Оставалось одно-единственное препятствие — часовой. Крааг отвлек его внимание, скатывая вниз камешки, и Браан легко прошмыгнул мимо озадаченного стража, без труда преодолев булыжники, загораживающие вход в пещеру. Вождь посмотрел на лагерь, раскинувшийся под ним внизу; в этот момент длинноногие вполне могли заметить его, стоило им лишь поднять головы. Но тьма укрыла охотника. Браан тихонько свистнул. Браппа ответил.

— Тише! — прошептал Браан. — Я слышу. Ты здоров? Тебе угрожает опасность?

— Я ранен, мой отец, — отозвался Браппа. — Ранен из-за своей глупости.

— Серьезны ли твои раны? Ты можешь убежать?

— У меня сломана рука. Я не могу летать. И еще я связан.

— Ты в опасности?

— Думаю, что нет, мой отец. Похоже, длинноногие заинтересовались мной. Они пытались вправить мне руку, накормили меня, и боль уменьшилась.

Их разговор привлекал внимание. Длинноногие внизу зашевелились, стали что-то кричать стражам.

— Это хорошие новости, мой сын. Я рад.

Не пытайся убежать, если только не почувствуешь опасность. Мы что-нибудь придумаем, — сказал Браан. — Укрепи свое сердце. Мы перенесли пост на середину острова.

По склону замелькали огни. В руках у длинноногих появились волшебные палки, умеющие убивать.

— Я понял. Пожалуйста, уходи, отец! — умолял Браппа.

Часовой подошел совсем близко. Охотник украдкой подал знак уходить, и Крааг, скрывавшийся еще выше над пещерой, прыгнул во тьму ночи, отвлекая стражей. Браан прыгнул следом, спланировав над лагерем, затем набрал высоту. Темноту прорезали лучи фонарей, кто-то закричал, и вождь вдруг оказался залит белым светом. Волнение внизу усилилось; Браан увидел, что чужаки поднимают свое оружие.

Сверху, от пещеры, прозвучал голос Букари.

— Не стрелять! Я убью любого, кто применит оружие. Не стрелять! — ее силуэт отчетливо вырисовывался у входа, в руке лейтенант сжимала пистолет. Рядом с ней возник Шэннон. В перекрестье лучей порхала огромная летучая мышь, ее крылья ритмично поднимались и опускались, унося ночного гостя все выше. Наконец существо исчезло, растворившись в черном небе. Астронавты, приведенные в чувство грозным предупреждением лейтенанта, принялись оживленно обсуждать происшеств-

вие. Итак, их раненого гостя навестили сородичи.

— Их было четверо! — прокричал со своего поста Пети.

— Как же, черт возьми, им четверым удалось подойти так близко? Они оказались у самой пещеры! Ты не спишь, Пети? — разносил часового Шэннон.

— Должно быть, они прилетели, Сарж, — слабо защищался тот.

— Прилетели! Ах, ты, задница! — не унимался сержант. — А ты для чего? Я с тобой потом потолкую.

Шэннон с ненавистью посмотрел в ночное небо. Буккари оставила его на террасе, а сама вернулась к раненому существу. Тонто спокойно лежал на спине, глаза его были широко открыты и слабо мерцали, отражая свет лампы.

— Так у тебя были посетители, а, приятель? — сказала Буккари, развязывая путы. — Скажи им, пусть в следующий раз не уходят так быстро. В компании веселее, да?

ГЛАВА 14. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Грузовик Службы общественной безопасности с визгом остановился у главного входа в Императорский Астрономический институт; взвод вооруженных милиционеров занял позицию у ворот. Ученый Доворнобб был у Директора Мота, когда поступило сообщение, что и все остальные выходы блокированы подобным же образом.

— Они хотят меня забрать! — заскулил Мот, — обвинят меня в некомпетентности и нелояльности, институт закроют.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Доворнобб, — наша работа слишком важна, чтобы ей осмелились воспрепятствовать.

Однако и сам ассистент заметно перепугался. Директор терпимо относился к свободомыслию некоторых сотрудников, тем более, что их поддерживал Доворнобб. Возможно, Мот был прав, другие институты уже испытали на себе катастрофические последствия репрессий. Не зная, что делать в этой ситуации, Доворнобб смотрел, как солдаты расходятся по территории, занимая ключевые позиции. До его носа

доходил запах страха директора, как, впрочем, и свой собственный.

Через несколько секунд через главные ворота проехал целый кортеж автомобилей. Они промчались по опустевшему двору и замерли у главного корпуса, доставив внушительную группу чиновников и их телохранителей. Доворнобб не поверил своим глазам, когда из бронированной машины появился не кто иной, как министр внутренних дел Эт Каласс, облаченный в черный с белым мундир. Хрупкий крионец по-благородному встал на задние лапы и прошествовал через основную дверь. Доворнобб и Мот поспешно бросились к лифтам. По пути их перехватили утрюмые охранники, которые и проводили хозяев в конференц-зал, где их уже ждали министры и сопровождающие.

— Большая честь для меня, мой господин, — директор Мот распростерся перед министром. Доворнобб попытался было протиснуться к стене, но один из охранников толкнул его на середину комнаты.

Эт Каласс совершенно проигнорировал их, внимательно рассматривая стенную мозаику, изображавшую звездное небо таким, каким его видели с борта космического корабля. В полной тишине медленно текли минуты.

Наконец Эт Каласс заговорил.

— Весьма неплохо. Узнайте, кто это выполнил, я хотел бы иметь такую же у себя в доме.

Адъютант поклонился, а министр повернулся к ученым. Доворнобба снова окутал запах страха, железы директора работали на полную мощность. Впрочем, он и сам не отставал.

— Успокойтесь, ученые, — властно сказал Эт Каласс. — Вам нечего опасаться. Расслабьтесь и контролируйте свою температуру, — он опустился на диван. Молодой крепкий крионек, тоже из знатных, предусмотрительно поднялся на задние лапы и прислонился к спинке.

— Садитесь, — приказал министр. — Позвольте представить вас Эт Авиану, моему племяннику, — продолжал он, кивая в сторону юноши, — и главному ученому Самамкооку, моему советнику по науке.

Эт Каласс милостиво поклонился старому крионцу явно неблагородного происхождения, стоящему справа от него на четырех лапах.

Мот и Доворнобб вежливо опустили на руки. Самамкоок ответил тем же, и на этом обмен любезностями закончился.

Доворнобб впервые имел честь видеть великого астронома, чьи публикации в этой области считались каноническими и не подлежали никакому обсуждению. Светская беседа продолжалась, и Эт Каласс не препятствовал ей, это удивило ассистента: ведь их же собираются арестовать. Или нет? Если да, то зачем привозить этого старика?

— Я приехал к вам по поручению Верховного Лидера... и семей, — сказал, наконец, министр, переходя к делу. — Ваш доклад о сигналах, перехваченных в ходе вторжения пришельцев, вызвал наш интерес. Нетрудно сделать вывод, что мы столкнулись с некими не агрессивными силами. Само по себе это не так уж нас беспокоит. Ужасные события, сопровождавшие конец правления Олланта, никогда больше не повторятся. Мы действовали, исходя

из высших интересов нашей расы. Тем не менее, мы хотим знать, что же произошло, и здесь вашему Императорскому Астрономическому институту предоставляется уникальный шанс. Есть сведения, что вы получили некоторую ценную для нас информацию разведывательного характера, — Эт Каласс в упор посмотрел на Доворнобба.

— Да, мой господин, — поспешил ответить заметно разволнованный Директор Мот. — Мы провели исчерпывающий анализ информации, полученной с помощью радарного слежения. Данных очень много. Несколько дней назад мы приступили к обобщению материала и только сегодня получили первые... э... достойные публикации результаты. Ученый Доворнобб свел их воедино, и вскоре его доклад будет готов.

Доворнобб бросил взволнованный взгляд на Самамкоока, бесстрастно рассматривающего стену.

— Ученый Доворнобб, — распорядился Эт Каласс. — Пожалуйста, подготовьте докладную. Мне сообщили, что вы пришли к любопытным выводам. Я никогда не читал научных журналов. Насколько мне известно, вы упоминаете о Генеллане. Расскажите основное.

Доворнобб посмотрел на Мота и начал довольно подробно излагать выводы, к которым он пришел в ходе изысканий. Его выслушали, не прерывая.

— Весьма убедительный опыт дедуктивного исследования, — отозвался Самамкоок. — В соответствии с вашей теорией космические

корабли пришельцев вошли в пределы нашей системы, открыто обозначив свое присутствие электромагнитными эмиссиями на всех частотах. Сигналы служили своего рода прелюдией, попыткой установить контакт.

Доворнобб согласно кивнул.

— Мы отреагировали быстро, — продолжал старик, — слишком быстро, не успев понять, что представляют из себя наши визитеры. Возможно, мы не дали заманить себя в ловушку, этот вариант тоже нельзя отбрасывать. Хотя я склоняюсь к вашей версии, учитывая последовательность событий. Итак, мы атаковали! Пришельцы оказались готовы лишь к обороне, да и то недостаточно организованной. Они предпочли отступить... э... исчезнуть, бросив несколько небольших кораблей. Эти несчастные были уничтожены в ходе боя, за исключением одного загадочного звездолета, которому удалось ускользнуть от наших перехватчиков. Вот они-то и нашли себе убежище, — Самамкоок задумчиво поднял голову.

— Генеллан — неподходящее место для развитой цивилизации! — горячо воскликнул Мот. — Они могли выйти на орбиту, но с какой целью? На планете очень холодно, да и атмосфера там отравлена... безнадежно! — он огляделся по сторонам.

— Безднадежная для нас, Директор, — заметил Самамкоок. — Тем не менее, жизнь там существует. Да, на этой суровой планете. Предположим, что у них нашлись средства покинуть орбиту, это только предположение, тогда почему бы не допустить, что они выдержат и все остальное.

Жить на Генеллане! Такое Доворнобб не мог и вообразить. Ему приходилось видеть странных животных, доставленных с этой планеты для зоопарков, но условия жизни на Генеллане казались ученому невозможными. Унылый пейзаж, погода... Нет, даже его богатое воображение не могло придать им хоть чуточку очарования. А эта атмосфера с ее сернистым запахом!

— ...нобб. Ученый Доворнобб! — да это же министр зовет его!

— Как ваши успехи в освоении их языка? — Эт Каласс снова повернулся к мозаике на стене.

— Да-да, мой господин, — ответил ассистент, — то есть я хочу сказать, что их язык остается для нас загадкой. Я проверил эти сигналы на языковых программах, но исходного материала недостаточно. Мы получили символы, которые могут пригодиться, — пиктография и знаки, — и можем установить контакт на уровне детского разговора.

— Отлично. Мы поможем вам в этом, — министр обменялся многозначительным взглядом со своим племянником, затем встал и вышел. Свита проследовала за ним. Мот и Доворнобб проводили высоких гостей и остались, наконец, одни.

Рано утром дверь в комнату Доворнобба распахнулась. Крионец нехотя стряхнул остатки сна и поднялся.

— Кто там?

В проеме двери возникла чья-то темная фигура. За ней последовали другие, и вскоре весь короткий коридорчик, соединявший спальню с крохотной гостиной, заполнили незваные гости.

— Кто там? — повторил уже окончательно проснувшийся Доворнобб. В груди нарастал комок страха. Пусть это будут грабители или убийцы-преступники. Если же это не уголовники, то остается только одно — агенты правительства.

ГЛАВА 15. МИЛОСЕРДИЕ

— Шэннон-то суров, — сказал Пети. Они стояли на площадке неподалеку от пещеры. — Думал, пробуравит меня взглядом за то, что я просмотрел, как эти твари подобрались к самому лагерю. Но сегодня не проронил ни слова, как воды в рот набрал.

— Это тоже неплохо, — отозвался Татум. — Сержант у нас такой: если уж начнет жевать хвост, то доберется до задницы.

— А чего он сегодня взъелся?

— Квинни не хотел посылать поисковую группу, — ответил Татум. — Скорее всего, командор не хочет, чтобы кто-то уходил далеко от лагеря.

— Почему? — спросил Пети. — Боятся, что мы потеряемся, как Мак и Джокко?

— Откуда мне знать? Может, и так, — Татум огляделся. Вокруг расстилась каменистая пустая земля.

— Если бы не лейтенант, то все остались бы сидеть на месте, — добавил Джонс. — Слышал, как они разговаривали? Она не принимает «нет» за ответ.

— А еще предложила поискать другое мес-

то для лагеря — зиму на плато выдержит не каждый, — сказал Татум.

— Вот это женщина, да? — Джонс не уставал восхищаться Буккари. — Лучший офицер на всем этом проклятом флоте.

— Так что еще Шэннону надо? Поисковая группа есть.

— Да, — усмехнулся Татум, — но он-то хотел пойти сам. Беспокойтся о Макартуре и Честене. А еще хочет отдохнуть от мамочки Квинна.

Направляясь на восток, группа после полудня достигла края плато. Татуму стало не по себе — ядовитый сернистый запах щипал ноздри, а крутой обрыв казался неприступным. Далеко на востоке, окутанные серой дымкой, расстилались равнины — совсем другой мир, а их обрывался здесь, совсем рядом. Пети и Джонс остались позади, и Татум вернулся к ним. Вместе они прошли несколько десятков метров вдоль обрыва, надеясь отыскать расщелину или ущелье, которые помогли бы спуститься вниз, но так ничего и не нашли.

Тревогу подняли часовые: на соляном пути замечены какие-то странные существа. Куудор послал за Брааном, и вождь не замедлил явиться. Вместе с ним прибыл Крааг. Охотники долго смотрели на двух длинноногих, с трудом бредущих по крутой тропинке, — они шли обнявшись, едва передвигая ноги.

— Тот, что поменьше, ранен, — заметил Куудор.

— Тот, что побольше, очень ослаблен, но ты прав, раненый длинноногий близок к смерти.

— Они не боги, — сказал Браан.

— Но способны сострадать, — добавил Крааг.

— В отличие от богов, — старый Куудор говорил с кощунственной искренностью.

— Мы в долгу перед ними, — сказал Браан.

— Твой сын еще не на свободе, — напомнил Куудор. — Будь осторожен, отдавая долги, которые не получены.

Солнце поднималось все выше в синем небе, набирая силу. Его жар отражался от скал и с удвоенной энергией набрасывался на измученных людей, отгоняя прохладный северо-западный ветер.

— Уже близко, — отдуваясь, проговорил Честен. — Мак, держись, мы дойдем.

Тропа сузилась и резко пошла вверх, река уходила вправо. Повсюду цветы, фиолетовые и желтые, колючки с белыми коронами. Честен изнемогал и надеялся только на то, что после подъема последует спуск.

— Ты как, Мак? — Честен вздохнул. — Да скажи же ты что-нибудь. Например, что мы будем делать, когда взберемся наверх?

Макартур едва слышно пробормотал что-то. И это уже неплохо, подумал Честен, значит, он жив. Крепче обняв товарища, матрос упрямо побрел дальше, хотя каждый шаг отзывался тупой болью в пояснице, а сухой язык распух и заполнил весь рот и горло. Им нужна вода.

И вот ирония! Большая река, чуть было не унесшая их с собой, мчалась совсем недалеко от них, там, внизу. А впереди — всего двести-триста метров! — с уступа скалы низвергался водопад. Вода притягивала Честена, манила, дразнила; распадаясь в его затуманенном сознании на струйки, она представлялась ему каскадом спутанных прядей ангела.

— Почти дошли, Мак. Почти... Тропинка... становится пологой. Ты обратил... внимание? Держись, — в мозгу Честена уже давно сгущался комок тепла, теперь он вдруг превратился в яркую раскаленную лампочку. Она вспыхнула и лопнула. Честен покачнулся и потерял сознание.

Браан и Крааг кружили над упавшими длинноногими. Чужаки лежали в пыли неподвижно, как мертвые. В воздухе стоял зловонный гнилостный запах. Обитатели скал опустились на тропу и осмотрели неподвижные тела. Глаза закрыты. Браан свистнул, и из-за гребня показалась еще группа охотников. С опаской взирая на длинноногих, они подошли поближе, держа в руках чаши, бутылки и носилки из кожи. Браан коротко отдал необходимые распоряжения. Крааг спрыгнул на помощь, пользуясь крыльями как парашютом.

Того, что поменьше, закатали на носилки и унесли. Тело его быстро умирало, возможно, слишком быстро. Его жизнь была в руках саванников. Другой поразил Браана своей мощью, напомнив мифических людей-медведей. Организм его потерял много воды, но это поправимо. Охотники поставили у головы длинноногого

чаши с водой и бутылъ с медом, после чего поспешно ретировались. Раненым гигантом занялись Браан и Крааг, вылив на голову длинноного чашу воды. Тот пошевелился, и охотники молча отступили, взмахнули крыльями и вскоре скрылись из вида

Честену снилась вода: она капала, сочилась, текла, бурлила, ревела и грохотала — сон оборвался, словно кто-то вспугнул его, и исчез, оставив вкус, прохладу и аромат влаги. Он очнулся, разлепил спекшиеся веки. Голова болела, буквально раскалывалась. Вода! Он высунул язык и лизнул стекавшую по щеке струйку. Сорвал с головы берет и крепко сжал, выдавливая в рот соленые капли.

Откуда она взялась? Макартур? Нет, Мак ранен! Где же он? Честена охватила паника. Неужели капрал свалился в какую-нибудь расщелину? Сознание понемногу прояснялось. Честен заметил, что цветы и колючки не смяты. А это что такое? Чаши, две пустые и две, до краев наполненные водой. Бутылъ. Он опустился прямо на пыльную тропу, недоумевая, огляделся, прикрыв глаза ладонью от солнца. Позвал Макартура. Голос звучал надтреснуто, хрипло, воздух со свистом вырывался из сухого горла. Честен взглянул на чашу, полную соблазнительной жидкости, и, покачав головой, отвернулся. Потом коснулся сосуда рукой, ощущая райскую прохладу. Жажда вспыхнула с новой силой, она нахлынула, как цунами, сметая все препятствия — осторожность, чувство долга, расчет.

Он поднес чашу ко рту, боясь расплескать, сделал первый неуверенный глоток, впился в нее, жадно втянул в себя свежий, чистый, прохладный бальзам. И захлебнулся... закашлялся. Тяжело дыша и сплевывая, Честен еще раз оглянулся по сторонам и только после этого опустошил сосуд. Потом взглянул — уже внимательнее — на саму чашу. Простая и безыскусная... из глины. В его ладонях она казалась хрупкой и миниатюрной. Честен с любопытством покрутил ее в руках, но не обнаружил ничего, что давало бы хоть какой-то ключ.

Он взял вторую чашу и выпил до дна, медленнее, смакуя, но все еще жадно. Обнюхал воду, как это делают с чем-то незнакомым. Теперь его охватил стыд за то, что он так безответственно поддался чувству жажды. Потом осмотрел бутылку, закрытую пробкой из мягкого дерева. Запах ничего ему не напоминал. Честен наклонил бутылку, и густая, прозрачная, с янтарным оттенком жидкость лениво выползла на палец. Он лизнул каплю. Сладкая! Просто живая энергия! Матрос запрокинул голову, и чудесная липкая субстанция потекла в рот. Облизав губы, Честен опустил пустую посудину и только тут заметил вторую бутылку. На этот раз воля и предусмотрительность одержали верх, и он со вздохом сунул сосуд в карман комбинезона и застегнул молнию — вещественное доказательство.

Подзарядившись, он встал и еще раз окликнул Макаргура. Ответ прозвучал почти сразу же, но это было лишь эхо. Он крикнул еще раз, не так громко, потом еще, но уже совсем тихо,

едва слышно. Взглянул на уходящую вверх тропу. Сделал несколько неуверенных шагов — тишина. Опустился на землю и закрыл глаза. Солнце снова стало пригревать, подтолкнув к действию. Честен напялил берет и поднялся на ноги, не забыв прихватить пустую бутылку. Поднявшись на вершину, он обнаружил еще одну бутылку с медом и без сожаления расправился с ней, разумно решив, что две улики ему ни к чему.

Итак, вот оно, плато. Порывшись в памяти, изрядно пострадавшей от жары и голода, Честен припомнил инструкции Буккари. Все еще пребывая в состоянии нерешительности, он выбрал направление и тронулся в путь через каменистую пустыню, оглянувшись через плечо в отчаянной надежде увидеть друга.

Потерявшего сознание чужака перенесли под водопадом в горло туннеля. Через несколько метров проход закончился, выведя охотников на террасу, расположенную в глубоком вертикальном разломе. Пятиугольная платформа, поддерживаемая системой блоков, ворот и шкиверов, заполняла горизонтальное пространство излома и была всего-навсего лифтом.

Погрузив безжизненное тело на платформу, охотники привели в действие систему, и лифт мягко опустился на более низкий уровень, где свою ношу уже ждала колесная повозка. Старейшина с отличительными знаками садовника наблюдал за погрузкой. Охотников сменили ученики, укатившие коляску. Возбуж-

денные стражи еще некоторое время взволнованно щебетали, обсуждая столь исключительное событие, а потом попрыгали с террасы, развернув крылья навстречу восходящим воздушным потокам. Повозка же покатила по тщательно отполированному полу наклонного коридора, освещенного спиртовыми лампами. По желобу вдоль одной из стен журчал ручей. Коридор закончился пещерой с высоким потолком, частично открытой небу. Из нее открывалась прекрасная панорама голубого неба и речной долины. Виднелась и еще одна платформа лифта, нависающая над бездной. Ее поддерживали цепи, для которых в скале были вырублены отверстия. Из полукруглого окна в стене слышались металлический лязг и шипение пара. Работу лифта обеспечивали несколько мастеров под командой начальника. Повозка выкатилась на залитую солнцем платформу, и по знаку, поданному садовником, платформа мягко опустилась.

Пройдя несколько уровней, лифт наконец-то остановился на конечной станции, хотя до реки еще оставалось несколько десятков метров. Коляску втащили в следующий коридор и покатали по туннелю. Обитатели скал, сгрудившиеся у стен, с любопытством наблюдали процессию. Опустившись еще на несколько уровней, они достигли нижнего. Здесь пещеру заполняли теплые и густые клубы пара, а где-то совсем рядом журчала невидимая река.

ГЛАВА 16. ВОССОЕДИНЕНИЕ

Было еще темно; когда Буккари проснулась. Немного полежав, поняла, что уснуть уже не удастся, вылезла из спального мешка, захватив ботинки и одежду, и выбралась из палатки, которую делила с Ли. Сырой и прохладный утренний ветерок просочился под термальное белье, и Буккари поежилась. Она присела на корточки у костра, где еще тлели угли, подбросила хвороста: мокрые от росы ветки зашипели, но пламя занялось, разбежалось огненными языками, она подбросила еще две охапки — костер запылал вовсю, посылая волны тепла. Отступив на пару шагов от пышущей жаром пирамиды, лейтенант повернулась спиной, с наслаждением чувствуя, как из усталого тела уходят холод и беспокойство. В безлунном небе сверкали бриллиантовые ожерелья созвездий, подмигивали и танцевали звезды; казалось, огромное, роскошное платье из черного бархата, усеянное блестками, плывет над ней в неуловимом ритме не слышимой ею мелодии.

Согревшись, она присела на вязанку дров, спиной к огню, и принялась зашнуровывать ботинки. Какое-то движение привлекло ее вни-

мание — клапан палатки Шэннона шевельнулся, из нее наружу высунулась и тут же исчезла рука, а следом появился и человек. Фигура выпрямилась, голова повернулась вправо, потом влево... Да это же Доусон! Младший офицер накинула капюшон, застегнула молнию комбинезона и осторожно направилась к своей палатке. Путь ее лежал мимо костра. Буккари отвернулась, но Доусон заметила ее и без колебаний подошла.

— Доброе утро, лейтенант, — шепнула она и присела рядом, наклоняясь к огню. Лицо ее показалось Буккари усталым, но глаза сияли.

— Доброе утро, Доусон, — ответила Шал, не зная, какую тактику избрать: рассердиться или показать безразличие, хотя чувствовала другое — зависть.

Утро выдалось тихое и холодное, палатку покрыла тонкая корочка мороза. Татум выкатился из мешка, ожидая увидеть край плато и далекий пейзаж. Вместо этого — стена тумана, но не сплошная, а сплетенная из отдельных, мягко струящихся вверх потоков. Клочки этого нежного прохладного пара плыли у него над головой, поднимаясь и таинственно растворяясь в небе. Неподалеку топтался Пети, ему выпала утренняя смена. На востоке вставало солнце, его еще слабые лучи с трудом пробивали сероватый занавес. Татум обернулся — из мешка выползал Джонс.

— О, Боже! — умиленно произнес боцман. — Как в сказке!

— Хороша сказка! — ответил подошедший Пети. — Для сказки чертовски холодно. Давайте-ка разведем костер и приготовим что-нибудь на завтрак.

— Надо поторопиться, — заметил Татум. — Шэннон приказал вернуться к завтрашнему закату, а нам еще надо обойти приличный участок. Должен же где-то быть спуск.

Пока они ели, солнечное тепло разогнало туман, и когда астронавты тронулись в путь, над краем плато висели лишь редкие клубы. Татум шагал легко и пружинисто, гораздо хуже было стоять над краем пропасти и смотреть вниз — у него кружилась голова.

Примерно через час Татум заметил в небе парящих существ, вначале лишь черные точки в бесконечной синеве. Группа шла на юго-запад, огибая плато.

— Вряд ли сегодня что-то увидим, — сказал Татум, поднимая голову.

— Но все же лучше, чем сидеть у костра и сосать палец, — отозвался Джонс. — Я бы с удовольствием еще поиграл в бойскаутов.

Татум рассмеялся.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда пойдет дождь или кончится вода и пища.

— Это меня не беспокоит, — ответил Джонс. — Иначе я не был бы на флоте. Я крепкий парень.

— Ты бы никогда не прошел тест по физподготовке, — поддел его Татум.

— Что... ты имеешь в виду? — обиделся боцман.

— Ты, конечно, умеешь завязывать шнурки или что-то там еще техническое, то, что тре-

бует мозгов, — пояснил Татум, поднося к глазам бинокль.

— Что-то я не замечал, чтобы у тебя возникали сложности со шнурками. — сказал Джонс.

— А я их никогда не развязываю. Это за меня делает Сарж. Вот почему он сержант. Чтобы научиться, ему потребовалось двадцать лет.

Шедший позади Пети рассмеялся, имитируя осла.

Так они и шли, почти не умолкая, поддевая друг друга.

— Река! — закричал Пети, указывая вперед. — Вон там!

Они подошли к небольшому потоку, спадающему вниз с плато. Здесь, поближе к скалам, ландшафт изменился: камни, осколки скал усеивали землю, там и тут мелькали пятна лишайников. Разбухший после дождя ручей с рокотом устремлялся со скалы. Его берег не был крутым, но течение показалось быстрым. Татум посмотрел вверх по течению, выискивая удобное для переправы место. Вдалеке двигалась какая-то точка. Он поднял бинокль.

— Там кто-то есть! Вот посмотри! — Татум передал бинокль Пети. — Вдоль реки.

Пети опустил бинокль.

— Ну что, ты узнал его? — спросил Татум.

— Да, это Честен, — ответил Пети. — Он хоть и хромает, но я-то его походку знаю.

Они поспешили навстречу, но прошло не менее часа, прежде чем точка приняла очертания человека. Татум предложил выстрелить в воздух, но Честен шел в направлении лагеря, так что тратить понапрасну патрон не при-

шлось. Наконец, их крики привлекли внимание еле бредущего матроса, и он замахал в ответ. Оставшееся расстояние все бежали, причем Честен несколько раз спотыкался и падал.

— Где Макартур? — закричал Татум.

Честен, потемневший за время пути от загара, поднялся с земли. Рот, руки его были перепачканы ягодным соком.

— Не знаю, — пробормотал он, опустив голову. — Я его потерял.

— Что ты имеешь в виду, как это потерял? — рывкнул Пети. — Ты просто...

— Заткнись, Пети! — оборвал его Татум. — Джокко, ты с нами, значит, все нормально, но где Мак? Когда ты видел его в последний раз?

Честен заморгал, слезы покатились по щекам, оставляя на лице грязные бороздки. Он забормотал что-то о большой реке, медведях и чудных долинах. Они молча слушали, но когда его рассказ становился уж совсем сбивчивым, Татум задавал вопросы. День близился к вечеру: если начать поиски Макартура, то они опоздают, Шэннон встревожится, кроме того, Честену требовалась медицинская помощь и хороший ужин. Татум не знал, что делать, но все же после недолгого обсуждения решили возвращаться в лагерь. Погрустневший Джонс посмотрел на небо.

— Посмотрите, сколько там этих крылатых тварей. Они улетают на запад.

Макартур очнулся в полной тьме — у него были завязаны глаза. Он не мог пошевелить головой, руки и ноги тоже оказались привязан-

ными к чему-то. Капрал чувствовал, что на нем нет одежды, но ему было тепло и удобно. Последнее, что он помнил, — это отчаянная жажда и невыносимая боль в плече. Сейчас пить не хотелось, да и плечо не беспокоило. У него вдруг возникло состояние легкой паники, но ощущение покоя, комфорта и полнейшей расслабленности принесли успокоение. В воздухе стоял мягкий сернистый запах. Под ложечкой засосало.

— Эй, — прошептал он запекшимися губами. — Здесь есть кто-нибудь?

Какое-то движение, тихое, шуршащее, даже не движение, а ощущение чьего-то присутствия.

— Я знаю, что ты здесь, — прохрипел он. Прислушался. Шло время. Макартур уснул. Проснулся и опять прислушался. Снова уснул, уверенный, что ему дают снотворное.

По комнате кто-то двигался. Он проснулся и прислушался. В этой неподвижной тишине слух обострился до предела. Какой-то свист, но на столь высокой частоте, что ухо едва улавливало его. От нечего делать Макартур посвистел в ответ. Шум резко прекратился. Он посвистел еще. Ничего. Макартур вспомнил азбуку Морзе: тире-точка-точка-тире-тире-пауза-точка-точка. Он посвистел сигнал несколько раз. Хоть какая-то реакция должна же последовать. Пусть даже будет тишина.

Внезапно тишину прорезал свист: трель прозвучала тихо и едва уловимо, но она явно повторяла его сигнал — кто-то есть! Вот он, ответ! Он снова посвистел — раздалось повторение чуть более низким тоном. Контакт! Ме-

лодия — ответ: паузы аритмичны, вероятно, какая-то часть сигналов им не воспринималась. Макартур просвистел первую часть мелодии — пять нот — и остановился. Ничего. Повторил и подождал. Снова ничего. И вдруг — два коротких сигнала. Ответ! Еще одна попытка. На этот раз продолжение последовало быстрее. Так повторялось несколько раз. Наконец Макартур не выдержал и рассмеялся. Ну это ж надо! Он лежит здесь на спине, голый, как младенец, и насвистывает какую-то дурацкую мелодию, а кто-то или что-то вторит ему. Капрал смеялся от души, смех захватил его, на глазах выступили слезы. Что-то коснулось лица. Он попытался уклониться, но голова даже не пошевелилась. Слезы осторожно смахнули.

— Старейший, могу ли я спросить тебя о состоянии длинноногого? — спросил Муубе.

— Весьма жизнеспособное существо, — ответил Кооп. — У него серьезная инфекция и общее ослабление организма из-за недостатка пищи, но сейчас опасность уже позади.

— Очень хорошо. И что теперь? — спросил мастер по травам.

— Совет рассматривает все варианты, мастер Муубе, — сказал Кооп. — Хотя я слышал, что вождь хочет отпустить его.

Старики неторопливо брели вдоль цветочных плантаций.

В основном, здесь росли разнообразные орхидеи.

— Впечатляющее зрелище, — ответил Муу-

бе. — Удачный год для нас. Мы приготовили много лекарств.

— Жаль, что он не столь хорош в других отношениях, — вздохнул Кооп, останавливаясь перед гигантской желтой с черным орхидеей и задумчиво разглядывая пестрый цветок. — Прекрасно! — грустно прошептал он.

Они пошли дальше вдоль бесконечной череды растений, вдыхая аромат, слушая жужжание пчел и приглушенный рокот реки.

Захватив с собой стражей, Браан возвратился к озеру. Они опустились на второй остров. Начальник поста коротко доложил: длинноногие починили плот, два раза в день — перед рассветом и после заката — катались на нем по озеру и купались в горячих источниках. Чужаки, одетые в зеленое, долго осматривали окрестности, и плот дважды приближался к их новому посту.

— Скоро длинноногие придут на наш остров, — сказал страж. — Возможно, пора перебраться в более безопасное место.

— В более безопасное? Много же раз нам придется менять местонахождение поста, — ответил Браан. — Если так, то когда-нибудь нас вытеснят и из наших домов.

— И что делать, вождь?

— Возвращайтесь к себе на скалы. Ждите следующей смены. Но соблюдайте осторожность, — предупредил Браан. — Избегайте встреч с длинноногими. Вы свободны.

Усталые воины улетели, воспользовавшись

попутным ветром. Браан, довольный тем, что снова оказался неподалеку от сына, поднялся над озером на свежем потоке. Он пролетел над пушистым гребнем облаков, спустился и, не заметив ни скальных собак, ни длинноногих, приземлился невдалеке от лагеря чужаков. Оставалось только ждать.

Солнце уже село, сумерки сгущались, и только неровное мерцание костра освещало палатки. Вскоре из-под холма появилась группа длинноногих. Часовой что-то прокричал, чужаки высыпали из палаток, окружив большого длинноногого. Часовые присоединились к своим товарищам. Воспользовавшись временным переполохом, Браан оттолкнулся от скалы, бесшумно соскользнул на террасу перед пещерой. Удача пока сопутствовала ему — в пещере чужаков не оказалось. Браппа остался без присмотра, туловище и крылья перевязаны какой-то мягкой тканью, но к постели он привязан не был. Браан приблизился к сыну и тихонько свистнул, извещая о своем присутствии. Браппа отозвался и умолк в ожидании, что скажет его возлюбленный отец.

На этот раз Макартур проснулся на гранитной плите, уже согретой высоким утренним солнцем, но свежий ветерок заставил его поежиться. В голове еще стоял туман, ноги занемели. Кошмарный сон? Плечо? Он чувствовал боль, но теперь она была несравненно менее острой, чем прежде. Макартур отвернул одежду, и то, что предстало его взгляду, повергло в

глубокое изумление — рана затянулась! Страшные серые и желтые рубцы на руке исчезли! Всем этим — а может быть, и жизнью — он обязан кому-то. Но кому? Или чему?

А Честен? Где, черт возьми, Честен?

Он осмотрел себя. Одежда чистая и сухая, а вот пистолет и нож исчезли. Макартур осторожно встал и огляделся. Ничего и никого. Поискал следы — крутом гранит. Еще раз осмотрелся и заторопился прочь, чувствуя себя на удивление здоровым. Примерно через сотню метров он замедлил шаг. Куда спешить — до района приземления не больше дня пути.

Когда усталый и проголодавшийся Макартур добрался, наконец, до озер, солнце уже село, а гонимые холодным ветром облака скрыли звезды и обе луны. Капрал зевнул, потянулся и потер глаза. На склонах холмов играл отблеск пламени. Костер? Нужно поторопиться. Он глубоко вздохнул и взял курс на маяк.

Обойдя озеро по периметру, он потерял огонь из вида. Прямо перед ним возникла невысокая гряда, вероятно, она-то и закрыла собой костер, но запахи усилились — запах ели и горящего дерева. Макартур поднялся на гребень. Его привыкшие к темноте глаза обнаружили прислонившегося к дереву часового! Макартур почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, а губы начинают дрожать. Но радость уступила все же место другому чувству. Неслышно ступая на носках, капрал прокрался мимо ничего не подозревающего часового. В кругу палаток догорал огонь, возле которого сидели мичман Хадсон и Уилсон.

Ганнер, как обычно, рассказывал космические байки. Макартур подобрался поближе и прислушался. Да, это он уже слышал, но Хадсон внимал невероятной истории, открыв рот. Из-за скалы появился О'Тул, и Макартур прокрался за ним к пещере. О'Тул бросил в огонь охапку дров и присел на камень. Капрал постоял, слушая негромкий голос Уилсона и наслаждаясь теплым ароматом костра, но тут желудок проявил нетерпение. Подталкиваемый голодом, он вышел из-за укрытия и спокойно вошел в круг света, надвинув берет на глаза.

Присев чуть в сторонке, он закрыл лицо руками и зевнул.

Тепло костра было просто восхитительно.

— Ганнер, — негромко сказал Макартур, — ты просто набит всякой ерундой: этот молодой офицер никогда не будет уважать тебя, если ты будешь так безбожно врать.

Рассказчик вскинул голову, раскрыл рот, чтобы дать достойный ответ, но язык его, казалось, примерз — все одновременно повернулись в сторону нового гостя.

— Черт! — пробормотал Уилсон, обретая речевые способности. — Макартур, задница, это ты? Я, наверное, единственный, кто рад тебя видеть, но только потому, что ты мне за-должал.

Хадсон и О'Тул завопили во всю мощь своих глоток. Из палаток и пещеры хлынули люди. Весь экипаж «Харриера-1» сбежался к костру. Честен выскочил из палатки, зацепился за веревку и потащил все содержимое за собой. Секунду он смотрел на капрала с искренним

недоуменнем, а потом заключил его в свои медвежьи объятия и подбросил в воздух.

— Ты давно вернулся, Джокко? — спросил Макартур, скривившись от резкой боли в плече. Радость возвращения переполняла его, изгоняя все — усталость, голод, боль.

— Да уже неделю! — закричал великан. — Мы посылали поисковые группы за тобой, Мак, но они все вернулись с пустыми руками. Я сказал Шэннону, что пойду искать тебя сам. Мак, это наш дом. Я им рассказал о долине, но и здесь у нас хороший лагерь — есть пещера, кровати, горячая вода и... Ох, Мак, Мак!

Макартур смеялся, позабыв обо всем.

— Если все так хорошо, так дай мне поесть, Джокко, — попросил он. — Да отпусти меня, а то я опять улечу.

Из пещеры уже бежали Шэннон, Квинн, Буккари и все остальные. Уилсон спас капрала от железной хватки Честена.

— Не мертв и даже не ранен, — заметил Уилсон. — Может, только того, а? Ты как?

— Нормально, только вот в животе пусто. Наверное, от твоей ужасной физиономии, — ответил Макартур.

Шэннон пробился сквозь толпу, следом за ним шел Квинн.

— Капрал, — воскликнул Квинн. — Вы в порядке? Рядовой Честен говорил, что у вас загноилось плечо. Он считал, что вы умерли.

— Где ты был, Мак, черт тебя побрал? — спросил Шэннон.

Макартур взглянул на плечо.

— Я и сам так думал.

Квинн повернулся к толпе.

— Всем назад! Вернуться в постели и на посты, быстро! Макартур будет здесь утром. Разойдитесь. Ли, осмотрите его плечо, — собравшиеся разошлись, но не раньше, чем каждый обнял капрала или, по крайней мере, шлепнул по спине.

Виновник торжества пробрался вслед за Ли в пещеру. За ним последовал Шэннон, засыпая капрала бесчисленными вопросами, но тут вмешался Квинн и предложил отложить все до утра. Сержант и командор остались на террасе, откуда еще некоторое время доносились их приглушенные, но явно возбужденные голоса. Рено, значительно поправившийся за это время, прошел к своему спальному мешку. Они обменялись приветствиями. Только тут Макартур заметил еще одного пациента.

— Что... что это там? — спросил он, напряженно вглядываясь в темноту. Ли оставила Тонто одного. К животному подошел Фенстермахер и глуповато улыбнулся.

— Это наш с Лесли ребенок, — он зевнул.

— Старовата твоя шутка, Уинфред! — устало ответила Ли. — Это животное, которое мы нашли у озера после землетрясения. Была приливная волна. Его выбросило на берег со сломанной рукой. А вы почувствовали землетрясение, Мак?

Макартур подошел к кровати, на которой лежало существо.

— Да, — сказал он, осматривая большую птицу-мышь. Животное посмотрело на него, часто мигая.

— Почему вы его не отпустили? — спросил капрал, обернувшись к Ли.

— Это животное. У него сломана лапа. Оно может погибнуть на свободе, — ответила она. — Процесс выздоравливания шел хорошо, и сейчас оно уже может уйти, если захочет. Однако остается здесь, как будто понимает, что мы ему помогаем. Его называли Тонто.

Макартур снова повернулся к животному и подмигнул. Оно смотрело на него совершенно бесстрастно. Капрал почесал облупившийся от солнца нос и отошел в угол пещеры, где Ли приготовила для него спальный мешок. Пропать целую ночь! Эта перспектива радовала его еще больше, чем возможность досыта наесться. Ли шла за ним следом, освещая дорогу фонариком. Макартур поднял голову — существо пристально смотрело на него. Фенстермахер что-то побормотал, и животное отвело взгляд.

— Уинфред! — сказал вдруг Макартур, не спуская глаз с существа. — Эй, Фенстермахер, тебя ведь зовут не Уинфред, да?

— Его зовут Упс, — сказала Ли и принялась снимать с Макартура комбинезон.

Фенстермахер влез в спальный мешок, но теперь выглянул из него.

— Спасибо, Ли, — проворчал он. — Да. Уинфред. Ну и что? — вызывающе добавил он.

— Чудное имя, — ответил Макартур. Существо явно следило за их разговором. — Подходит Фенстермахеру.

Помощник боцмана обиженно фыркнул, выдал серию непристойностей и повернулся ко всем спиной.

— Неплохо. Очень неплохо, ты чудесно

выглядишь, — приговаривала Ли, сильными пальцами массируя мышцы возле раны.

— Это она всем так говорит, — донесся из угла голос Фенстермахера.

Ли промолчала, внимательно осматривая плечо.

— Швы! — вдруг воскликнула она. — Что с тобой случилось? Кто тобой занимался? Это же профессиональные швы!

Макартур посмотрел на плечо. Услышав восклицание Ли, в пещеру вошли Квинн и Шэннон.

— Не знаю, — покачал головой капрал. — Помню, что меня нес Честен, а потом я проснулся в каком-то теплом месте с завязанными глазами. Через пару дней — точно сказать я, конечно, не могу — снова очнулся. Боль исчезла, я жив, а плечо почти целехонько, — он остановился и обвел всех взглядом. — Вот и все, — продолжал Макартур. — Что еще рассказать? Об остальном Честен вам, должно быть, сообщил. Мы чуть было не утонули в реке. А еще долина! Долина! После того, как мы перебрались через реку, нам повезло: мы оказались в долине с озером, полным рыбы, уток и выдр. Мы видели маленьких оленей и медведей и еще что-то похожее на лося.

Квинн снял со столика чашу.

— Мы собирались подождать до утра, чтобы показать тебе вот это, — серьезно проговорил он. — Кто-то дал Честену воду и мед — настоящий мед. Это случилось в тот день, когда он тебя потерял. Ли, покажите ему бутыль.

Лесли подала Макартуру покрытую лаком керамическую трубку.

— Попробуй! — приказал Квинн.

— Мед? Кажется, я о нем слышал. Что это? — спросил капрал.

— Это делают насекомые — пчелы, — пояснила Ли. — Их много было на Земле. Когда-то.

— Какое-то количество еще осталось, — заметил Квинн. — Роскошь богатых.

Макартур вытащил пробку и осторожно перевернул сосуд. На палец упала липкая капля. Он поднес ее ко рту, лизнул и тут же понял, что хочет еще. Рот заполнился слюной. Квинн забрал у него бутылку и передал чашу.

— А это знакомо? — спросил он.

Макартур вдруг почувствовал, что сейчас упадет от слабости.

— Извините, командор, — ответил он. — Нет. Я не помню, чтобы меня кормили или поили. У меня все время были завязаны глаза и... наверное, мне давали снотворное. Очень много спал, почти все время. Помню только свист.

— Свист! — воскликнул Шэннон.

— Да, — улыбнулся Макартур. Он сел, напрягая память.

— Странная штука. Я там уже давно лежал, когда однажды мне показалось, что я слышу, как они разговаривают. Только разговор шел на высоких тонах, вроде свиста, даже еще выше. Я... э... тоже посвистел им. И они ответили.

— Свист! — повторил Квинн и посмотрел на Шэннона и Ли. — Мне тоже показалось, что я слышу какой-то свист.

Макартур взглянул на животное. Оно смотрело на него. Квинн пересказал события той

почи, когда их навелили друзья Тонто, и о свисте, с помощью которого они общались.

Слушая рассказ, капрал раздумывал. Потом поднялся и подошел к существу. Уродливая тварь бесстрашно смотрела на него. Макартур облизал губы и тихонько просвистел первые пять нот своей песенки. Животное вздрогнуло, выражение его лица свидетельствовало о том, что оно анализирует звуки. Капрал повторил еще раз. Фенстермахер поднялся, собираясь дать ответ, но Макартур предостерегающе поднял руку. Существо внимательно следило за его движениями и жестами, даже коротко взглянуло на Фенстермахера, потом снова перевело глаза на стоявшего рядом человека. Макартур просвистел снова и умолк. Прошло около минуты. Он уже собирался попробовать еще раз и открыл рот, но животное опередило. Обнажив мелкие, но острые зубы, оно резко прощебетало... два коротких сигнала.

— Две точки! — закричал Фенстермахер.

ГЛАВА 17. ОТВЕТНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Макартур проснулся, не сразу сообразив, где находится; повернув голову, заметил Фенстермахера, сидящего у небольшого костра. В пещеру врывал серый, сырой туман.

— Фенс... Уинфред! Который час? — простонал он, протирая глаза. Только тогда вспомнил о животном и посмотрел на него — существо сделало то же самое.

Фенстермахер, высунув голову из пещеры, понюхал воздух.

— Наверное, около получаса до рассвета. Трудно сказать — очень туманно, — доложил он.

Макартур потянулся.

— Так я совсем недолго спал.

Фенстермахер рассмеялся.

— Ты потерял целый день, бревно с мозгами, проспал три смены.

Больное плечо занемело, должно быть, он пролежал на нем несколько часов. Капрал откашлялся, но сухость во рту не проходила.

— Я тебе верю, — пробормотал он и неуклюже выполз из спального мешка: все тело ныло, ноги одеревенели, голова шла кругом.

— Тебя хотят видеть Квинн и Шэннон. Сейчас схожу за ними, — сказал Фенстермахер.

Снаружи слышались шаги. Из тумана показалась лейтенант Буккари.

— Так... приведи их, — приказала она. Фенстермахер улыбнулся, отдал честь, щелкнул воображаемыми каблуками, скривился от боли и выскочил из пещеры.

— Доброе утро, капрал, — сказала Буккари. — Вы хорошо поспали, — она подошла к животному и протянула палец. Существо подалось ей навстречу, сжало его и оживленно защебетало. Лейтенант улыбнулась, в ее зеленых глазах мелькнули веселые искорки. Миловидное лицо в обрамлении каштановых волос преобразилось, как по волшебству. Макартур был очарован.

— Э... доброе утро, лейтенант. Не ругайте Фенстермахера. Он всего лишь хотел дать мне время э... чтобы... э... подготовиться, — Макартур натянул комбинезон и, стараясь не встречаться с ней взглядом, наклонился, чтобы завязать шнурки.

— Черт, ну конечно! Извините, — сказала она и покраснела. — Я посмотрю за Тонто.

— Э... да... Тонто, похоже, знает, кто вы. Вы ему нравитесь, — сказал Макартур. Их взгляды встретились, и капрал улыбнулся. Лейтенант сдержалась от внешнего проявления чувств, но глаза ее засияли.

— Я принесла его сюда, — сказала она, глядя прямо в глаза собеседнику. — Идите и приготовьтесь. А я скажу командору Квинну.

— Да, конечно. Спасибо, — он обошел возвращающегося Фенстермахера и направился к уборной. Помощник боцмана рассказал ему о горячих источниках и настойчиво рекомендовал искупаться.

Фенстермахер подкрепил свою рекомендацию по-своему.

— Ты протух, приятель, — сказал он и наморщил нос.

Макартур только засмеялся и, схватив с головы помощника берет, запустил его в воздух. Пока капрал спускался с холма, Фенстермахер смотрел ему вслед, почесывая голову.

Они подошли к обрыву. Буккари шла за Макартом, то и дело поглядывая на раненое животное, разместившееся на широкой спине капрала. За ней шли Квинн и Шэннон. Шестые замыкал Татум.

Время от времени Тонто поглядывал в небо. Проследив за направлением его взгляда, Буккари ничуть не удивилась, заметив парящих в высоте крылатых существ.

— Сарж, — сказал Макартур, останавливаясь у самой скалы, — вот здесь я очнулся. Может, останемся и посмотрим, что произойдет?

— Почему бы нам просто не оставить его, а самим убраться? — спросил Шэннон.

— Тонто может просто убежать, — возразил Макартур, — и это ничего не докажет.

— А что мы хотим доказать? — спросил сержант.

— Хороший вопрос, — вмешался Квинн. — Полагаю, мы хотим, чтобы они поняли — мы возвращаем им долг, платим за услугу, — командор подошел к обрыву, огляделся, поднял голову к небу. — Согласен с капралом Макартуrom. Давайте остановимся здесь, — сказал он.

Буккари сбросила с плеч тяжелый груз, подошла к Макартуру и развязала раненого. Тело существа казалось безвольным. Тонто не сводил глаз с неба.

— Может, я возьму Тонто, и мы посидим отдельно от всех? — сказала она. — Возможно, что-то случится, если они увидят, что он ходит.

Лейтенант отнесла животное к краю террасы и села на теплый гранит. Затем осторожно развязала ему крылья и ноги и поставила его перед собой. Их соединял лишь легкий поводок. Тонто стоял спокойно, поглядывая то на нее, то в небо. Буккари занялась повязками. Иногда она поднимала голову, но смотрела только на Тонто. Остальные принялись оборудовать временный лагерь.

Стоя, Тонто оказывался выше сидящей Буккари. Она откинулась спиной на скалу, наблюдая, как существо прыгает рядом, не натягивая при этом поводка. Он свистел и щелкал, двигал здоровой рукой, открывая крыло, и все время держал больную руку прижатой к телу. Буккари заинтриговала механика работы крыла. Костистый придаток, отходящий от предплечья, увеличивал размах мембраны более чем на метр. При полном раскрытии кисть и запястье выполняли роль замка, не позволяя кры-

лу сложиться. Когда оно складывалось, прида-ток ложился на предплечье, охватывая спину.

Залобовалась Буккари и чудесным мехом. Протянув руку, она коснулась шелковистой кожи. Животное смотрело на нее сквозь щелочки глаз. Внезапно его мышцы напряглись, глаза широко раскрылись: существо уставилось на что-то поверх ее плеча. Квинн, Татум и Макартур застыли. В руке Шэннона оказался пистолет, Татум потянулся за винтовкой. Буккари перекатилась на колени и подняла голову. Между ней и пропастью стояли два уродливых существа, щедро отмеченных шрамами. Как и люди позади нее, они замерли в динамичных позах, напряженно шурясь. Грудь и пах этих двоих прикрывали толстые кожаные накидки. В руках одного из гостей — копье. Буккари откашлялась. Существа метнули в ее сторону настороженные взгляды, но, не заметив ничего угрожающего, снова обернулись к мужчинам. Она неуверенно поднялась, оказавшись на голову выше родичей Тонто. Потом Буккари наклонилась, подняла поводок и отстегнула его от ошейника Тонто. Затем сняла и сам ошейник и подтолкнула раненого к гостям.

Тонто схватил ее за палец.

Буккари посмотрела на прижавшегося к ней Тонто и постаралась улыбнуться. Потом осторожно освободилась, отступила на три шага и остановилась. Тонто поскакал к своим сородичам, а один из них — с копьем — подошел вперевалку к Буккари и положил свое оружие у ее ног. Не зная, что делать, она обернулась к мужчинам и с облегчением вздохнула — Татум

и Шэннон положили оружие на землю. Макартур, прижав палец к губам, подошел к Татуму и вытащил из ножен кинжал. Потом он прошел мимо Буккари и опустил свой дар у ног переднего существа. Гость поклонился. Макартур ответил тем же, хотя, возможно, и не столь элегантно. Но то, что он сделал после этого, удивило как людей, так и аборигенов. Капрал весело просвистел семь нот. Тонто ответил ему, но в его мелодии не хватало двух последних. Макартур просвистел две точки.

Напряжение заметно спало, но нервы оставались натянутыми, и каждое движение вызывало настороженность у противоположной стороны. Гости подхватили своего раненого товарища и спрыгнули с обрыва. Вскоре они исчезли из вида. Тишину пронзили резкие крики.

ГЛАВА 18. ГОРРУК

— Они заслужили смерть! — гремел Горрук, его громадное тело содрогалось, кустистые брови взъерошены.

— Зачем же поступаешь так? — кипятился Джук. — Ведь ты представляешь мой режим: казнить все региональное правительство — глупость! — они расположились в личном кабинете Джука, потягивая вино из котты и покуривая сигары-вахокка. Обходились без прислуги.

— Региональные бюрократы! — зло продолжил Горрук, удивленный упреками: он-то ожидал благодарности за проявленную решительность. — Не исполнять приказов по снабжению войск, когда мои армии нуждаются в пище.

— Да, да, это крайне важно, чтобы войска ни в чем не испытывали нужды... Их время скоро придет, но даже у никчемных бюрократов есть своя цель, — ответил Джук. — А теперь их нужно кем-то заменить. Полный хаос, никаких налоговых поступлений.

Горрук мрачно взглянул на Верховного Лидера — политика и управление явно не по нему: его менталитет признавал только прямые и понятные действия. Горрук с трудом сдер-

живался, чтобы не напомнить собеседнику о его прошлом, ибо вся история генерала Джук — а отличился он именно в ходе объединительных войн — была отмечена казнями и террором.

— Нельзя угрожать смертью каждый раз, когда с тобой кто-то не соглашается, — продолжал свои наставления правитель. — Мне тяжело далась эта наука. Излишний страх дает обратный эффект — так плодятся только мученики.

— Да, Джук, — ответил Горрук. — Но...

— Ты забыл, как следует обращаться со мной! — взревел Джук. Оба великана, пошатываясь от выпитого, поднялись на задние лапы — в воздухе повисло желтое облачко обоюдного гнева. Распахнулись скрытые двери, и в кабинет ворвались вооруженные охранники дворца. Мощные тупорылые бластеры взяли на прицел Горрука. Включились вентиляторы.

Генерал отличался не только умом, но и отвагой: возвышаясь над всеми, он посчитал ниже своего достоинства взглянуть на солдат.

— Ты научись обращаться ко мне как положено, — ровным тоном изрек Джук, и по его шероховатому лицу расплылась высокомерная улыбка.

— Да, Высочайший, — не сразу ответил Горрук, изобразив улыбку лишь уголками рта.

Джук раскатисто рассмеялся — неторопливым жестом руки, держащей чашу с вином, отпустил стражу.

— Я слишком хорошо тебя понимаю, — усмехнулся правитель, кивая чудовищной голо-

вой. — Да, трудна служба генерала, но вот что тебе скажу — быть Императором еще труднее.

— Вынужден уступить, — утрюмо огрызнулся генерал.

Джук разлил еще вина.

— Скажи мне, генерал Горрук, что ты думаешь об этих пришельцах?

Горрук изо всех сил пытался подавить ярость. С трудом скрывая раздражение, он попытался сконцентрировать внимание на предмете разговора.

— Пришельцы... — генерал фыркнул. — Мы их загнали туда, откуда они явились. Еще на четыреста лет, а возможно, и навсегда. История преподала нам хороший урок.

— Хм, интересно, — ответил Джук. — И чему мы научились?

— Не понимаю, Высочайший.

— Кто знает, что действительно произошло четыреста лет назад? — спросил Джук.

— Нас атаковали из космоса, — сказал Горрук, — и правительство знати пало, не сумев организовать отпор, — планету спасли генералы.

— И с тех пор правили мудро и справедливо. Ты слишком много читал официальной исторической хроники, — сказал Джук, принимая серьезный вид. — Да, нашу планету атаковали, но кто? Не генералы защитили ее — нападавшие исчезли сами по себе. Ушли.

— Но, однако же, установилось Правление Генералов, — возразил Горрук. — Дома знати утратили власть и...

— Наша планета после этого никогда уже не могла стать прежней, — прервал его

Джук. — Глобальные торговые сети и соглашения по экономическому обмену, то есть то, что естественным образом связывало разные дома знати, уже никогда не вернулись к прежнему уровню или же вообще не возродились. Полушария оказались разделенными, и не только экваториальными пустынями.

— Но мы же решили свои проблемы, — изумленный подобной точкой зрения, возразил Горрук. — Рост населения сбалансирован с ресурсной базой: почти двести лет мы не испытывали голода, а преступность почти уничтожена.

— Это верно, — согласился Джук. — Голод исчез из нашей жизни. Несчастно то правительство, которое позволяет своим солдатам умирать от истощения.

— Наши армии объединили все северное полушарие, — продолжал Горрук. — При благоприятных условиях могли бы объединить всю планету, обеспечить глобальное процветание и безопасность, которых никогда не добились бы правительства знати.

— Так гласит история, написанная нашими воинствующими предками. Но, как я слышал, есть и другие источники.

— Имеешь в виду знать? Все их версии беспочвенны.

— И тем не менее, не столь уж они беспомощны: сумели занять влиятельные позиции в производстве, науке и даже армии, восстановили власть в пяти странах южного полушария. Не хотят ли они переписать историю, а, генерал?

— Возможно. Но только после того, как мы

завоюем эти страны, то есть очистим дома знати от вони.

— Хм, этот вопрос обсуждался, — задумчиво произнес Джук. — Никто еще не смог убедительно доказать, как обеспечить экономический рост без их помощи. После начала эры Правления Генералов экономика так и не достигла прежнего уровня. Они лишились королевств, но сохранили тугие кошельки.

— Мир изменился, — ответил Горрук. — Не забывайте, что в правление Олланта знать контролировала оба полушария — значительное преимущество.

— Верно. Южные племена — злобны и непослушны. Пустыни слишком долго давали им ложную уверенность в своей безопасности.

— Это мы поправим! — воскликнул Горрук. — Мои армии будут готовы.

— Да, — согласился Джук. — Но нельзя терять из вида и другие возможности. Наше Министерство внутренних дел полагает, что второе вторжение отличалось от первого.

— Да, мы оказались готовы, — не дал ему закончить Горрук. — Перехватили и уничтожили прежде, чем они смогли атаковать планету.

— Но кто они такие, генерал? Как удастся им путешествовать между звездами? Та ли это раса, что напала на нас четыреста лет назад? Кто это знает? Но нам следует обратить внимание на нашего друга Эт Каласса. Он пошел даже на то, чтобы финансировать экспедицию на Генеллан.

— Я слышал об этом загадочном корабле пришельцев! — воскликнул Горрук. — Пустая трата денег и времени. Даже если это так — а

я сомневаюсь, — любой корабль, потерпевший там крушение, обречен на смерть в этом мире льда. Вряд ли так уж необходимо расходовать ресурсы ради того, чтобы обнюхать кости пришельцев. У нас есть более важные дела — впереди война.

— Где твое любопытство, генерал?

— Я солдат, а не... ученый.

— Тем не менее, — подвел итог Джук. — Каласс что-то замышляет. Я желаю, чтобы ты не выпускал его из виду. Не будем слишком быстро сбрасывать Генеллан со счета. Возможно — всего лишь, — там что-то есть. Будет мудро, если там окажется и наш агент. Ты же можешь что-то сделать в этом отношении, так ведь?

— Я всегда посылаю лучших, — зарычал Горрук.

ГЛАВА 19. РАЗВЕДКА

— Все только и говорят о вашей стычке, Шал, — начал Хадсон, спускаясь вместе с ней по берегу озера. — Ты перегрелась.

— Чертовски трудно обсудить что-то конфиденциально, — паририровала она.

— Извини, что влез не в свое дело, но мы слышали, как ты кричишь, и решили, что с тобой что-то случилось. Какая уж там конфиденциальность, если ты перекричала бы и сирену.

— В скалах звук разносится далеко, — ответила Буккари.

— Особенно ругань, — добавил Хадсон.

— Неплохо я завелась, а? — она рассмеялась. — Что ж, нисколько не жалею.

— Командор, похоже, рассердился. Очень.

— Ничего, переживет, — уже серьезно ответила Буккари. — Надо как-то заставить его прийти в себя и прекратить ныть. Мы-то не виноваты в том, что его жена погибла. Ему принимать решения, и если он не собирается начинать поиски нового места для лагеря, то, черт возьми, я намерена это сделать: Макаптур утверждает, что ниже по течению реки

есть долина, а там — все необходимое, и капитан знает, о чем говорит. Не пройдет и трех месяцев, как плато замерзнет. Что тогда будем делать?

— Все за тебя, Шал, так как уверены, что ты права, — сказал он. — Но так атаковать командора... Неудивительно, что ребята немного разнервничались. Я думал, что Шэннон надевает штаны, когда ты назначила их обоих в патрулирование.

Она хмыкнула и откинулась на песок. В ясном небе плыл караван облаков, в зените мерцали две звезды; в воде плеснулась рыба, как будто кто-то ударил по пустой бочке; низко над берегом пронеслась стайка крохотных серых птичек — сейчас, в разгар лета, их видимо-невидимо. Где-то недалеко благоухали цветы.

— Интересно, изменится ли что-нибудь? — сказала после паузы Буккари.

— Что? То, что Шэннон?.. — Хадсон повернулся к ней.

— На этой планете день и год длиннее. Мы проживем дольше?

— Почему это должно как-то повлиять? — Хадсон поднял камешек и швырнул в озеро.

— А почему бы и нет? — задумчиво произнесла Буккари. — Наш организм должен приспособиться к дневному и годовому циклам. Вполне возможно, что мы проживем обычное количество дней, а может, и зим. А это значит, что наша жизнь удлинится на десять-двадцать процентов в абсолютном времяисчислении.

— Прекрасная мечта, но я так не думаю, —

ответил Хадсон, подходя к воде. — Организму все безразлично.

— Я в этом не уверена. Хотя, возможно, на это уйдет несколько поколений. Ну, а если отбросить все лишнее, то ведь мы все так же спим шесть-восемь часов в день, а потому получаем от двух до трех часов добавочного времени для бодрствования. В процентном отношении время сна уменьшилось.

Хадсон поразмышлял над ее логикой.

— Возможно, в этом что-то есть, Шал, — заключил он. — Но уверен — так или иначе, за это придется расплачиваться. Даром ничего не дается.

— Даже месяцы здесь длиннее, — заметила Буккари, — если считать по большой луне, полный цикл занимает тридцать два дня.

— Вообще-то, меньшая луна была бы удобнее, — Хадсон бросил в озеро еще один камень. — У нее полный цикл четырнадцать дней. Удваиваем период и получаем двадцативосьмидневный лунный месяц, как на Земле. Хотя, конечно, лучше, что летние дни длиннее.

— Ладно, посмотрим, что будет после того, как мы проведем здесь зиму, — ответила она. — Такую зиму, какой мы никогда и не видели. Нужно уходить с этого плато.

Патруль остановился около обрыва. Макартур вытер со лба пот и поднял голову. В безоблачном небе парило с десятков обитателей скал. Двое из них кружили чуть пониже остальных. Капрал снял с плеч рюкзак, расстегнул боко-

вой карман и вытащил маленькую записную книжку.

— Ну, что мы делаем? — спросил Пети.

— Оставим вот это, — ответил Макартур. — Надо только найти почтовый ящик.

— Капрал, передайте мне записную книжку, — приказал Квинн.

— Есть, сэр, — ответил Макартур и протянул тоненькую книжицу. Он пристально смотрел на командора. Тот был явно не в духе с тех пор, как они вышли из лагеря. — Лейтенант Буккари и мистер Хадсон хорошо поработали, сэр.

— Похоже на комикс, — заметил Пети, заглядывая Квинну через плечо.

— Ты же у нас эксперт, — засмеялся Макартур.

— И что это означает? — заворчал Пети.

— Всего лишь шутка, — улыбнулся капрал.

— Так почему я не смеюсь...

— Перестаньте, вы оба, — оборвал их подошедший Шэннон. Выйдя из лагеря, сержант не в первый раз показывал не самые лучшие черты характера.

— Именно это нам и нужно — комиксы, — заметил Квинн, снимая нарастающее напряжение. — Лейтенант Буккари считает, что мы никогда не сможем говорить на их языке, а они — на нашем, поэтому она приготовила эту книжку с рисунками и знаками, как первый шаг в установлении контакта.

— Похоже, они не принимают посылку, — заметил Шэннон.

— Лейтенант Буккари предложила сложить из камней пирамиду, положить книжку в

мешок и оставить, — сообщил Макартур. — Как вы думаете, командор?

— Валяйте, — кивнул Квинн, возвращая послание. — И давайте трогаться. Мне не терпится увидеть ту долину, о которой рассказывали вы и Честен.

Сделав все, как было запланировано, они двинулись дальше, задержавшись, чтобы набрать воды в реке.

— Тропа начинается здесь, — сказал Макартур, указывая на головокружительный траверс*. Позади них разбивалась о камни река.

Они спустились по узкому уступу, затратив немало времени. День уже подходил к концу, идти стало легче, тропинка ушла в сторону от реки. Пора было думать об устройстве ночлега. В сумраке вечера Макартур вновь увидел два вулкана-близнеца, поднимающиеся вдаль на фоне темнеющего неба.

Утро наступило быстро и показалось более теплым, чем морозные рассветы на плато. Все обещало жаркий день.

Спуск оказался долгим и занял все утро. Наглотавшись пыли, группа вышла к перелеску, откуда тропа поворачивала на северо-запад, спускаясь к самой реке. На противоположном берегу Макартур заметил узкую долину. Река делала поворот на север, к порогам.

— Мы с Честеном переправлялись выше по течению, — сказал он, когда группа остановилась передохнуть в тени деревьев. — Здесь мы не были.

* Траверс — здесь: маршрут, проходящий по гребню горного хребта (прим. ред.).

— Какие будут предложения? — спросил Квинн, задумчиво поглядывая на широкий буйный поток.

— До долины, о которой я говорил, отсюда три дня хода вниз по течению. Если пойти по гребню, то серьезных подъемов впереди нет. Если же спуститься к реке и идти по тропе, придется немало потрудиться, преодолевая несколько крутых мест.

— Что вы думаете, сержант? — Квинн повернулся к Шэннону. — Возьмем курс на долину или рискнем и продолжим курс по тропе?

— Я бы предложил как следует посмотреть здесь.

Квинн показал вниз, и Макартур без дальнейших дискуссий стал спускаться по крутому склону к реке. По пути он взглянул на небо и увидел две едва различимые точки.

— За нами наблюдают, — капрал указал вверх.

— Может, они взяли ту книжку с картинками, что составила лейтенант Буккари, — высказал предложение Шэннон.

— Ты думаешь, что они умеют читать? — спросил Пети. — Это же глупые животные.

— Но ты же умеешь читать, да? — усмехнулся Макартур. — Немного?

— Откуси мой... — зарычал Пети.

— Я же сказал вам прекратить, — бросил Шэннон. — Тебя это особенно касается, Мак.

— Извини, Пети, — сказал капрал, — но ведь кто-то залатал меня, и если это сделали не наши крылатые приятели, значит, там живет кто-то еще.

Пети молча кивнул в знак согласия.

— Пошли, — скомандовал Квинн и двинулся вперед во главе группы.

Скалистая тропа спускалась почти к самой реке. Макартур заметил мост задолго до того, как они достигли его. Скрытый туманом, он пересекал реку в самом узком месте, достигая в длину не менее двухсот метров и возвышаясь над кипящим белым водоворотом метров на пятьдесят. Чуть выше по течению, не доходя до моста метров двадцать, поток обрушивался на камни, разбиваясь на мельчайшие брызги, образующие над перекатом туманную завесу. Сжатая узкими берегами, река ревела так, что общаться можно было только знаками.

Отсюда, снизу, плато представлялось еще более грандиозным и величественным. Вздвигающиеся стены гор казались еще круче, еще неприступнее. Солнце, только что миновавшее зенит, уже опускалось за остроконечные шпили пиков, туман расщеплял лучи, и над всем этим невероятным пейзажем висела радуга.

В тумане Макартур заметил еще двух обитателей скал, направляющихся к противоположному берегу.

— Внимание... всем связаться! — голос Квинна едва перекрыл грохот реки. — Мост подвесной!

Две металлические цепи — звено размером с кулак — крепились к скале на высоте примерно шестидесяти метров от потока. Закрепленные болтами, они уходили к противоположному берегу, образуя основание шириной около полуметра. Мокрые от тумана, постоянно вися-

щего в этом месте, перекладыны располагались на расстоянии полушага друг от друга. Вид бушующего далеко внизу потока вызывал весьма неприятные ощущения.

Макартур внимательно осмотрел цепи, отыскивая следы коррозии, но обнаружил лишь незначительные пятна ржавчины. Некоторые из перекладин казались более новыми по сравнению с другими. Сами звенья цепей были довольно грубой работы и не полированными, но представлялись надежными и долговечными. Он опустил ногу на перекладину, проверяя, как она держит вес. Мост оказался прочным. Макартур пошел первым, стараясь твердо ставить стопу и не пропустить пролет. За ним по одному тронулись остальные. Все завершилось вполне благополучно, только Пети поскользнулся у самого края моста, но сам справился с ситуацией. Оказавшись на другом берегу, группа продолжила спуск по тропинке. Вначале дорожка шла вдоль берега, но через сотню метров стала резко подниматься вверх. Преодолев крутой склон, они спустились в ту самую узкую долину, которую заметили еще до переправы. Тропа пересекала ее по всей длине и терялась вдалеке. Растительности почти не было, кроме редких сосен с желтыми стволами.

Они шли всю вторую половину дня и остановились у журчащего по камням ручья, огибающего склон холма. Рельеф становился все более плоским, то и дело попадались мшистые участки. Оставшееся за спиной плато казалось еще более величественным и грозным, нависая над головой разведчиков, подобно сказочному

замку. Оглянувшись, Макартур невольно задрал голову и даже неосознанно отступил на шаг. Выше по течению плато уходило в сторону, являя взорам землян свой профиль. Террасы, выступы, обрывы, крутые шпили тянулись вдоль гранитной стены.

От реки поднимались клубы пара и, словно огромные белые змеи, ползли от подножия скал вверх, рассеиваясь по расщелинам, застревая на уступах и, наконец, расплываясь под лучами солнца. Ветерок стих, температура упала, туман становился все гуще. Затененная сторона скал окрасилась унылым серым цветом.

Макартур отвел взгляд от каменного колосса. Ручей, вдоль которого они шли, превратился в едва заметную струйку, вяло сочащуюся из окруженного яркими синими цветами ключа. Капрал поднялся и принюхался.

— Ты чувствуешь запах? — обратился он к сидящему рядом на камне Пети.

— Какой запах? — спросил тот. — Все, что я чувствую, это запах моих собственных подмышек.

— Животные, очень много животных, — ответил Макартур. — Бизоны или овцебыки. Когда дойдем до перевала, ты их увидишь и, помани мое слово, почувствуешь их запах.

— Командор! — Шэннон втягивал в себя воздух, как большая собака. — Пожалуй, нам следует остановиться на ночлег, как только мы выйдем наверх. Здесь оставаться опасно, мы видны со всех сторон. И никаких костров вечером.

— Вам виднее, сержант, — кивнул Квинн.

Темнело. Открытое пространство, расстилавшееся вокруг, действовало на людей угнетающе, а нависающее сзади плато только усиливало ощущение отчужденности. Здесь, на равнине, запах животных становился все явственнее, приобретая неприятный металлический привкус. Группа поднялась на поросший мхом холм, и первым, что предстало их взору, было огромное стадо овцебыков, пасущееся вдалеке. Люди остановились, наблюдая за мирно щиплющими траву животными.

— Фу! — застонал Пети. — Неужто нам не найти лучшего места для ночлега? Здесь такая вонь, что у меня уже сейчас голова раскалывается.

— Перестань ныть, Пети! — оборвал его Шэннон.

— Я тоже согласен с Пети в этом пункте, — сказал Макартур. — Почему бы нам не вернуться к источнику и не разбить лагерь там? По крайней мере, не так воняет. Нам потребуется не более получаса. А завтра продолжим путь по тропе.

— Звучит неплохо, — согласился Квинн. — Что вы думаете, Сарж?

— У меня только одно возражение, — сказал Шэннон. — Уж очень не хочется оставаться на открытой местности, — он еще раз посмотрел в сторону стада, повернулся и стал спускаться к реке. Остальные последовали за ним. Линия горизонта, образуемая плато, высилась вдалеке, резким черным силуэтом выделяясь на фоне пурпурного предзакатного неба. Над головой уже зажглись звезды, яркие и крупные, они складывались в незнакомые со-

звездия, еще раз напоминая о том, как далеко Земля.

Тьма сгущалась; пологие холмы теряли отчетливость, сливаясь в общий фон.

— Что это? — негромко произнес Шэннон. — Смотри! Вон там! И там...

— Да! — прошептал Пети. — Вижу. Огни по всей скале.

Люди замерли, не сводя глаз с черной массы, проступающей на фоне неба. Огоньки, едва заметные тусклые точки, усеяли скалу, подобно скопищу светлячков. Фасад плато перестал быть скалой, он превратился в звездную галактику.

— Ради этого стоило сюда идти, — прошептал Квинн.

Слушая восклицания длинноногих, Браан понимал охвативший их трепет. Вспыхнувшие на скале огни служили маяком безопасности для бесчисленного множества охотников, возвращающихся домой с бескрайних равнин.

— Что ты думаешь? — спросил Крааг.

— Они видели наши дома, — ответил Браан. — Нам почти нечего больше скрывать.

— Голдберг беременна, — тихо и как-то буднично сообщила Ли.

— Она... что? — не сразу поняла Буккари.

— Беременна, — по-прежнему негромко повторила Ли.

Буккари посмотрела на врача так, словно у той выросли две головы.

— Но... как? — вырвалось у нее прежде, чем она успела осознать всю глупость вопроса.

— Имплантанты вечны, — терпеливо пояснила Ли, — особенно в условиях полной планетной гравитации. У Голдберг общий профилактический осмотр должен был состояться в прошлом месяце. Мой — через шесть, у Доусон через три. Если память мне не изменяет, ваша очередь только через девять месяцев. Но, учитывая гравитацию, кто знает?

— Проклятье! — прошептала Буккари. — И кто отец?

Ли откинула голову и уставилась в голубую бесконечность неба. Ветерок мягко шевелил ее блестящие черные волосы.

— Было бы легче сказать, кто им не является, — ответила она, поморщившись. — Придется подождать, пока не появится сходство с родителем, или провести тест на ДНК, если, конечно, мы когда-нибудь вернемся к цивилизации. Она считает, что Татум.

— Этого только не хватало! — Буккари чуть не плюнула от досады. — Командор запляшет от радости, когда его дурацкая поисковая группа вернется, — она посмотрела в сторону плато. Патруль опаздывал уже на три дня.

— Ну, я бы отнеслась к ней помягче, — робко сказала Ли.

— Что? Я-то думала, что это вы задумаетесь о последствиях, — ответила Буккари. — Вам и беспокоиться. Кому же еще принимать ребенка? Или вы можете?..

— Аборт? — Ли приняла задумчивый вид, вероятно, впервые столкнувшись с этой мыслью. — Слишком рискованно. Не знаю, что и делать. Слишком рискованно.

— А что скажет командор Квинн?

— Это не имеет значения. Голдберг все равно останется беременной. И не надо волноваться, — Ли улыбнулась. — Она молода и здорова. И попотеть придется ей, а не доктору.

— Так ребенок появится зимой, о Боже! Кто знает, какие здесь зимы? И в такое время рожать! Как бездумно!

— Возможно, нам следует поблагодарить ее, — упорствовала Ли, вся ее робость улетучилась.

— Поблагодарить ее? — чуть не закричала Буккари.

Ли кивнула. Буккари обернулась и увидела подходящего к ним Рено.

— Это так Нэнси говорит, — шепнула Ли и замолчала, так как матрос уже приблизился. Проходя мимо, Рено кивнул.

— Доусон знает? — спросила Буккари, когда он удалился.

— От нее-то я и узнала. Так вот, — твердо продолжала Ли, — нам следует поблагодарить ее. Нэнси говорит, что ее... э... активность... избавила многих от психологической депрессии. Да и нам всем — я имею в виду женщин — помогла.

— Ведь это не шутка, да? — спросила Буккари. — Ты серьезно? Послушай, она действительно сняла с нас бремя!

Все это было не так уж смешно, но она

рассмеялась, мысленно представив, какое бремя сняла с них Голдберг и возложила на себя. Смех ее уже становился неконтролируемым, и Ли тоже хихикнула. Неизвестно, чем закончилось бы их веселье, если бы сверху от пещеры не раздался крик.

— Патруль! — донесся голос О'Тула. — За озером. Похоже, они едва ноги волочат.

Буккари приказала Татуму, О'Тулу и Честену пойти вместе с ней, возможно, кто-то ранен. Поначалу она бежала, но вскоре перешла на обычный шаг. Подойдя поближе к разведчикам, лейтенант поняла, как они устали.

— Как мы рады тебя видеть, — пробормотал Квинн. Он был полностью измотан, усталость исказила его лицо: под глазами мешки, щеки провалились, синие губы двигались, как будто не в такт словам.

— Добро пожаловать домой, — приветствовала его Буккари. — Татум, возьмите у командора Квинна рюкзак. Остальные тоже помогите — ребятам нужна помощь.

Она подошла к Макартуру и стала расстегивать лямки его рюкзака. Капрал рассмеялся, стянул его с плеч и протянул Буккари. Помогая надеть его, капрал коснулся ее шеи, поправил прядь волос. Лейтенант повернулась к нему, затащила на пояс ремень и подтянула лямки рюкзака. Разговоры вдруг стихли, мужчины из всех сил старались не пялиться на парочку. Она знала, что движения эти только подчеркнули ее женственность: тонкую талию, крутые бедра, округлые груди. Внезапно, что было совершенно для нее нехарактерно, Буккари почувствова-

ла, что ей стало жарко, лицо вспыхнуло от смущения. Она повернулась спиной к мужчинам и направилась к лагерю.

На нее и раньше пялились мужчины, но смех Макартура прозвучал словно для нее одной, а его прикосновение вызвало настоящую химическую реакцию в организме. Явно неподходящее время извещать Квинна о беременности Голдберг. Буккари вспомнила слова Ли о том, что нужно быть помягче с ней, и вдруг поняла, чему именно уступила Голдберг: их жизни здесь висели на волоске, и физическая привязанность — это островок надежды. Где-то рядом таится опасность, и люди знают это, но из глубины подсознания поднимается понимание того, что угроза нависла над человеческим родом, а потому страсть — это одновременно и бегство от реальности, и решение проблемы.

— Командор Квинн, послание! — сказал Макартур, нарушая неловкую тишину. Буккари остановилась.

— Ох, — покачал головой командор. — Чуть не забыл. Мы получили письмо. Оно лежало на той каменной пирамиде, где Макартур оставил вашу записную книжку с картинками. Написано примерно тем же языком, так что, как я понимаю, оно для вас, — он вытащил из рюкзака несколько полосок сложенной ткани. Ткань оказалась довольно плотной, похожей на холст. Схематичный рисунок человека, похожий на тот, что изобразила Буккари, был тщательно скопирован вместе с сопровождающими его буквами «ч-е-л-о-в-е-к». Рядом с пиктографическим изображением че-

ловека с тем же рвением и умением были представлены еще две фигуры, изображавшие другую расу. Одна намного ниже человека с головой, напоминающей равнобедренный треугольник. Расставленные руки с мембраной крыльев явно обозначали существо, похожее на Тонто. Другая фигура повыше первой, хотя и ниже человека, тоже обладала крыльями, но все же имела больше сходства с людьми. Под обеими фигурами имелись знаки, вероятно, буквы чужого языка.

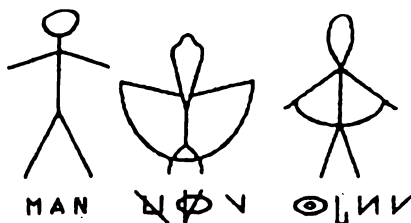
Рисунки очаровали Буккари, и она долго, не отрываясь, смотрела на них. Ее собственные, сделанные с помощью ручки и линейки, казались ей неуклюжими и неточными по сравнению с теми, что были сейчас в ее руках.

— Так это два различных вида! — прошептала она.

— Мужчина и женщина? — предположил Макартур.

— Чудесно! — воскликнула Буккари. — Это же историческое событие! Первый контакт с высокоорганизованным внеземным разумом.

— Третий контакт, — зевнув, поправил ее Квинн. — Первый — это побоище на Шауле,

второй — наша встреча и побег флота в гиперпространство. Так что это третий.

— Тогда первый мирный контакт, — поправилась Буккари. Мрачные воспоминания ничуть не ослабили ее энтузиазма.

— Но это не все, — продолжал Квинн. По мере того, как память возвращала его к событиям недавнего похода, энергия командора только возрастала. — Ночью плато... мы видели там огни. Удивительно! А над рекой есть мост. И долина Макартура — это просто идеальное место для поселения, когда придет время переходить.

Усталость взяла свое. Командор закрыл глаза, речь его стала неразборчивой.

Буккари взглянула на Квинна, полагая, что у того начался бред, но заметила, что и остальные члены патруля выглядят немногим лучше, а в их глазах застыло мечтательное выражение.

ГЛАВА 20. ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА ОТ СОЛНЦА – ГЕНЕЛЛАН

— Мы приземлимся на станции Золотой Рудник — это континент Империя, — сообщил Эт Авиан. Стоило им покинуть Крион, как в его поведении многое изменилось: знатный крионец облачился в обычную рабочую одежду без каких-либо отличий — лишь золотистая кожа напоминала Доворноббу, что перед ним представитель верховной власти и совсем другого звания. — Золотой рудник — единственное постоянно действующее предприятие на Генеллане. Правда, добывают там уже не золото, а только редкие металлы.

— Разве здесь больше нет других обитаемых зон или населенных пунктов? — уточнил Доворнобб.

— Есть еще один, но работает только летом. Это небольшая научная станция на Корлии, так называется еще один материк. Сама станция носит название океанической, — Эт Авиан указал на точку в южной части карты планеты на экране компьютера. — Она основана для изучения планеты. Все остальные научные станции закрыты давным-давно. Сliš-

ком дорого обходилось их содержание. Я работал инженером на последнем индустриальном предприятии по добыче платины.

Он поежился. Для знатного крионца Эт Авиан выглядел огромным.

— Надеюсь, что уже никогда не окажусь в этом холоде, — пожаловался руководитель экспедиции.

Доворнобб крайне удивился, когда Эт Авиан согласился отправиться на замороженную планету, да еще и работать там. В давние времена на Генеллан посылали заключенных, где они до конца дней своих оставались на рудниках и занимались добычей металлов, тогда еще делом прибыльным. После вторжения, унесшего жизни многих крионцев, были введены суровые законы по ограничению рождаемости, что значительно выровняло демографическую ситуацию на планете и позволило перейти на самообеспечение. Добыча руд и минералов на Генеллане стала экономически невыгодной. Другие промыслы — как, например, меховой — со временем тоже захирели.

Узнав о предстоящей экспедиции на Генеллан, Доворнобб постарался как можно больше узнать о третьей планете системы. Крионцы под патронажем Северной Имперской Гегемонии сохранили свое научно-исследовательское присутствие на Генеллане. Испытывая недостаток в фондах, они поставили перед собой цель хотя бы сохранить и защитить имперскую собственность от посягательств других, хотя никакая другая нация не только не имела сил для захвата, но даже не проявляла к этому интереса.

После назначения в экспедицию Доворнобб целых три месяца наслаждался жизнью — молодой ученый хорошо питался, что было немаловажно; ему не приходилось больше испытывать на себе мелкие придирки Директора Мота; он получил доступ к первоклассным компьютерам системы общественной безопасности и стал получать данные непосредственно с орбитальных телескопов.

Доворнобб огляделся. В кабине корабля, помимо него, было еще трое специалистов. Задачей этой научной группы, руководимой Эт Авианом, являлось выяснение всех обстоятельств, связанных с появлением пришельцев. Ученые Х'Ааре — знаменитый физик — и Мирртис — специалист в области металлургии — имели указание узнать все, что возможно, о технологиях и двигательных системах агрессоров, позволяющих им осуществлять межзвездные перелеты. Третий участник экспедиции — ученая-лингвист Катеос — значительно осложняла обстановку: женщинам незнатного происхождения заниматься общественной деятельностью и публичными выступлениями запрещалось, единственное исключение составляли медики, библиотекари и лингвисты в роли переводчиков. По традиции именно эти сферы отдавались женщинам.

Помимо этих, особо определенных обязанностей, от них требовалось немного: слушать и подчиняться. Доворнобб допускал и признавал некоторые отступления от общепринятых правил и условностей, но только в отношении хорошо знакомых женщин, когда твердо знал, что никто не пострадает. Эт Авиан настаивал

на том, что различия по признаку пола нужно игнорировать, как это было принято у знати, и Доворнобб ничего не имел против, но остальные — особенно четверо солдат, обеспечивавших охрану группы, — придерживались традиционных взглядов. Перелет на Генеллан занял немало времени, и женщина, как это можно было предвидеть, не находилась в центре всеобщего внимания.

Путешествие началось с изматывающего перехода на орбитальную станцию планетарной обороны.

После двухдневного ожидания шаттл доставил их на орбиту третьей планеты. Полет проходил при постоянном ускорении, и лишь благодаря оптимальному расположению Генеллана, позволившему придерживаться прямой траектории, завершился относительно благополучно для всех исследователей. Оставив на орбите спускаемый модуль, шаттл забрал груз, заправился и стартовал в обратном направлении на Крион.

Спуск с орбиты на планету обошелся без сюрпризов. Модуль опустился на стационарную платформу; «болтанка», сопутствующая торможению, сменилась покоем и приятным ощущением низкой гравитации. Стихли двигатели — заработала система дегерметизации.

Глухой толчок засвидетельствовал подсоединение стыковочного комплекса, и вскоре в пассажирские каюты хлынуло тепло. Доворнобб с наслаждением вздохнул полной грудью. Пилот сделал знак выгружаться. Пока они проходили через телескопический шлюз, Доворнобб, не

отрываясь, смотрел в окно — совсем другие растения! Как далеко видно! Он прищурил глаза, пытаясь рассмотреть отдаленные образы. Какой чистый воздух! Все, что он слышал об этой планете и чему не верил, подтвердилось. Казалось, что к глазам поднесли увеличительные стекла, — вот это да!

— Воздух невидим! — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это потому, что там его почти нет, — ответил Эт Авиан. Гости припали к иллюминаторам, любуясь величественным пейзажем. Какие резкие и отчетливые краски: ярко-синее небо с разбросанными по нему светящимися облаками; зеленая трава, простирающаяся до остроконечных гор с одной стороны и до искрящегося под солнцем океана — с другой. Прозрачные купола преломляли свет и порождали призматические образы, медленно перемещающиеся вместе с солнцем и чуть быстрее — с положением наблюдателя.

— О, как прекрасно! — Катеос задохнулась от восторга и, тут же осознав свою ошибку, опустила голову — униженно и послушно.

Все обернулись и уставились на нее. Такой проступок невозможно простить: Мирртис побледнел и закашлялся, даже Доворнобб ужаснулся; стоявший рядом со злосчастной женщиной Х'Ааре быстренько отошел в сторону.

— У нас еще будет время полюбоваться видами. А сейчас пойдемте, — распорядился Эт Авиан. К счастью, солдаты не задерживались на трапе и пропустили выходку Катеос. Руководитель подошел к женщине, взял одну из ее

сумок и направился к выходу. Став свидетелем столь неожиданного знака прощения, Доворнобб импульсивно поднял другую сумку и проследовал за Х'Ааре. При этом он благожелательно улыбнулся съезжившейся от страха женщине и, взяв пример со своего знатного начальника, остался на задних лапах. Добавив к своему багажу сумку Катеос, он занял обе руки, так что прямохождение в таком положении отчасти являлось вынужденным. Тем не менее, в условиях гораздо более легкой гравитации это не составляло особого труда. Оглянувшись, Доворнобб отметил, что остальные спускаются по трапу по привычке на всех четырех конечностях, закинув сумки на спину или подвесив их на специальные крючки под животом.

— Солнечные вспышки, — упорствовал управляющий Золотого рудника. — Именно они вывели из строя нашу систему, разумеется. временно. Нам доложили о каком-то мелком объекте, но мы отнесли это на счет сбоя системы.

Доворнобб посмотрел на Эт Авиана и в ответном взгляде прочел его мнение об управляющем. Да, полная некомпетенция.

— Пойдем дальше, — продолжал Эт Авиан. — У вас есть какая-либо информация о возможном приземлении или столкновении с планетой?

— Или, — вмешался Доворнобб, — вы можете представить орбитальные параметры? —

он повернулся к руководителю группы. — Я мог бы провести симуляцию и определить вероятный участок падения. Кроме того, это позволило бы оценить, с точки зрения пришельцев, перспективные зоны посадки, — Эт Авиан бросил на него мимолетный взгляд, сочетавший и укор, и раздумье.

— Пришельцы? — спросил управляющий. — Вы считаете, что они высадились на Генеллане?

— Ну конечно, нет! — ответил Эт Авиан. — У ученого Доворнобба просто своя терминология. Предмет наших поисков — это зонд, как мы подозреваем, запущенный браконьерами южного полушария. Перед нами поставлена задача определить его характер. Послушав ученого Доворнобба, можно вообразить, что началось второе вторжение. Ха-ха-ха.

Управляющий неуверенно рассмеялся. Доворнобб сокрушенно покачал головой. Он и в самом деле раскаивался. Ведь его же инструктировали! Ученый принялся рассматривать кабинет и встретился взглядом с Катеос. Та уставилась на него дерзко и вызывающе. Он ответил ей тем же и тут же упрекнул себя за несдержанность. Женщина медленно отвела глаза, но Доворнобб знал — она заглянула ему в душу.

Орбитальная симуляция заняла всего лишь одну неделю. Район возможного приземления пришельцев был определен в западной части Корлии. Результаты моделирования Доворнобб сразу же передал Эт Авиану, с нетерпением ожидавшему их. До конца лета оставался всего лишь один месяц. По прошествии этого време-

ни погода изменится, станет непредсказуемой. Впрочем, в одном отношении ошибиться невозможно: она станет холоднее, намного холоднее.

Эт Авиан получил разрешение на суборбитальный полет до океанической станции на Корлии, передал координаты поиска и приказал незамедлительно начать заправку.

Научная станция находилась в дельте большой реки, впадавшей во внутреннее экваториальное море. Именно северное побережье было самой плодородной и умеренной областью на планете. Изредка наиболее отважные крионцы даже решались коснуться обнаженной частью тела ледяной воды океана. Суборбитальный модуль опустился на широкую стальную платформу без закрытой разгрузочной башни. Путешественников снабдили потрепанными скафандрами с гермошлемами. Немного великоваты оказались топливные баки на спине, но при здешней гравитации это оказалось не такой уж помехой. В таком виде они спустились по лестнице на передвижную платформу, а уже затем на поверхность. Внизу их уже дожидались ученые из группы сопровождения и гусеничный вездеход.

Переезд занял немного времени, но гостей с непривычки укачало. Откинулся трап... крионцы вышли и замерли — зеленая трава под ногами, яркое солнце в небе. У трапа стоял невысокий ученый без шлема. Доворнобб удивился: крионец уверенно стоял на задних ко-

печностях и выделялся смуглым цветом кожи. Встречавший широко улыбнулся Эт Авиану и даже осмелился коснуться рукой руки знатного гостя. Посетителей провели через шлюз, после чего они сняли шлемы и получили возможность общаться. Катеос держалась в стороне, но Доворнобб, распахнутый приключением, одарил ее мимолетной улыбкой. Женщина смущенно зарделась, что сделало ее еще привлекательнее.

— Берегите дыхательные аппараты, — предупредил их ученый. — У нас есть несколько запасных, а без них вам будет весьма трудно, — он снова улыбнулся, заражая гостей своим энтузиазмом и оптимизмом. — Сейчас вы на океанической станции. Меня зовут Эт Силмарн. Я здесь главный ученый. Принимать гостей всегда приятно. Особенно старых друзей, — он дружески кивнул Эт Авиану и взял дыхательный аппарат.

Так, понятно — их радушный хозяин тоже из знати. Но у него такая темная кожа, совсем не похожая на нежно-золотистую других членов благородных семейств. Другие ученые, встретившиеся на базе, тоже все смуглые.

— Эт Авиан уже рассказал мне, — продолжал Эт Силмарн, — о вашей миссии. Я буду сопровождать вас к озерам в качестве одного из пилотов. Улетаем на рассвете. На станции вряд ли хватит места для всех, так что мы устроимся на ночь в лагере. Чем раньше вы акклиматизируетесь, тем лучше. Этим воздухом можно дышать, хотя атмосфера разреженная. Предупреждаю: иногда в воздухе присутствуют

ядовитые газы, и при высоком уровне концентрации вы можете отравиться или даже умереть. Особенно в сейсмически активных районах и вблизи больших стад животных.

Но самую большую опасность представляют даже не газы, а отсутствие давления воздуха. Низкий уровень гравитации, что так нравится некоторым из вас, — он бросил взгляд в сторону выпрямившегося Доворнобба, — является причиной и низкого атмосферного давления, составляющего здесь примерно половину от привычного вам. А если оказаться высоко в горах, то у вас может закипеть кровь.

Он огляделся:

— Мы будем довольно высоко, но теоретически это допускается. Напоминаю: носите дыхательные аппараты и берегите их. Воздух у вас не израсходуется, но вот топлива для компрессора может не хватить. Вообще, нашего запаса должно хватить примерно на неделю. Но это касается лишь тех, кто находится в нужной форме. К сожалению, среди вас таких нет, включая и вашего руководителя, — добродушно добавил он. — Сейчас мы выйдем. Я хочу, чтобы вы после того, как наденете шлемы, нашли на правой стороне регулировочную панель. С помощью этих кнопок и датчиков вы можете регулировать давление, температуру и концентрированность воздуха. Там же контрольная панель шлемофона, дисплей и подсветка. Дальше: здесь очень холодно. Вам выданы герметизированные костюмы с дыхательным аппаратом. Воздух нагревается для дыхания, проходя через особую систему подо-

грева... это вопрос жизни и смерти. Когда мы попадем на север, температура опустится до такой низкой точки, какой на Крионе и не может быть. И это днем. Ночью... вы и представить себе не можете — хуже любого кошмара, — Эт Силмарн обвел взглядом свою явно встревоженную аудиторию.

— Хватит о плохом. Теперь хорошее. Я хочу, чтобы половина из вас надела дыхательные аппараты. После того, как мы пробудем снаружи несколько минут, их наденет другая половина. Когда они это сделают, первые могут снять свои аппараты и отведать местного воздуха. Урок состоит в следующем: всегда проверяйте, чтобы по меньшей мере половина группы была в масках. Вы можете поделиться ими.

Они сгрудились в шлюзовом отсеке, и дверь бесшумно скользнула вниз. Х'Ааре сразу же надел шлем, то же сделали Мирртис и двое солдат. Доворнобб старательно избегал встречаться глазами с Катеос, но это плохо ему удавалось. Она снова поймала его взгляд. Ну что ж, Доворнобб чувствовал себя возбужденным и счастливым, готовым разделить с кем-нибудь увлекательное приключение на новой планете. Он кивнул женщине, и они остались без шлемов.

Дверь со свистом открылась. Шлюз затопило светом и звуками. Доворнобб с натугой сглотнул, чтобы уравнять давление, от порыва холодного ветра на глазах выступили слезы, но все эти неприятные ощущения вполне компенсировались неразбавленной свежестью и

чистотой местного воздуха, запахов, звуков. Запахи! Обонятельные железы Доворнобба дрогнули под напором целой гаммы ароматов. Он чихнул. А пейзаж!

Вокруг них невысокие зеленые купола холмов, вверху — синее небо, на северной стороне горизонта — резкая ломаная линия заснеженных гор.

Крионцы вышли на лужайку возле станции. Над изумрудной травой порхали и щебетали красноватые и желтые птички. Гостеприимный хозяин, так и не надевший шлем, разбросал крошки и семена, и с деревьев слетелись на корм десятки других птиц. Катеос, словно очарованная разнообразием цвета и звука, застыла на месте. Потом, подняв голову, по-детски доверчиво улыбнулась Доворноббу. Молодой ученый ничего не мог с собой поделать — он ощущал примерно то же. Голова слегка кружилась, но почему?

Возможно, сказывался недостаток углекислородных соединений.

Эт Силмарн продолжал свою лекцию, гости слушали, но внимание их рассеивалось. Доворнобб, испытывая противоречивые чувства из-за внимания женщины, старался впитать весь этот мир, вобрать все его краски, поглотить симфонию звуков, но через несколько минут им овладело другое ощущение: сначала защищало между глазами, затем в области затылка возникло давление, оно усиливалось, становясь невыносимым. Справиться с этим он не смог, как ни старался, — чихнул несколько раз подряд, вздрагивая всем своим массивным телом.

Смущенный молодой крионец исподтишка огляделся по сторонам — чихали все.

— Пора надеть дыхательный аппарат, — посоветовал Эт Силмарн. — Пыльца. Вы к ней привыкнете.

Доворнобб взглянул на Катеос. Ее лицо пылало, глаза блестели. Смеясь, она кивнула ему. Уже натягивая шлемы, они в последний раз посмотрели друг на друга, взбудораженные восхитительным приключением, соединившим их двоих.

ГЛАВА 21. СВИДЕТЕЛЬСТВА

В шлемах спалось плохо. Всю группу разбудили рано, еще до рассвета, но даже усталость не мешала им любоваться восхитительным переходом ночи в день, яркостью звезд, мерцающих в безлунном небе. На Крионе никто из них не имел понятия, что воздух может быть столь прозрачным.

Но времени на обмен впечатлениями не оставалось, да и ветерок не позволял стоять на месте. Включив фонари, исследователи принялись за работу: свернули палатки и упаковали оборудование. Лето заканчивалось, и это ощущалось во всем.

Не успели дрожащие от холода ученые пройти по тропинке путь до станции, как первые лучи уже подтопили холод ночи. На взлетной дорожке застыли два аэролета, свет фонарей отражался от их полированных белых фюзеляжей. Крылья аэролетов, вынесенные ближе к кормовой части, располагались над иллюминаторами, не мешая, таким образом, вести наблюдение; мощный двигатель с векторальной трубой помещался над лонжеронами.

— Загружайте оборудование в аэролет, —

распорядился Эт Силмарн. — Мы называем их «крылатыми мышами».

После достаточно горячего спора между Эт Авианом и капралом, старшим из отделения, вся группа разделилась на две части: в первый аэролет сели Эт Авиан, Катеос, Доворнобб и двое солдат, остальные — разместились во втором.

— Крылатые мыши? — спросил Доворнобб у Эт Авиана. — Разве это не хищные птицы из мифов?

Тот кивнул.

— Да, но так называли и тех существ, которые обитают на этой планете, — поговорим об этом позже. Посмотрите — солнце встает.

Действительно, было чем любоваться: сквозь слой облаков пробивались золотистые лучи, раскалявая фиолетово-синий купол уходящей ночи.

Оставив за спиной рассвет, тяжело груженные аэролеты прокатились по взлетной полосе и неуклюже поднялись в воздух. Оторвавшись от поверхности, они развернулись и легли на нужный курс. Доворнобб прилип к иллюминатору, глядя, как величаво плывут — некоторые как будто рядом! — заснеженные пики.

— Я хочу, чтобы вы работали вместе, — сказал Эт Авиан.

Его голос вывел Доворнобба из транса. Катеос сидела слева от него, но ученый старался не смотреть на нее, потому что постоянно ощущал на себе ее взгляд. Он заметил, что солдаты прислушиваются к их разговору, презрительно кривя физиономии.

— Да, я слушаю вас, — невпопад откликнулся Доворнобб.

— Это значит, что вы постоянно должны

поддерживать связь, — продолжал Эт Авиан, внимательно глядя в лицо обоим специалистам.

— Да, конечно, — повторил ученый.

— Это двусторонний процесс, состоящий из передачи и приема, причем делается это поочередно. Вы понимаете?

Несомненно, их благородный руководитель пытался довести до них свои наставления. Как ответить ему?

— Да, да, конечно, — только и смог сказать Доворнобб. Эт Авиан посмотрел на него, потом на женщину.

— Мне очень жаль, — твердо проговорил он, глядя на ученого в упор, — что так получилось с госпожой Катеос. Я надеялся, что мы сможем решить эту проблему после отлета с Криона. Мужчины нашей планеты, похоже, не способны выйти за рамки условностей. Госпожа Катеос, вы должны помочь им. Познакомьтесь с мастером Доворноббом. Сообщите ему обо всем, покажите свои знания и умения, не скрывайте трудностей и нужд. До зоны поисков мы будем добираться еще два дня, и лучше всего потратить это время на то, чтобы выяснить общие задачи и добиться взаимопонимания.

— Да, Ваше сиятельство, — Катеос гордо подняла голову. — Я понимаю и постараюсь, чтобы мастер Доворнобб оценил мой вклад в экспедицию.

— Хорошо, — сказал Эт Авиан и посмотрел на солдат. — Я оставляю вас, у меня еще есть дела с капралом Лонго.

Он двинулся по узкому, заставленному вещами проходу к капралу. Доворнобб знал, что

руководитель хотел разместить членов экспедиции на одном аэролете, а солдат — на другом. Капрал резко возражал, заявляя, что ему дан приказ следить за всеми, а разделение по принципу, предложенному Эт Авианом, препятствует его исполнению. С подобной логикой спорить невозможно, но Доворнобб чувствовал, что здесь что-то не так.

— Я говорю на восьми языках, мастер Доворнобб, — заговорила Катеос.

Какое тщеславие, подумал ученый.

— Я и не знал, что на Крионе их так много, — ответил он, не зная, что еще можно сказать.

— На нашей планете по меньшей мере двадцать современных языков и раз в десять больше диалектов. Север более однороден, потому что там давно существуют тоталитарные режимы. После Великой бойни правители Севера подчинили себе отдельные племена и запретили пользоваться их языком. Некоторые из них попросту истреблены. Южные регионы так и не подчинились тирании Севера.

Доворнобб обеспокоенно поднял голову. Ему самому нередко доводилось говорить о неэффективности правительства, но он делал это осторожно, избегая прямых обвинений и жестких определений, он всегда знал, где нужно остановиться, особенно в разговорах с незнакомыми. Эта же женщина говорит вещи, граничащие с изменой государству.

— Как переводчик Министерства внутренних дел, я объездила всю планету. Это смешно, но когда я перевожу глупые речи некоторых напыщенных чиновников, мой голос благожела-

тельно воспринимается противной стороной. Меня часто просят переводить лидеры других стран, — она говорила увлеченно, будто ее прорвало.

— О, — пробормотал Доворнобб, нервно оглядываясь.

— Я слушала пленки с записью разговоров пришельцев, — заговорщицки выпалила она.

— Что? — встрепнулся Доворнобб. — Пленки из астрономического института? Но ведь там в основном не разговоры, а просто радиопередачи по всему диапазону.

— Я слушала только речь, — ответила она. — Эт Авиану хочется, чтобы мы работали вместе, так что вы можете объяснить мне, что там на этих пленках.

— Хм, — Доворнобб задумался. — Без компьютерной сети это невозможно.

— Нет, конечно, но в этой экспедиции от нас многого и не ждут. Сейчас у нас другая цель: осмотреть место крушения и то, что осталось от него. Мастер Мирртис и мастер Х'Ааре — специалисты по ракетным двигателям и технологиям. Мне нужно искать артефакты и документацию, которые могли бы помочь понять их язык. Я также квалифицированный археолог.

Уважение Доворнобба к собеседнице все возрастало, но причина заключалась не столько в ее словах, сколько в облике и силе характера.

— Госпожа Катеос, — сказал он. — Ваши рекомендации впечатляют, но, пожалуйста... — ученый придвинулся ближе к ней. — Выбирайте выражения. Следите за тем, о чем вы гово-

рите. У Верховного Лидера повсюду уши, — он многозначительно кивнул в сторону солдат.

Она вздохнула, черты лица посуровели.

— Мастер Доворнобб, — тихо сказала женщина, едва шевеля губами. — Мне жаль. Конечно, мои суждения не предназначены для широкого круга слушателей. Дело, видимо, в том, что перспектива совместной работы с вами взволновала меня, и я не сдержалась.

— Вы взволнованы... Вы хотите работать со мной? — недоверчиво спросил Доворнобб.

— Да! — ее темно-карие глаза вызывающе-откровенно уставились на него. — Вы были очень добры. Помогли мне с багажом в тот день, когда мы прилетели и я так безобразно проявила свои чувства. Для этого требовалась смелость. Вы, похоже, симпатизируете мне... в отличие от остальных. Ко мне никогда так не относились. Вы даже улыбнулись мне... в общественном месте. Вы очень добры.

Доворнобб покраснел. Крионцы очень редко обменивались комплиментами, разве что пустыми, формальными. И сейчас он смутился. Теплое чувство, охватившее вначале его лицо, захватило сердце и дошло даже... Вот еще!

— И еще, вы так умны, — продолжала она, придвигаясь ближе и касаясь его руки. — Эт Авиан говорил, что вы очень быстро продвигаетесь в своей области. Вас считают одним из лучших астрофизиков. Он сказал, что вы — гений.

Доворноббу все это льстило — выслушивать такие хвалебные слова ему еще ни разу не доводилось. Он, конечно, знал, что институт часто публикует доклады за именем директора

Мота, в которых иногда содержатся ссылки на его исследования, но ему и в голову не приходило, что наверху признают его ведущую роль во всех разработках. Ученый преисполнился чувством благодарности.

— Вы такой смелый! — она и не думала останавливаться, а уж Доворнобб и подавно не желал этого. — Эт Авиан ценит вашу инициативу. Ведь это вы отыскиали место катастрофы.

Она замолчала и посмотрела прямо в глаза Доворноббу. В этом взгляде было то, чего не было в словах. Ученый благодарил судьбу, что на нем скафандр, что все в шлемах с воздухоочистителями, потому как его эмоции вырывались из тела с таким запахом, что сомнений не оставалось — он влюбился.

— Мы делаем посадку на ночь, — объявил Эт Авиан.

Несколько последних часов они провели, обсуждая самые разнообразные вопросы и темы. Доворнобб видел, что знатный крионец доволен: на него произвела впечатление глубина знаний обоих ученых.

— Довольно низко опускаемся, — сказал Доворнобб, с любопытством вглядываясь в иллюминатор и ощущая вибрацию мощного двигателя. Ландшафт постоянно менялся: горных пиков стало гораздо меньше, показались голые склоны с уцепившимися за них шапками снега и ледниками, чуть ниже — дымка облаков, обволакивающая более низкие участки, сквозь их пелену пробивалось пульсирующее сияние огненно-красной лавы. Чуть позже Доворнобб понял, что облака — это смесь пара и пепла, выбрасываемая целой цепью вулканов. Кое-где

в просветах мелькала обезображенная и расколотая извержениями земля.

— Ночью это зрелище особенно восхитительно, — сказал Эт Авиан, сидевший чуть позади Доворнобба. — На темном фоне гор потоки красной лавы, фейерверки извержений... великолепно!

— А нужно ли садиться так близко? — поинтересовался Доворнобб.

— Это только так кажется, — рассмеялся его сосед. — Хотя было бы неплохо оказаться поближе, там теплее.

Внизу под ними снова все переменялось: сероватые потоки лавы сменились зелеными коврами трав. Аэролеты вошли в долину, окаймленную остроконечными скалами. Параллельно их курсу по дну долины бежал ручей, скупом мерцая в опускающихся на землю сумерках. Аэролет сбросил скорость, мотор натужно взревел, и земля, кажется, сама бросилась под колеса. «Крылатая мышь» слегка подпрыгнула, прокатилась несколько метров и остановилась.

Было еще достаточно светло, но ледяной ветер ворвался в кабину через открытые двери, напомнив о том, что ночь уже близка. Крионцы хотя и готовились к этому, но резкая смена температуры заставила их поежиться. Все поспешили повернуть терморегуляторы. В таких условиях неизбежен большой расход горючего. Ученые помрачнели — провести на таком холоде целую неделю равнозначно тюремному заключению! Эт Силмарн и Эт Авиан заторопили своих коллег. Пилот приступил к другой важной операции: ему нужно было закрепить аэролет. Доворнобб обратил внимание,

что земля под ногами подрагивает, и вопросительно взглянул на Эт Силмарна.

— Пусть вас это не тревожит, — закричал тот, пытаясь перекричать ветер. — Здесь это постоянное явление. Чем скорее вы установите палатки, тем быстрее спрячетесь от холода.

Используя аэролеты в качестве заслонов от ветра, они надежно закрепили три палатки. В первой устроились Эт Авиан и пилоты, четверка солдат укрылась во второй, а ученые заняли третью. Было тесновато, но зато теплее.

— Прекрасно, да? — спросил Эт Силмарн, входя через термальный шлюз. Все четверо уныло посмотрели на него. — Погода сегодня не по сезону, но в палатках довольно тепло — отключите ваши дыхательные аппараты. Вы же даже поесть не сможете, не снимая шлемов. Первым делом, давайте приготовим пищу. Будьте внимательны. Вам нужно научиться делать это самим.

Не обращая внимания на подземные толчки, Эт Силмарн установил в вентилируемом отсеке плиту и подключил необходимое оборудование. Ужин приготовили быстро и столь же быстро проглотили. В палатке стало теплее, ученые понемногу привыкали к новым условиям и даже находили определенный комфорт. Утолив голод, они почувствовали себя спокойнее и вскоре уже оживленно обменивались впечатлениями о своем столь увлекательном приключении. Ученый Х'Ааре даже снизошел до разговора с Катеос. Ученый Мирртис, едва сдерживая энтузиазм, все же не забывал о приличиях. Женщину он игнорировал, однако не возражал и даже отреагировал довольно благо-

душно, когда Катеос осторожно выразила свое мнение.

— У нас есть еще работа: нужно заправить «Крылатую мышь», — сообщил Эл Силмарн. — Это придется делать ежедневно, но чем быстрее вы научитесь, тем меньше времени будет отнимать эта операция. Слушайте внимательно! — он объяснил задачу и распределил обязанности. Выслушав инструкции, ученые надели шлемы и вышли вслед за пилотами.

Похолодало, но теперь крионцы не были застигнуты врасплох. Из грузового отсека выкатили бочки с топливом и перекачали в расположенные под крыльями баки. Работа спорилась, и все прошло спокойно и почти без криков. Выполнив необходимую повинность, ученые в хорошем настроении вернулись в тепло палатки, ощущая приятную усталость после совместно выполненной работы. Снова завязался разговор, и на этот раз все четверо участвовали в нем на равных.

— Организуйте круглосуточное дежурство, — приказал Эт Авиан, чувствуя, что даже его терпению приходит конец. Капрал Лонго снял шлем и почесал нос.

— Слишком холодно, ваше сиятельство, — заныл Лонго. — В таких условиях мы не выдержим. У меня нет инструкций...

— Вам поручено защищать нас, — перебил его Эт Авиан. — Чем вы собираетесь заниматься? Отсиживаться в палатке? Кто будет нас охранять?

— Да от кого здесь охранять? Разве что от холода? — непочтительно отозвался Лонго.

— У вас опыт Генеллана, — раздраженно сказал руководитель экспедиции. — Вы, конечно же, знаете обо всех опасностях. Здесь водятся медведи и хищные ящерицы, крылатые мыши и стервятники, горные собаки и рыси. Так что холод — это наименьшая из бед.

— Хищные ящерицы? — встревожился Лонго.

— Да, хищные ящерицы. У ваших солдат есть полевой опыт?

— Мы служили на Золотом руднике, вот и все.

— И?.. — спросил Эт Авиан.

— И все, ваше сиятельство, — ответил капрал, — никто из нас не провел в поле больше трех-четырех ночей.

Эт Авиан устался на Лонго.

— Выставьте пост, — приказал он. — А я проверю. Будьте готовы, но не бойтесь. Вряд ли кто-то приблизится к нашим палаткам. Животные очень осторожны. Если кто-то сунется, стреляйте в воздух. Этого будет достаточно, — он повернулся, пригнулся и вылез наружу, не надевая шлема; гнев мог вызвать потерю тепла на время перехода из одной палатки в другую.

Лонго опустил на колени в центре палатки. Ветер бился в стену, напоминая о царящем за ней холоде.

— Вы думаете, он что-то подозревает, полковник? — спросил один из одетых в черную форму солдат.

— Капрал, идиот! — зарычал Лонго. Солдат потупился.

— Возможно, — уже мягче произнес полковник, он же капрал. — Б'Аанне, ты идешь первым. Два часа. Следующий — Лооте, потом Ринник. То, что он сказал, правда — это всего лишь животные. Они боятся шума.

— Если только ты их увидишь вовремя, — пробормотал Лооте.

— Заткнись и выполняй! — бросил Лонго.

Почти еженедельно ученые океанской станции отправлялись на рыбалку вверх по большой реке. Прибрежные воды изобиловали рыбой, морскими млекопитающими и крабами, но всеобщим лакомством стала одна, которую крионцы называли пеструней. Она водилась только в чистых водах реки. Ученый Кот и техник Суппре получили задание взять моторный скиф, отправиться вверх по реке и пополнить запасы пеструни — приятная обязанность, а также возможность отдохнуть от ежедневной монотонной работы, сбора информации и ее каталогизации. Официально целью их поездки являлся метеорологический контроль и пополнение коллекции биологических экземпляров.

Солнце только всплыло из-за горизонта, когда Кот и Суппре снарядили скиф и поплыли вверх по течению. Река катилась неторопливо, крионцам сопутствовала приливная волна. Им нужно было добраться до того места, где лента потока, расширяясь, разрывалась на десятки речушек и ручьев, образующих солончатую дельту.

Путь неблизкий, но ежедневное чудо рас-

света, величественного и таинственного, превращавшего ночь в день, не давало скучать, а постепенный подъем температуры создавал необходимый комфорт. С наступлением утра ожили берега: на прибрежные лужайки выпали газели, тысячи птиц приветствовали проходящий скиф веселым чириканьем, спугнутая появлением чужаков водная живность плеснула во все стороны, ища прибежища в реке и даже за ее пределами. Дважды они наткнулись на огромных черноспинных монстров, лениво лежащих у отмели.

Наконец крионцы причалили к хорошо знакомому островку. Их излюбленное место представляло собой песчаную косу, открытую солнцу, но защищенную от северных ветров невысокой холмистой грядой. Река, охватывающая остров с обеих сторон, широкой полосой ограждала ученых от возможного нападения хищников, хотя небольшая группа пушистых короткохвостых зверьков находила здесь постоянный приют.

Пока техник Суппре разгонял мышей и крыс, ученый Кот разгрузил оборудование и установил сети. Покончив с наиболее трудоемкой частью задания, оба крионца вытащили из скифа удочки и забросили леску в тихую воду. Теперь можно было и расслабиться. Солнце уже поднялось высоко и пригревало, так что ученые поочередно снимали защитные костюмы и шлемы, предаваясь получасовой неге. Теплый песок принимал их мускулистые тела, солнце припекало, ветерок гулял за холмами. Неудивительно, что за все время существования станции еще ни один крионец не от-

казался от такой командировки. Через полчаса загорающий поднимался, слегка поеживался, облачался в костюм и шлем и отправлялся проверить сети, а его напарник раздевался и, затаив дыхание, опускался на мягкое ложе. Время от времени удище дергалось, погружалось в воду и нервно дрожало. Тогда одетый крионец выходил из полудремы, наклонялся и вытаскивал бьющуюся рыбу. Добытые биологические образцы хранились в специальном резервуаре в трюме скифа.

Рыбалка шла хорошо, и уже после полудня резервуар оказался полон. Солнце опустилось, потянуло прохладой: день клонился к вечеру, и отдохнувшие крионцы, уже одетые, стали собирать рыболовные снасти.

— Я погружу сети, — сказал Кот, — а ты займись сбором метеоданных.

— Ох уж эта работа, — пробурчал Суппре. Захватив инструменты, он побрел по берегу и вскоре исчез в кустах.

Но отсутствовал он недолго. Через несколько мгновений техник выскочил на всех четырех, крича что-то невнятное. Кот выронил сети, не зная, прыгать ли в лодку или бежать на помощь к коллеге.

Внезапно Суппре остановился и повернул назад.

— Иди сюда! Быстрее! — закричал он. Кот последовал за ним неуверенной рысцой.

На песке у подножия холма лежал обломок плота, длинная веревка колыбалась на воде. К бревнам были привязаны два маленьких шлема и рюкзак. Рядом — миниатюрное оружие. Не сводя глаз со странных предметов, ученые обо-

шли полузатопленный плот и даже отважились приблизиться к нему, войдя в ледяную воду.

— Шлем, конечно, — сказал Кот, указывая на пристяжной механизм. Он наклонился и поднял находку. — Но какой крохотный! — шлем свободно помещался у него на ладони.

— А это, несомненно, оружие, — добавил Суппре, отвяывая заржавевшую винтовку. Его толстый палец не проходил к курку.

— Эт Авиан захочет посмотреть на все это, когда вернется с Севера.

Через неделю Доворнобб держал шлем в руках, удивляясь его миниатюрным размерам. Как может существо с таким крохотным мозгом путешествовать между звездами? А может, мозг у него вовсе не в черепе? Или у него две головы? В конце концов, на плоту было два одинаковых зеленых шлема и только один рюкзак.

— Вот так, — сказал Эт Авиан, держа второй шлем так, словно это была священная реликвия. — Мы летим через весь континент, чтобы посмотреть на ничего не значащий холм, а столь прекрасные улики лежат, можно сказать, у порога.

— Нет, я не могу с вами согласиться, — вмешался Х'Ааре. За время экспедиции его энтузиазм так вырос, что к моменту возвращения ученого пришлось сажать в аэролет чуть ли не силой. — Мы много узнали из обломков.

— И теперь мы лучше подготовлены к следующему году, — добавил Мирртис. Хотя он

более других страдал от трудностей походной жизни, его настроению это не повредило.

— Дело в том, что мы не отыскиали ничего о самих пришельцах: ни записей, ни изображений, ни инструментов, — сказала Катеос уверенным тоном, вызвав прилив гордости у Доворнобба.

— Совершенно верно, — согласился Эт Авиан. — Но мы можем представить себе их внешность. Главное же в том, что точно установлено: первое — они на Генеллане, и второе — мы можем сузить район поисков до долины реки.

— И все-таки это обширная территория, — заметил ученый Лолле. — Сейчас нам придется прекратить эту работу, ведь надвигается холодный сезон. Зимой они, вполне возможно, погибнут, если вообще еще живы. Только животные могут перенести генелланскую зиму.

Доворнобб взглянул на Эт Авиана. Он знал, что решение уже принято. Рассчитывать, что пришельцы дотянут до следующего лета, нереально. Молодой ученый отвел глаза в сторону и только тут обратил внимание на капрала Лонго, молчаливо стоящего в углу.

ГЛАВА 22. В ПОХОД

Юный Браппа оказался в числе избранных для осенней экспедиции за солью, участие в которой считалось почетной обязанностью и давало право называться воином: у обитателей скал были и другие обряды посвящения, но этот считался наиболее трудным. Когда Куудор сообщил о решении Браану, сердце вождя погрузилось во тьму мрачных предчувствий, ведь многие так и не возвращались домой из дальнего похода, но отцовское беспокойство скоро рассеялось — экспедиция за солью требовала серьезной подготовки, и времени на пустяки не оставалось. Дел оказалось много. Когда старейшины объявили о том, какое количество соли требуется племенам, Браан впал в отчаяние — сто полных мешков. Но только вздохнул и забыл о своих эмоциях — в жизни приходилось со многим соглашаться. Обязанность его как вождя заключалась в том, чтобы известить соплеменников и найти добровольцев: охотники никогда не отказывались от того, что считали своим долгом, а потому везде Браана принимали с уважением, хотя и без особой радости.

Мелодичный звон возвестил о наступлении кануна похода за солью; юные стражи с тонкими серебряными трубочками, висящими у шеи, облетели окрестные скалы, чистый звон металла мало соответствовал предстоящему испытанию. Золотистые вечерние небеса потемнели, семьи охотников отмечали важное событие в жизни каждого воина.

Избранники — воины и стражи — улеглись спать, уверенные в собственной отваге и гордые за возложенную на них ответственность.

На рассвете все охотники — молодые и старые — облачились по-боевому и спустились со скал, заполнив узкие тропинки и туннели колонии. Чуть позже тысячи воинов столпились у обрыва — целое море черных горящих глаз и легких крыльев. Над толпой колыхались пики и луки. В самой середине этой массы гордо застыла сотня вооруженных стражей в боевом облачении — юные стражи, ожидающие последнего испытания, чтобы стать воинами и мужчинами. Пять стражей второго года обучения создавали необходимое звуковое оформление с помощью металлических палочек и кусков гранита, остальные — растянулись напряженной цепью по краю террасы. По сигналу Краага барабаны умолкли.

Как всегда, с восходом солнца посвежел ветер. Молчаливый Браан стоял в одиночестве на небольшой площадке, обводя взглядом собравшихся. С приличествующим случаю достоинством вождь охотников развернул крылья навстречу четырем ветрам, затем повернулся и громко прокричал древний воинский призыв:

кровь закипела в жилах соплеменников, встепенулись их сложенные на спине крылья, как будто электрический заряд эмоций пронзил всех — эхо сотен голосов ударило о скалы и раскатилось по ущелью.

Запела тетива луков, с земли поднялась пыль — экстаз надежды и страха.

Молитва завершилась, Браан пронзительно завизжал и выбросил вперед пику, указывая на Куудора. Тот торжественно вышел, повернулся к своим ученикам и церемонно просвистел имена пятидесяти, включая Браппу, сына Браана. Снова ударили барабаны. Вызванные стражи прыгнули вперед, подняли черные мешки и встали в две шеренги лицом к обрыву — на их лицах застыло суровое выражение. Столпившиеся воины хрипло закричали в такт барабанному бою, понимая неосознанный страх юношей, вспоминая свой собственный. По знаку Браана барабанщики опустили руки. Стражи, не названные Куудором, сомкнули ряды, одновременно разочарованные и обрадованные.

И снова в руках вождя мелькнула пика, на этот раз острие указало на Краага. С суровым выражением на лице старый воин пропел еще шестьдесят имен, теперь уже взрослых воинов. Один за другим они выступили из толпы, большинство с мешками для соли. Первая десятка, самые лучшие, в число которых входили Тинн и Ботто из клана Ботто, имели при себе только оружие. В походе они будут разведчиками, на них ляжет бремя охраны отряда; они и образовали первый ряд. Другие пятьдесят, тоже опытные, но менее закаленные,

выстроились в шеренги за первой десяткой. Во время экспедиции каждый из них станет инструктором и телохранителем новичка, ответственным за его жизнь и обучение.

Толпа зашевелилась, слышались возбужденные голоса. Браан драматически воздел руки — голоса стихли, прекратилось движение, и в наступившей тишине из глубины ущелья доносился только рокот реки, разбивающейся о порог. Снова закричал Браан, требуя воздать хвалу добровольцам. То, что началось, напоминало бедлам, только ритуальный: собравшиеся охотники затянули песнь смерти, прославляли ее, как достойный переход к вечному покою. В ней звучало грустное признание охотника: жизнь закончилась, силы на исходе, и он готов принять смерть.

Ужасное завывание поднималось все выше и выше, доходя до частот, известных только бессловесным животным и обитателям скал. Нагнетая темп, ударили барабаны. Браан соскочил с выступа и встал рядом с Краагом во главе колонны. Вдвоем они промаршировали к обрыву, хлопая по ходу крыльями. Колонна двинулась за ними, сохраняя интервал между шеренгами, подбадриваемая свистом остающихся. Свежий ветер поднял всю экспедицию, вынес ее из ущелья, и там колонна перестроилась, образовав два сходящихся крыла. Прощальный свист и топот ног провожающих неслись вслед воинам и стражам. Тысячи охотников поднялись в воздух, подобно черным струям дыма, и повисли над плато, следя за исчезающим за северным горизонтом отрядом.

— Смотри! — воскликнул Макартур, указывая вперед, в направлении плато. В небо возносилось черное облако.

Буккари поднесла к глазам бинокль, остальные члены патруля — О'Тул, Честен и Джонс — тоже обернулись к плато.

— Наши друзья, — сказала лейтенант, опуская бинокль. — Их там тысячи. Возьми, посмотри сам.

Облако медленно таяло в вышине, рассеивалось, от него отделялись точки и, паря, опускались на плато.

— Что все это значит? — спросил Макартур.

Буккари взглянула на него и пожала плечами.

— Может, они ждут вашего письма, лейтенант? — настаивал он.

— Это было бы чудесно, — ей не хотелось терять время на разговоры. Она с нетерпением ждала возможности оставить следующую группу рисунков. От обитателей скал после той первой попытки обмена информацией ничего больше не поступало. Она внимательно посмотрела на небо. Погода менялась.

Ее группа направлялась в долину Макартура — последняя вылазка до наступления зимы. Буккари с трудом подавила огорчение и злость. Она хотела, чтобы весь экипаж перебрался туда, пока не выпал снег. Если верить Макартуру, там было теплее, водилось больше живности, да и леса гуще и разнообразнее. Однако

Квинн принял другое решение — зимовать на плато. Буккари сомневалась, что в нынешнем своем состоянии командор способен сделать правильный выбор, уж очень был удручен гибелью жены. Он целыми часами пребывал в одиночестве, и только неотложные дела могли заставить его принимать решения. В большинстве случаев Квинн оставался безразличным, выслушивал Буккари с отсутствующим видом и лишь согласно кивал головой, но в данном случае уперся и последовательно отклонял все попытки убедить его в необходимости перебраться на новое место. Кое-какие основания для такого упрямства у него, правда, имелись: чуть ниже пещеры, на склоне холма, появились два солидных бревенчатых домика и кладовая для припасов, рядом высилась внушительная пирамида дров, а главное — пещера, дававшая ощущение постоянства и безопасности. Чисто эмоционально экипаж сроднился со своим первым лагерем. Поддержанный Шэнноном, Квинн объявил, что к зимовке они готовы.

Когда эта самая зима наступит, оставалось загадкой. Ветер покусывал все сильнее, воздух пропитался другим запахом, но Буккари упрямо стояла на своем: еще одна разведка до снега. Она надоедала ему, преследовала, просила, требовала. В конце концов Квинн сдался, наверное, только для того, чтобы отвязаться от нее. Буккари сама сформировала патруль и немедленно выступила. Ей хотелось взяться за подготовку к весне, а для этого крайне важно побольше узнать о долине.

— Холодновато придется, — сказала она.

— Да и сейчас нежарко, — отозвался Джонс.

— В чем дело, боцман? — спросил О'Тул. — Я-то думал, что тебе нравится играть в такие игры.

— Да, боцман, — поддержал его капрал. — Будь мужчиной. Верно, лейтенант?

— Да, боцман, — улыбнулась Буккари. — Будьте мужчиной. Пошли, капрал!

— Есть, капитан, — ответил Макартур и повернулся в сторону горизонта.

Браан парил, описывая широкие круги и определяя высоту по давлению в ушах. В этом году было не по сезону холодно, но юго-западный попутный ветер толкал в спину, помогая быстрее преодолеть равнину. Пока все складывалось удачно.

Шли часы. Ветер уносил их все выше, но самочувствие Браана ухудшилось. Пухлые облака, невинно проплывавшие мимо, внезапно исчезли, сменившись угрожающей черной тучей. Белые гребни взметались все выше, а внизу уже гремели серебристые вспышки. Браан уклонился к западу, надеясь проскользнуть позади грозовых гигантов. Конечно, это серьезная помеха. Они могут обойти грозовой фронт, но на это уйдет много времени. Попытаться же пролететь через темно-фиолетовую завесу — безумие. Еще один оглушительный удар грома, звоном отдавшийся в чувствительных сонарных рецепторах, и целая гроздь голубых стрел, прон-

живших громадные резервуары влаги. Охотники пробивались навверх сквозь крошечный ужас туч, но путь вперед был блокирован. Браан медленно опустился вниз и просвистел команду. Командовавший левым крылом Крааг последовал за ним и образовал свой эшелон. Уже упали первые капли дождя, а тучи погасили последние лучи солнца. Охотникам пришлось торопиться, что тоже было нелегко: спуск затрудняли воздушные турбуленции и быстро ухудшающаяся видимость.

Испуганные бурей, охотники то и дело испускали сонарные импульсы, но это мало помогало в общей атмосфере неуверенности. Браан, шедший во главе, руководствовался лишь зрением и инстинктом. Тем не менее, ему удавалось сохранять спокойствие. Начался дождь, через несколько секунд превратившийся в ливень. Браан подал сигнал: уходить поодиночке. Облака поглотили их всех. Никто не мог определить, куда уносит охотников мощный воздушный поток. Браан упрямо пробивался вперед, пытаясь еще больше увеличить скорость спуска и надеясь, что колонна следует за ним. Надежды таяли. Теплые воздушные массы толкали их вверх. Но чем дольше охотники остаются здесь, тем больше их разбрасывает буря. Он еще раз повторил команду на спуск и прижал крылья к спине. Течение ударило в грудь, но уже не могло удержать; вождь пригнул голову и камнем устремился к земле.

Он провалился через черно-серый слой, перед глазами неожиданно расплылась темно-

зеленая от дождя равнина, мчащаяся ему навстречу. Браан распластался и чуть-чуть приоткрыл крылья, чтобы притормозить, сбросив вертикальную скорость. Но и для того, чтобы остаться в небе, требовалось поработать: мокрое тело тянуло вниз — все ниже и ниже под непрерывным дождем. Он не забывал посылать сигналы своим товарищам. Со всех сторон доносились ответные крики, охотники ориентировались на своего вождя и тянулись к нему. Через полчаса все уже были на земле. Обошлось без жертв. Браан перегруппировал отряд, готовясь к возобновлению экспедиции.

Тучи промчались, оказавшись предвестниками надвигающегося фронта. Колочий ветер с севера окреп, температура резко упала, под ногами трещали градины, а над головой проносились пронзительно-голубые куски холодного неба. Идти приходилось пешком: холодный, влажный воздух не держал их веса. Воины образовали две колонны с интервалом в десять пядей между ними. По флангам Браан поставил опытных охотников и приказал Тинну с двумя воинами выдвинуться в авангард; Крааг с остатками ветеранов отошел назад — рыкуны обычно нападали со спины. Основная масса хищников обитала восточнее, там, где начинали свою миграцию огромные стада, но упрямые овцебыки все еще бродили здесь, привлекая к себе небольшие стаи голодных зверей. Браан хрипло прокричал команду, и охотники двинулись вперед. Шаги у них получались короткие, но все же колонны упорно продвигались по тундре. Вождь с гордостью смотрел на своего сына, твердо шагающего вместе со всеми.

Не прошло и часа, как по равнине прокатился шквал, обрушив на спины охотников серую стену ледяной воды. Едва потоп миновал, как уши Браана восприняли тревожный крик Тинна. Вождь остановил колонны, а сам устремился вперед. Тинн находился на невысоком гребне, почти у вершины. Когда Браан подошел поближе, из-за гребня поднялся в воздух громадный орел. Вождь засвистел, призывая Тинна и его товарищей отступить. Немыслимо противостоять чудовищной птице втроем. Оставшиеся позади колонны не вызвали тревоги, у них достаточно сил, чтобы отбить нападение дюжины орлов.

Разведчики Тинна отступили, рассыпавшись по склону. Сам Тинн бесшумно развернул крылья и прыгнул вниз. Браан с тревогой заметил, как орел резко вскинул голову, уловив движение крыльев. Птица-убийца тяжело поднялась в воздух, развернулась и, подгоняемая ветром, с невероятной быстротой преодолела расстояние, отделявшее ее от разведчиков. Выбора не оставалось — вождь охотников снова просвистел, только теперь это был сигнал к атаке. И сразу же рванулся вверх, с шумом развернув крылья. Главное — успеть набрать высоту и скорость, думал он, вытаскивая короткий меч.

Отважные разведчики услышали команду Браана — захлопали крыльями и устремились на перехват, скользя по мокрым камням. Тинн резко развернулся в сторону опасности, взмахнул крыльями, поднимая с земли фонтан брызг и грязи, подпрыгнул. Тактически их маневр не удался — оба воина разлетелись в разные сто-

роны, но медлить было нельзя. Охотники издали боевой клич и набросились на врага.

Орел нацелился на Тинна, но, по мере приближения других противников, его внимание рассеялось. Браан бесстрашно несясь прямо вперед, целя мечом в злобный желтый глаз хищника. Столь прямая угроза со стороны явно опасного противника заставила орла уклониться, но Браан отреагировал на маневр и, резко развернувшись, нанес удар. Однако остановить инерцию он уже не мог: от столкновения охотник потерял управление и камнем полетел вниз, в последний момент все же успев расправить крылья и смягчить удар о мягкую влажную землю. Перекувыркнувшись, вождь снова взмахнул крыльями, пытаясь взлететь и поскорее набрать высоту.

Орел пострадал меньше. Издав ужасный крик, он, влекомый той же инерцией, переключился на первоначально выбранную жертву. Полуослепший и разъяренный от боли, хищник устремился к Тинну, явно намереваясь разорвать несчастного на кусочки. Охотник, заметно уступая в высоте, конечно, мог только обороняться. Продолжая скольжение, он ждал до последнего момента и лишь тогда, когда враг уже был рядом, ринулся вниз, пытаясь уклониться от смертельного удара клювом, но пространства для подобного маневра уже не оставалось — коготь птицы рассек спину Тинна, и тот мгновенно камнем рухнул на землю.

Оба разведчика отчаянно пытались отвлечь орла, но они заметно уступали ему в скорости. Браан, поднимаясь все выше и выше, видел, что

хищник опускается к раненому противнику, выпустив смертоносные когти. Времени уже не оставалось, и вождь вытащил лук, положил стрелу и прицелился. Орел, наклонив голову, чтобы лучше рассмотреть добычу оставшимся глазом, повис над Тинном. Браан выпустил стрелу. Мелькнув в воздухе, она воткнулась в глаз птицы, железный наконечник рассек крохотный мозг. С громким криком чудовище свалилось рядом с Тинном, накрыв его крылом.

Орел еще бился в конвульсиях, когда разведчики опустились, держа наготове луки. Браан приготовил еще одну стрелу. Тяжело дыша, охотники осторожно подошли к поверженному врагу. Он вздрогнул и затих.

— Давайте... — едва дыша, прохрипел Браан, — посмотрим, что с нашим товарищем.

Вождь приблизился к раненому: воин лежал на боку, еще живой, судорожно хватая ртом воздух. Браан поправил сломанное крыло, но больше ничем помочь не мог — у Тинна была сломана спина. Веки воина дрогнули, глаза открылись.

— Я был недостаточно быстр, вождь, — прошептал он.

Браан промолчал, ему предстояла тяжелая обязанность. Он поднял голову к небу и запел песнь смерти. Негромкая и размеренная, скорбная и нежная, она разнеслась над равниной, поддержанная голосами разведчиков, и даже Тинн, для которого участие в этой скорбной церемонии оплакивания самого себя было высокой честью, присоединился к соплеменникам. Охотники плакали, не скрывая слез и не

испытывая стыда. В нужный момент Браан опустился коленом на грудь Тинна, бережно и с любовью взял его голову и быстрым, резким движением повернул, сломав шею. Они вырыли неглубокую могилу, положили в нее тело и засыпали грудой камней: Тинн из клана Ботто, воин при жизни, погребен с головой орла в руках — славная смерть для охотника.

Буккари проснулась от запаха жарящегося мяса и звона посуды. Вставать не хотелось, и она с трудом заставила себя вылезти из теплого спального мешка, а затем и из палатки. Утро выдалось холодное, все кругом покрывал слой изморози, а из-за скалы поднимались тонкие струйки пара. За робкой пеленой тумана резкая линия горизонта уже обещала новый день. Солнце еще не встало, но его лучи уже окрасили одиноко плывущее облако нежным розовым цветом. Над костром колдовали Макартур и Честен. Капрал поднял голову.

— Доброе утро, лейтенант, — весело поприветствовал он Буккари. — Сегодня нам повезло, поймали сурка в капкан. Прибережем рыбу к обеду.

Буккари тяжело вздохнула — опять это жирное мясо.

— Вы не заболели, лейтенант? — заботливо спросил Макартур.

— Нет, капрал, все в норме, — ответила она и принудила себя улыбнуться. — Немножко занемела спина.

— Не у вас одной. Едва растолкали О'Тула — не хотел вылезать из мешка. Он сейчас на посту, еле ходит — такая вот походная жизнь.

Она потеряла глаза. Из тумана вынырнул О'Тул, растирая полотенцем грудь. Наверное, умывался, подумала Буккари.

— Где Джонс?

Макартур кивнул в сторону палатки, откуда слышался тяжкий стон, вслед за которым появился и сам боцман, точнее, его широкое красное лицо — все остальное покрывало одеяло.

— Ч-черт! Ну и холод! — Джонс поежился и открыл второй глаз. — Извините, лейтенант! — смущенно поправился он, увидев Буккари. — Я хотел сказать, что тут чертовски приятно. Освежает после сна, — он сбросил одеяло, от души потянулся и повернулся к костру, где жарился сурок.

— М-м, пахнет неплохо! — промычал он. — Надеюсь, что на завтрак не одна эта крыса.

— Ты что, собираешься это слопать целиком? — удивился О'Тул, подходя к огню. — Мало того, что занял всю палатку, мне и приткнуться негде. У меня такое чувство, будто мы женаты. Ты не ирландец?

Джонс улыбнулся.

— Было холодно. Самое время хорошенько подружиться, — объяснил он.

— Кстати, о друзьях, лейтенант, — продолжал О'Тул. — Ваша записная книжка исчезла во время моего дежурства. Я проверил ее, когда заступил на пост — она была на месте, но час назад ее не стало, а на траве — следы. Уходят вон туда, за скалу.

— Наконец-то, — обрадовалась Буккари. — Они что-нибудь оставили?

— Ничего.

Когда над восточным горизонтом поднялось солнце, посланцы за солью оставили за спиной уже много пядей. Издалека доносился едкий запах овцебыков. Само стадо разведчики обнаружили к востоку от отряда. Охотники пожаловали кореньев и чуть изменили курс, чтобы не столкнуться с животными. Их всегда сопровождали всевозможные хищники — жадные, прожорливые, не обращающие внимания на вонь, они упорно следовали за стадом, время от времени нападая на отставших, больных и старых. Браан решил уклониться к западу, чтобы не встречаться с ними. Соленые озера уже недалеко.

Вождь присоединился к разведчикам. Рельеф местности заметно изменился: вокруг расстилась унылая равнина с уклоном на север, туда, где лежали озера с белыми берегами. Судя по разбитой тысячами копыт земле, здесь недавно прошло стадо. В воздухе еще плавала бурая пыль. Один из разведчиков подал сигнал. Браан посмотрел в его сторону и тут же услышал пронзительный вой, пронесшийся над равниной: так и есть — дракон. Они крались в нескольких десятках метрах от них в ложбине, две жуткие длинноногие твари. Одно из чудовищ замерло и, повернув голову, злобно уставилось на колонны охотников. Его мощная шея вытянулась вверх, слегка покачиваясь над плос-

кой, укрытой костяными пластинами спиной. Склонив голову, рептилия принялась, ее усеянный шипами хвост нервно подрагивал. Так же внезапно, как и остановилась, тварь неуловимо повернулась и скрылась из вида. Браан с облегчением вздохнул.

Обычно драконы не появлялись в светлое время суток. Эти «красавчики» были превосходными убийцами, но по каким-то неясным причинам избегали охотников, как будто понимали, что обитатели скал способны дать достойный отпор. Браан был рад этому, он уважал чудовищ. Ему доводилось видеть, как дракон расправлялся с овцебыком. Сила и жестокость этого существа превышали все известное охотнику.

— Вождь! — разведчик поднял руку. — Рыкуны!

По склону долины, не скрываясь, но и не проявляя агрессивности, ленивой трусцой передвигалась большая стая рыкунов. Вероятно, идут по следу драконов, подумал Браан. Серые гривы и серебристые шкуры уже начали линять, через два месяца они оденутся в толстые меховые шубы. Браан инстинктивно повернулся в противоположном направлении — еще одна стая. Разведчик подал сигнал тревоги. Рыкунов было всего шесть, но они неслись прямо на колонны охотников, их облезлые хвосты молотили воздух, как плети.

Один из разведчиков поднялся в воздух и полетел навстречу надвигающейся опасности. Описав два круга, опытный воин буквально свалился с неба в нескольких шагах от обескураженных хищников. Звери отскочили в сто-

рону и, оцетинившись, поднялись на задние лапы. Желтые клыки и острые крепкие когти внушали уважение. Рыкуны злобно заворчали.

Хитрый разведчик подпрыгнул три-четыре раза и, шумно хлопая крыльями, взлетел. Рыкуны, задрав хвосты, оправились от удивления и рванулись за добычей.

Охотник опустился, стряхнул с крыльев усталость и снова взлетел. Так повторилось несколько раз. Стая уходила все дальше от колонны охотников, увлекшись преследованием. Браан одобрительно смотрел вслед воину. Когда рыкуны скрылись из вида, усталый разведчик поднялся выше и спикировал в аррьергард колонны, оставив растерянных рыкунов ни с чем.

ГЛАВА 23. СТОЛКНОВЕНИЕ

Перед колонной охотников, шедшей по берегу соленого озера, открылся безжизненный сюрреалистический пейзаж без перспективы: жизнь здесь существовала как бы в двух измерениях — плоская гладь неживой воды да мерцающие холодные потоки, в которых терялись расстояния и горизонты. Само озеро казалось подвешенным в серой пустоте серебристым миражом. Вождь ушел далеко вперед, время от времени посылая к колонне разведчиков. Охотники уже миновали места старых раскопок, размытых дождем и вылизанных ветром. Браан знал — нужна соль высшей чистоты, ценен каждый гран. Недаром ежегодный поход за ней считался самым важным событием в жизни обитателей скал.

Вождь остановился. В зыбком мареве испарений, струящихся с блестящей поверхности влажной соли, виднелись маленькие животные, тревожно замершие на задних лапках. Ветер доносил до Браана их запах, смешанный с застоялым кислым зловонием соляных низин, — ничего опасного. Вождь свистом подозвал ближайшего разведчика, приказав ему вернуться

к колонне — пусть готовятся к бою. Остальные расположились на флангах, осторожно проверив силу воздушных потоков на случай возможного отступления, Браан продвинулся вперед. Он потянул носом воздух, почуяв знакомый запах. Из колышавшейся белой стены появилось целое племя обитателей гор. Браан остановился в сотне шагов от их стоянки с луком в руке, но без признаков агрессивности; разведчики тоже с оружием наизготовку замерли на флангах. Обитатели гор видели, что Браан приближается к ним, и ждали, вооружившись пиками и ножами, луки были лишь у немногих. Он посчитал в уме — около семидесяти, и растянулись они цепью вдоль старых соляных копей. Их вождь, угрожающе сжав рукоятку ножа, приковывал почти вплотную к Браану, между ними оставалось не более десяти шагов — тоже охотник, только ниже ростом и темнее, да и кремовое пятно на груди отсутствует. Воин был стар — участник многих битв, весь в страшных безобразных шрамах; лицо обветренное, морщинистое, глаза цвета слабого чая.

— Мы пришли первыми, обитатели скал, — сказал вождь обитателей гор.

— Не будем спорить, о воин-с-гор, — ответил Браан.

Престарелый воин прищурился, пытаясь определить численность отряда обитателей скал, но стена тумана надежно укрывала соплеменников Браана. На лице старика промелькнуло разочарование и злость.

— Не нужно бояться, воин, — успокоил его вождь обитателей скал. — Ты поступил мудро,

обязав всех охотников собирать соль. Снега скоро лягут на землю.

— Мы пришли сегодня, — утрюмо пробормотал старый вождь. Браан с трудом понимал его диалект. Обитатель гор злобно смотрел на своего визави: между их племенами нередко случались стычки, соседи совершали набеги друг на друга, предпочитая скорее похищать добытую другими соль, чем предпринимать энергичные усилия для ее доставки издалека. Некоторые племена даже захватывали охотников с солью в плен, принуждая относить ее в жилища захватчиков, где несчастных превращали в рабов или просто убивали.

— Прекрасное место, — сказал Браан. — Здесь чистая соль.

Упрямый старик, поглаживая нож, усмехнулся:

— Не нападай, высокий, — ответил он. — Уходи или будет бой. Мои воины видели много сражений. Мы не отступим.

Браан скользнул взглядом поверх головы своего сердитого собеседника, оценивая силу прячущихся в тумане обитателей гор: усталые, худые. Отчаянный противник — сильный враг.

— Не угрожай мне, о вождь-с-гор, — спокойно сказал он. — Заканчивай свое дело и уходи с миром. Мы не нападем, если только вы не вынудите нас, — Браан повернулся и развернул крылья. Потом он посмотрел в искаженное гневом лицо обитателя гор.

— Твои охотники голодны. Мы убили орла — часть добычи преподнесем тебе в качестве жеста доброй воли.

Он снова повернулся и взмахнул крыльями,

слабый поток воздуха подтолкнул его и, набрав высоту, Браан полетел к своему отряду. Разведчики отступили пешком, прикрывая своего вождя.

Осень коснулась прибрежных кустов. На общем темном фоне иголок заблестели желтые и красноватые пятна, по-новому расцветивая долину большой реки, но вся эта красота, радующая глаза землян во время перехода, меркла перед великолепием долины Макартура. Группа Буккари достигла ее с первыми лучами солнца. Лейтенант, не отрываясь, любовалась спокойными водами озера в чудесном обрамлении увядающей природы. Золотые лучи едва поднявшегося из-за горизонта солнца пронзали сырое покрывало пара, тут и там сияли радуги, а тихие, приглушенные краски осеннего леса отражались в длинном зеркале озера. Еще дальше этот праздник теплых тонов уступал место холодной строгой красоте голубовато-зеленых горных лесов, откуда низвергался на каменное ложе жемчужный водопад. Еще выше сверкал безупречной чистотой ледник.

— О, Боже! Ну и красота! Чудесно! — воскликнула Буккари, захваченная ясной безмятежностью открывшейся картины. Даже тяжелый рюкзак не давил на плечи. — Никогда бы не ушла отсюда.

— Понимаю. У меня тоже такое чувство, — сказал Макатур, трогая носком ботинка корку льда, сковавшего лужицу. Изо рта людей

вырывались клубы пара, как бы отмечая восклицательными знаками их восторг.

Макартур прошел вперед, и она последовала за ним, спотыкаясь, не в силах отвести глаз от сказочного пейзажа. Большая стая птиц с шумом поднялась в воздух, разорвав сонную тишину шорохом крыльев. Патруль двинулся дальше по усеянному галькой берегу в глубь долины. Буккари опустила, наконец, глаза и увидела высокий тростник, в изобилии растущий по заболоченным низинам. В густой траве шмыгали птицы, некоторые облюбовали себе в качестве шеста твердые стебли.

— Задержитесь на секунду, капрал, — приказала она. — Хочу взглянуть кое на что, — сняла рюкзак, потом разулась.

— Пора устроить привал, — сказал Макартур. — У вас мозоли?

— Видите вон ту траву? — спросила она, входя в ледяную воду. — Похоже на злак, — лейтенант внимательно осмотрела высокое — по грудь — растение, нашла несколько семян, оказавшихся весьма похожими на рис. Она сорвала с десятков колосьев, очистила зерна от шелухи и протянула Макартуру ладонь с бледно-белыми зернышками. Инстинкт подсказывал, что это пища. Буккари вышла на берег, обулась и присела на рюкзак, разглядывая находку. Капрал уселся рядом.

— Я здесь бродил несколько часов, но так и не додумался проверить, — вздохнул он.

— Несколько недель назад ты бы еще ничего не увидел, — успокоила она его. — Мало-вато, но попробовать стоит.

Буккари высыпала зернышки в кастрюлю.

— Помочь? — предложил Макартур. Он поднял с земли ветку и принялся за работу. Буккари молча наблюдала: уверенные, проворные руки, напряженное лицо...

Через несколько минут перед ними лежала небольшая кучка зернышек. Они посмотрели друг на друга. Да, это была еда, хлеб, основа существования. Буккари заглянула в глаза Макартура и уже раскрыла рот, собираясь что-то сказать, но замолкла, увидев, как он пристально смотрит на нее. Она поспешно отвела взгляд, боясь, что глаза выдадут ее состояние.

— Их нужно почистить, — голос прозвучал хрипло. Буккари ощутила какое-то странное давление, идущее от этого примитивного мира животных потребностей, сократив ее собственные до самых основных. И не имело значения, что она умеет управлять кораблем, и никому не нужны были ее познания в компьютере, и во все уж ни к чему воинское звание. Перед ней вставала другая перспектива: научиться быть женщиной, хозяйкой в первобытном мире. Сознание еще не сформулировало эту мысль, а инстинкт уже командовал ею, и она ощутила это давление.

Обитатели гор исчезли во тьме. Браан внимательно осмотрел место стоянки — повсюду следы панического бегства. За всю свою долгую жизнь он лишь десяток раз встречался с охотниками из других племен, но каждой встрече сопутствовали страх и недоверие.

— Где будем копать, вождь? — прервал его

размышления Крааг. Как и было приказано, он уже выставил круговое охранение.

— Там, где уже копали раньше, только не углубляйтесь больше, чем на высоту пики. Если потребуется, перейдите севернее и не забудьте, что сначала нужно снять верхний пласт.

— Вот несколько ям, но они загажены, — сердито сказал Крааг.

— Загажены? — удивился Браан.

— Да, пепел, экскременты. Видно, они сделали это нарочно, чтобы мы не воспользовались плодами их труда. Может, нам все же стоило напасть на них?.

— Нет, друг мой, — задумчиво ответил Браан. — То, что мы позволили им уйти, правильно. Начните новые. По крайней мере, теперь нам понятен их страх. Пусть мы останемся для них загадкой. В конце концов, это нам же на пользу.

— Мак, вы с Честеном заканчивайте разведку долины, — распорядилась Буккари. — Боцман и О'Тул останутся здесь. Надо позаботиться о продовольствии, — ее злило, что они могут взять с собой только небольшое количество семян. И почему только Квинн решил остаться на плато? Еще ее злило то, что ей уже не придется полюбоваться долиной; если они и вернутся сюда, то только весной. В общем, настроение никудышное, и Буккари с трудом скрывала это.

— Есть, лейтенант, — ответил Макартур. — Вернемся через три дня.

Буккари долго смотрела им вслед, пока они не исчезли за пригорком. Ей взгрустнулось — без Макартура лагерь опустел, хотя его присутствие постоянно отвлекало от других дел.

Дав инструкции оставшимся, она взялась за работу. О'Тул и Джонс принесли по огромной охапке озерной травы и разложили на гранитной плите. Здесь они сначала обмолотили колосья, а полученные зерна засыпали в холщовый мешок. После этого О'Тул принялся колотить мешком по скале, чтобы шелуха отстала от зерен. Оставалось только провеять семена, что они и делали, подбрасывая пригоршни зерен в воздух над плитой. Ветерок уносил легкую шелуху, а оставшиеся зерна собирали и засыпали в другой мешок. Два дня такой работы под солнцем и ветром изрядно измучили астронавтов, но в результате они получили не только загар, но и тридцать килограммов чистого зерна.

— Мы готовы к возвращению, о вождь, — сказал Крааг. Погода продолжала ухудшаться, дул холодный колючий ветер, от соли у охотников покраснели глаза, а мех покрылся белой коркой.

Браан обошел шеренгу нагруженных солью воинов, проверяя их физическое состояние и подбадривая. Тяжелые мешки представляли для легких воздушных обитателей скал почти непосильную ношу. Он подошел к сыну и похлопал его по спине. Браппа гордо выпятил грудь, но ничего не сказал отцу.

Браан поднял свой собственный мешок, забросил его за плечи, потом вытащил меч и указал им на юг. Крааг и его воины, задачей которых было охранять колонну сзади, ждали, пока охотники пройдут. Они освобождались от груза, как и разведчики, ушедшие вперед. Вскоре соляные поля остались позади. Охотники вышли к холмам, за которыми простиралась равнинная тундра. Колонна двигалась медленно, и охотники то и дело вытирали со лба пот, несмотря на пронизывающий северный ветер. Свинцовые низкие тучи проносились над головой, осыпая обитателей скал мелким неприятным дождем.

Во второй день пути на них напали рыкуны. Стая была небольшая — четырнадцать зверей во главе с серебристой самкой. Крааг заметил хищников на вершине холма и подал сигнал тревоги. Группа воинов двинулась наперехват. Колонна остановилась, но никто не опустил мешок на землю. Охотники переминались с ноги на ногу, нервно поглядывая по сторонам. Они по опыту знали, если опустить мешки, а потом поднять их, на это уйдет немало сил. Браан считал, что охрана вполне способна справиться со своей задачей и отогнать стаю. Он подал знак, и колонна снова тронулась с места.

Самка, поднявшись на задние лапы, замерла на вершине холма. Охотники свистели и кричали. Наконец, хищники спустились в низину и неторопливо затрусили прочь.

Несколько воинов поднялись в воздух. Они подлетели к хищникам, привлекая их внимание свистом. Звери щелкали зубами, злобно рыча-

ли, пытаясь достать пролетающих над их головами охотников. Покружив над стаей, обитатели скал опустились на землю в нескольких десятках метров от противника, как бы предлагая рыкунам пуститься в погоню.

Самка проводила воинов горящими злыми глазами. Стоя, нервно подвывая, ждала ее решения. Хищница обнюхала воздух, перевела взгляд с охотников, заманивающих ее на вершину холма, на колонну, уходящую на юг, и выбрала второй вариант.

Отвергнутые в качестве добычи воины взлетели и подняли крик. Услышав их, Браан приказал колонне остановиться и повернуться к быстро приближающейся стае. В небо взмыли остатки арьергарда во главе с Краагом. Боевой клич прозвучал пронзительно и громко. Браан распорядился опустить мешки. Несколько охотников он отправил в тыловое охранение на замену команды Краага — безопасность прежде всего.

Левая часть колонны приготовилась к бою, правая оставалась пока в резерве. Сам вождь положил на землю мешок с солью и тяжело поднялся в воздух. Рыкуны уже спускались с холма и были на расстоянии полета стрелы. Их ужасающий вой доносился до обитателей скал. Охотники Краага спикировали на головную часть стаи, осыпая ее стрелами на лету — тактика не совсем верная. Крааг пытался выиграть время до прихода основных сил охранения. Отчасти ему это удалось — хищники растерялись, а один упал, пронзенный умело пущенной стрелой.

Самка зарычала, призывая к себе оставших-

ся, но заминка дала возможность пятерым воинам Краага сформировать оборонительную линию на направлении движения рыкунов. Как раз в это время подошло и подкрепление. Охотники расположились полумесяцем, намереваясь обстрелять стаю продольным огнем из луков. Хищники приближались, уже можно было рассмотреть их удлинённые пасти со страшными клыками, с которых падала слона, желтые глаза с покрасневшими белками. Крааг засвистел: огонь! Зазвенели туго натянутые луки, запели пущенные с близкого расстояния стрелы... Три хищника кувыркнулись через голову, то ли серьезно раненные, то ли убитые, но стая прорвалась через линию обороны. Воины взметнулись в воздух, едва избежав щелкающих зубов. Рассерженные рыкуны прыгали, пытаясь достать добычу, так неожиданно исчезнувшую прямо из-под носа.

Атака потеряла свою мощь. Самка, хромая, двигалась вперед, но ей явно мешала засевшая в плече стрела. Она остановилась, ухватила стрелу зубами и стала тянуть, пока не вырвала из раны. Стая пробежала мимо нее, увлекаемая запахом добычи, но уже не столь стремительно. Самка последовала за сородичами, несмотря на заливающую морду кровь из другой раны, на голове.

К этому времени Браан уже приготовился к встрече рыкунов. Обе части колонны разделились, и левая заняла оборонительную позицию. Стая, как обреченная, неслась навстречу смерти, оглашая воздух рычанием и воем. Когда охотников и хищников разделяло не более тридцати шагов, Браан взмахнул рукой и поло-

вина лучников левой колонны, новички, выстрелили. Три рыкуна упали, еще два, шатаясь, попятились — стрелы попали им в бока. Браан взмахнул рукой еще раз, и в воздухе победно запели стрелы ветеранов. Еще четыре хищника рухнули на землю. Немногие оставшиеся в живых и еще способные двигаться повернули назад; стрелы торчали из них, как перья. Охотники громким криком приветствовали свой успех и тут же затянули песнь смерти, отдавая должное поверженному врагу.

— Отлично, воины! — воскликнул Браан. — Соберите свои стрелы и вперед!

Ликующие охотники рассыпались по полю битвы, подбирая драгоценные стрелы. Воины Краага приступили к разделке туш, скатывая снятые шкуры-трофеи, которые скоро станут тяжелой ношей и предметом зависти оставшихся дома. Вождь ничего не сказал, он и сам помнил, с какой гордостью принес свою первую шкуру убитого им рыкуна. А сколько их было потом!

— Эй, да это Мак и Джокко! — воскликнул вдруг О'Тул, указывая в сторону реки. Он закричал и замахал руками, привлекая внимание возвращающихся разведчиков. На плечах — шест с каким-то грузом. Буккари с завистью смотрела на них, пытаясь угадать, что же такое они несут. Она была довольна походом и с гордостью оглянулась на набитые зерном рюкзак.

— Наверное, убили какого-то зверя, — ска-

зал Джонс. О'Тул сбежал к берегу, чтобы помочь Макартуру и Честену. — Похоже на небольшого оленя. Посмотри на эти рога! Да и рюкзаки у них не пустые!

— С возвращением! — сказала Буккари и протянула руку.

Макартур опустил глаза, смущенный этим простым жестом. Потом посмотрел прямо в глаза Буккари, широко улыбнулся и крепко пожал ее руку. Она с улыбкой прервала затянувшееся приветствие и поздоровалась с Честеном. Великан обошелся с ней гораздо мягче.

— Мак, позволь, я покажу лейтенанту те корешки, что ты ей принес... ну, клубни! — взволнованно воскликнул Честен. Не дожидаясь ответа, он опустил на землю рюкзак и принялся расстегивать замок.

— Капрал Макартур, вы принесли мне подарок! — совсем по-девичьи воскликнула Буккари и захлопала в ладоши.

Все рассмеялись, шутка удалась. Макартур потупился, но даже густая борода не смогла скрыть румянец, заливший лицо капрала.

— Валяй, Джокко, — кивнул он, откашлявшись. — Какая разница, кто его покажет. Мы же с тобой вместе...

Честен не терял времени. Он подошел к Буккари и распахнул рюкзак. Буккари опасливо опустила в мешок руку и вытащила красновато-коричневый клубень размером с кулак, весьма напоминавший картофелину. Она подняла глаза и улыбнулась.

— И каково это на вкус?

— Мы их варили, — ответил Честен. — Похоже на сладкий картофель.

— Мы видели, как их выкапывали медведи, — добавил капрал. — Им, кажется, нравилось.

— Съели штук пятьдесят, не меньше, — похвастался Честен. — Осторожно! Из-за них может случиться... э... в общем, заболит живот, — он покраснел.

— Особенно, если съесть штук пятьдесят! — рассмеялась Буккари.

Браппа с трудом заставлял себя переставлять ноги. С каждым шагом лямки мешка все больше врезались в плечи, ныла спина, перед глазами мелькали черные круги. Плохо было не одному ему. Рядом слышалось тяжелое дыхание товарищей, кто-то всхлипывал. Серые от усталости лица давно уже не освещались улыбками. Наконец, показались скалы.

Это произошло на третий день пути, и поначалу все воспряли духом. Небо прояснилось, дождь, поливавший их все предыдущие дни, перестал. Но вскоре радость померкла. Они шли уже целых два дня, а скалы все не становились ближе. Притягивая и маня, вызывая надежды и мечты, далекий дом лишь еще больше расслаблял охотников. Кроме того, Браппа никак не мог избавиться от соли, казалось, забившей ноздри и рот. Он кашлял, чихал, но вкус и запах не проходили. Ночи почему-то были гораздо короче дней, и сон не приносил облегчения. Да и какой это сон! Браппу постоянно мучил один и тот же кошмар — его засыпало солью. Так что пробуждение, не принося

отдыха телу, все же избавляло от жутких видений. Зато днем мучила жажда, во рту пересыхало, как от пыли. Болели глаза. Но юный воин не жаловался.

— Как ты себя чувствуешь, мой друг Браппа? — спросил его воин Кроот.

— Путь долог, Кроот. Теперь я узнал себя.

— Тогда ты благословен подлинным знанием, мой друг Браппа.

Они прибавили шаг. Колонна растянулась, авангард уже скрылся за горизонтом. Сзади послышался свист, призывавший охотников поспешить. Браппа стиснул зубы и сократил интервал.

— Сегодня вечером будет вода, — сказал Кроот. — Мы остановимся на ночь у источника. Вот почему колонна так растянулась. Все так хотят смыть с себя соль! Вот и спешат.

У Браппы уже не было сил спешить куда бы то ни было, но при мысли о воде рот наполнился слюной. Он сглотнул и снова ощутил вкус соли. Браппа невольно зашагал быстрее.

Они уже вышли к водопаду — месту, где долина выходила к большой реке. Внизу бился и кипел мощный поток, являя собой поразительный контраст со спокойным величием долины. Группа Буккари возвращалась назад на плато. Единственное, что портило ей настроение, это постоянно гнетущая мысль о том, что из-за упрямства Квинна зимовать придется не здесь.

Рюкзак, казалось, были набиты свинцовы-

ми слитками. Честен и Джонс тащили зерно, палаточное снаряжение, а оленину поделили между собой остальные трое. Буккари уже стерла плечи до крови, а ведь идти еще так долго! И мы не возвращаемся домой, с грустью подумала она, мы покидаем его!

Погода переменилась: ветер дул с юга, температура слегка повысилась, и мутный свет зари едва пробивался сквозь угрюмые серые облака. Пошел снег, первые снежинки мягко опускались на землю, еще не отошедшую от ночного морозца. Через два-три часа снег усилился, заметая следы охотников. К полудню все вокруг уже белело, а видимость значительно ухудшилась. Колонна подтянулась, разведчики напряженно вглядывались в сплошную пелену, соединившую небо и землю: как бы не пропустить рыкунов.

Браппа брел, не поднимая головы, замечая перед собой лишь следы впереди идущего носильщика. Он уже не чувствовал боли, усталости, тяжести мешка с солью, превратившись в некий заведенный механизм, который поднимал ногу, переносил ее вперед и ставил на землю, прежде чем тело, лишившись опоры, успевало упасть. Как ни странно, он ни разу не споткнулся. Время от времени Браппа поднимал глаза, надеясь вдруг обнаружить, что скалы стали ближе, забывая о снегопаде. Он уже начал подумывать, что не дойдет, а умрет и останется лежать здесь.

— Ты заслуживаешь похвалы, мой друг Браппа, — пропыхтел идущий следом юный воин Кроот. — Наш вождь, Браан, может гордиться своим сыном.

— Благодарю тебя, мой друг Кроот, — ответил Браппа, — твои слова ободряют меня, но не растрачивай энергию попусту. Нам еще далеко.

— Ты, очевидно, хорошо себя чувствуешь, если еще способен говорить.

— Кроот, друг мой, замолчи!

— Очень хороший совет!

— Вы как, лейтенант? — спросил Макартур, замедлив шаг и немного поотстав. Лес поредел, рев далекой реки едва доносился. Буккари подняла глаза, стараясь не показать, как ей больно.

— Я о'кей, капрал, — пробормотала она и невольно вздохнула. Заметив, как обеспокоенно он нахмурился, Буккари улыбнулась. — Ничего, я справлюсь, — она прекрасно понимала, что самый трудный участок пути — наиболее крутой подъем — еще впереди.

— Вы настоящий матрос, лейтенант, — тихо сказал Макартур.

— Спасибо, — она отвернулась, улыбку сменила гримаса боли, но все же комплимент приятно согрел душу.

— Черт! Опять снег начинается! — воскликнул Джонс, бросая взгляд в потемневшее небо.

Словно в подтверждение его слов, порыв

ветра швырнул им в лица пригоршню сухого колючего снега, зашелестели иголки на деревьях.

— Хорошенькая пурга приближается, — заметил Макартур. — Давайте прибавим. Нам надо подняться, пока еще не намело. Иначе застрянем надолго.

— Еще далеко? — спросила Буккари.

— Не знаю, — ответил Макартур. — Но мы можем оказаться в весьма неприятном положении.

Они опустили головы, спрятав лица от ветра, и побрели вверх по склону.

Ураган бушевал вовсю, и Браан встал во главе колонны, пробираясь через снежные вихри. Мир сузился для него до неясной белой полусферы — всего несколько шагов в диаметре. Следом за ним брели носильщики, буквально разгребая сухую белую крупу. Вождь остановился, пытаясь определить свое местоположение. Долина находилась где-то впереди, рядом, но даже Браан не был уверен в себе.

Откуда-то издалека донесся слабый свист. Его поникшие плечи подняла надежда — поисковая группа! Браан изо всех сил засвистел в ответ. Сквозь завывание ветра слышались приглушенные крики. Еще один свист! Теперь вождь уже сориентировался и направился в нужную сторону. Из белой мглы выросли неясные фигуры. Охотники!

— С возвращением, о Браан, вождь охот-

ников! — свистнул Куудор. Снег лежал на его плечах и спине. Рядом с ним, дрожа от возбуждения и холода, переминались два стража.

— Приветствую тебя, о Куудор! — прочитал Браан. — Твое присутствие согревает наши сердца. Трудный поход, но успешный. Твои ученики оказались достойны учителя. Все показали себя отлично и возвратились воинами. Удача сопутствовала нам во всем, кроме одного: мы потеряли верного воина. Храбрый Тинн из клана Ботто ушел к своим предкам.

Куудор опустил глаза и вздохнул. Чего было больше в этом вздохе — радости от возвращения соплеменников или горести от утраты друга? Куудор повернулся к одному из стражей и приказал побыстрее возвращаться домой с радостным известием — старейшие ждут.

— Стражи ждут вас, — сказал Куудор. — Теперь ваша ноша станет нашей. Пошли.

Он шагнул вперед, протянул Браану накидку из шкуры рыкуна и снял с его плеч тяжелый мешок с солью. Браан облегченно вздохнул и набросил накидку на кровоточащие плечи. Вождь свистнул, и колонна двинулась дальше. Впереди их уже ждали, и когда носильщики подошли к следующему посту, еще один страж взял у одного из охотников мешок и занял его место. И снова в путь, до следующего живого маяка. Носильщики, снимая с себя тяжкое бремя, словно рождались заново. Они миновали долину, перешли реку по скользкому оледенелому мосту. Впереди еще был крутой подъем, но теперь их силы и энергия удвоились.

Лес кончился совершенно внезапно. Группа вышла на опушку, впереди начинался крутой подъем. Макартур остановился и оценивающе оглядел склон.

— Что смотришь? — спросила Буккари. — Ведь нам все равно придется подниматься.

— Не знаю, — ответил Макартур, поворачиваясь к ней. — Мы можем забраться наверх и оказаться в тупике.

— И что ты предлагаешь?

— Мне... страшно, — он посмотрел в ее глаза.

Буккари покачала головой. Облака сгущались, напоздали друг на друга. Снова пошел снег.

Разведчики обнаружили длинноногих на соляном пути, чужаки стояли у самого склона.

— Они блокировали нам путь, о вождь, — сообщил разведчик. Охотники вглядывались в снежную мглу, придерживая края развевающихся накидок.

— Верно, вождь, — сообщил Ботто. — Мы не сможем пройти, но длинноногие беспечны. Мы можем напасть на них и победить.

Остальные разведчики согласились с мнением воина. Куудор тоже склонялся к прямым действиям. Ураган бушевал всюду, делая дорогу все более опасной.

— Ждите здесь, — приказал Браан.

— Легче уже не будет. Пора двигаться, — настаивала Буккари. — Мы и так уже потеряли много времени.

— Двигаться куда, лейтенант? — спросил Макартур. — Где дорога?

Буккари злилась, а когда она злилась, то забывала о здравом смысле. Чувствуя нарастающее раздражение, лейтенант молча смотрела в клубящиеся вихри.

— Макартур! Лейтенант! — прошептал вдруг О'Тул. — Позади вас...

Буккари повернулась. В десяти шагах от нее стояло одно из крылатых существ, подняв руки с раскрытыми ладонями. Она заставила себя сохранять хладнокровие, в конце концов, кто здесь старший?

— Кажется, это наш знакомый, — тихо сказала Буккари. — Посмотрите на его шрамы.

— Да, мы с ним встречались, — согласился Макартур и поклонился. — Когда мы возвращали Тонто, этот парень был там. Должно быть, это их босс, лейтенант. Посмотрите! У него нож Татума.

Существо шагнуло вперед. Оно казалось взволнованным и испуганным. Размахивая ножом, оно указало на гору, затем на свою грудь. После этого существо вложило оружие в ножны и несколько раз согнуло и разогнуло пальцы обеих рук. При этом оно продвигалось вперед, как бы заставляя людей отступить, но не приближаясь вплотную.

Астронавты озадаченно переглянулись. Что

бы это могло означать? Буккари подошла к нему, указала на себя, на своих товарищей и вернулась на место. Существо снова повторило свой жест, на этот раз, как ей показалось, более нетерпеливо.

— Он хочет, чтобы мы отступили, лейтенант, — сказал Макартур.

— Я тоже так думаю, — ответила Буккари. — Давайте так и сделаем.

Они подняли свои рюкзаки и отошли к деревьям. Существо свистнуло, из белой мглы донесся приглушенный ответный свист, потом еще и еще, но уже дольше и глуше. Спустя несколько минут из снежной пелены показались первые разведчики. Нервно поглядывая на людей, они прошли мимо. После разведчиков появились остальные. Крылатые существа шли медленно, один за другим, согнувшись под тяжестью огромных мешков. Сколько же их было? Наверное, несколько десятков. Снег все падал, становилось холоднее, а они все шли.

— Кто-нибудь считает? — спросил Джонс.

— Где-то около полутора сотен, — ответила Буккари.

— Сто шестьдесят два, — сказал Макартур. — Примерно треть из них с мешками.

— Похоже, ребята изрядно устали, — заметил О'Тул. — Интересно, что у них в мешках?

— Продовольствие, наверное, — предположила Буккари. — Возможно, запасы на зиму.

Колонна существ исчезла из вида. Последние шли налегке. Трое задержались, в том числе и тот, что подходил к людям. Их силуэты неясными фигурами маячили в белой пеле-

не. Буккари подняла свой рюкзак и, болезненно поморщившись, одела лямки. Макартур помог ей.

— Уф! Спасибо, — сказала она, глядя под ноги. Потом обвела всех взглядом и скомандовала: — Пошли! Они ждут нас! — она повернулась и стала карабкаться вверх по крутому склону, где их дожидались аборигены. Когда Буккари одолела примерно половину разделявшего их расстояния, обитатели скал повернулись и тоже стали подниматься.

ГЛАВА 24. АГРЕССИЯ

Штабную машину занесло на повороте, и Горрук с трудом удержался на месте, ухватившись за поручни. Автостабилизаторы мгновенно погасили инерцию, и генерал снова прислушался к тому, что говорил адъютант.

— Третья армия напала в пустыне на шесть танковых дивизионов и ведет тяжелые бои, неся значительные потери. Шестая армия войдет в зону действия радаров противника через пятнадцать минут — она пока еще не обнаружена.

Облаченный в боевую униформу, Горрук кивнул, подтверждая, что принял сообщение. Его машина шла за наступающими частями Шестой армии, чьи танки уверенно катили вперед по пустынной равнине, оставляя за собой шлейф песка. На какое-то время генерал перевел взгляд с тактического дисплея на огромный панорамный экран: открылась пустыня, но сегодня ее однообразный и скучный пейзаж оживляли десятки танков и боевых машин, наступающих широким — до самого горизонта — фронтом; то и дело попадались неисправные бронетранспортеры и грузовики группы снаб-

жения. Пожалуй, их становилось слишком много, с раздражением подумал Горрук. То, что экипажи машин обречены на смерть в этих безжизненных песках, его не тревожило; в конце концов, это война, а значит, не обойтись без жертв.

Экваториальные пустыни Криона представляли собой широкие, выжженные солнцем пояса безопасности, созданные самой природой и служившие надежными барьерами между Севером и Югом. Конфликты — по большей части, мелкие стычки экономического характера — случались нередко, но до крупных военных столкновений дело, как правило, не доходило. Войны между двумя полушариями казались невозможными. Перед эрой Правления Генералов они даже вели торговлю, и через пустыни пролегали коммерческие пути, что стало возможным благодаря взаимной поддержке и содействию. Эти связи еще до вторжения являлись основой экономического процветания всей планеты, так что отсутствие их в настоящее время являлось серьезной помехой в развитии Севера. Джук Первый был твердо убежден, что восстановление экономических контактов, в какой бы форме оно не произошло, будет содействовать решению многих проблем, что в конечном итоге только укрепит его власть.

Горруку было поручено разработать стратегический план военных действий. После долгих лет мучительных размышлений, анализа данных и приготовлений, когда даже неукротимый гене-

рал был вынужден признать ничтожность шансов на успех, произошло редкостное метеорологическое явление. При прохождении Крионом вблизи своей околосолнечной орбиты на звезде была отмечена небывалая вспышка активности. Астронавты и метеорологи вынесли заключение, что аномальная терморрадиация вызовет нарушение теплового атмосферного баланса, а это, в свою очередь, скажется на отклонениях в погоде. Атмосферный экватор слегка отклонится на время полного цикла большой луны. Горрука известили об этом событии, и он, верный своему характеру, тут же распорядился развернуть крупные военные силы. Армии должны быть готовы, если прогнозы окажутся точны.

Ученые наблюдали, и вскоре ожидания оправдались: по всей планете стали отмечаться нарушения чрезвычайно стабильной на Крионе погодной системы, тут и там возникали местные аномалии, обычно случавшиеся не чаще одного-двух раз в столетие. Предсказания метеорологов сбывались. Целые области северного полушария, обитаемые в обычных условиях, были выжжены. Над колосющимися полями пронеслись раскаленные ветры, оставив после себя голые пустоши. Фермеры плакали и покидали дома. Зато на другой части планеты небо над засушливыми бесплодными пустынями затянули облака. Немыслимая жара ушла, уступив место умеренному теплу, и непроходимые прежде места оказались доступными.

Горрук немедленно собрал своих генералов. Пришло время большого удара, сказал он.

Нужно поставить на карту все для достижения глобального стратегического перевеса. Восемь армий Гегемонии двинулись на Юг. Впереди шли бронекolonны и мотопехота. И вся эта грозная сила неумолимо катилась сейчас через пустыню.

Конечно, Горрук предпочел бы находиться на острие атаки, сойтись лицом к лицу с врагом, помериться с ним силой, увидеть, какой ужас внушает противнику его неодолимая мощь и непревзойденная атака; наступить на горло поверженному неприятелю — вот в чем радость войны, вот та страсть, которая владела генералом. Но, будучи Верховным Главнокомандующим, он понимал, что подобные тактические удовольствия не для него — приходилось избегать прямого вовлечения в конфликт. Рисковать нельзя, кто же будет принимать решения? Жаль, но генералам необходимо довольствоваться своим местом в арьергарде.

Закодированные сообщения подтверждали успех наступления. Его агенты еще работали, но вскоре, несомненно, их обнаружат и уничтожат. Все восемь армий рвались вперед, приближаясь к намеченным целям. Единственный неприятный сюрприз — выход танковых дивизионов противника в сектор девять. Что же, значит, не повезло генералу Киларрку. Вероятно, сейчас его Третью армию рвут в клочья, а подкреплений не будет — таковы суровые законы войны.

— Хорошо, мы идем по плану, — сказал Горрук. — Что у нас со стратегическими ра-

кетными силами? Они уже поддержали Шестую?

— Да, генерал. Первая волна ракет уже в воздухе, истребители и бомбардировщики готовы к взлету.

Горрук посмотрел в небо. Облака рассеивались, как и было предсказано. В любой момент авиация поднимется со своих позиций.

— За исключением Третьей армии, все идет хорошо, генерал, — заметил адъютант. — Первая и Пятая уже вышли на намеченные рубежи и преодолели оборонительные линии врага. Противник совершенно деморализован.

— Конечно, — ответил Горрук.

— О, Высочайший, — униженно умолял Эт Каласс, понимая, что поступает недостойно своего положения. — Но мы уже много сделали. У нас есть фотографии и видеокассеты. Наверняка установлено, что один из их космических кораблей потерпел крушение. Мы должны...

Джук восседал на подушках, презрительно слушая своего министра.

— Слишком поздно, — сказал Верховный Лидер. — Жребий брошен, повернуть вспять нельзя — слишком крупные силы уже приведены в действие. Мы в состоянии войны, а война — это все, — словно ставя точку в этом разговоре, вдали пророкотал гром, потрясший огромный дворец: одна из вражеских ракет,

пущенных скорее от отчаяния, долетела до столицы. Джук даже не пошевелился.

— Доблестные войска генерала Горрука захватили надежный плацдарм в южном полушарии, — продолжал Джук. — Сегодня армии Севера одержали победу. Она превзошла все самые смелые наши ожидания. Генерал Горрук преодолел пустыню. Через пару недель мы войдем в их индустриальные центры. Капитуляция противника — это вопрос времени.

— Четверть миллиона крионцев погибли, — вырвалось у Эт Каласса. — Дорогая цена.

Джук метнул в сторону министра злобный взгляд.

— Дорогая? Ну нет! Это всего лишь скромная дань псам войны. Мы воюем. Чего вы ждете? Неужели непонятно? Горрук *пересек* пустыню! Имперские войска одержали победу! Это триумф!

— Пусть Горрук пересек пустыню, — не сдавался Эт Каласс, — но ведь инопланетяне способны пересечь Вселенную. Мы упускаем редчайшую возможность.

Джук вскочил и уже открыл рот, собираясь заорать, но усилием воли удержал эмоции и опустил на подушки.

— Я читал ваши доклады, — спокойно сказал он. — И разделяю ваше мнение, министр. Завладеть секретами кораблей пришельцев — задача первостепенной важности. Однако в данный момент я должен уделять основное внимание военным вопросам.

— Да, Высочайший, — сказал Эт Каласс. — И...

— Мне сказали, что сейчас в зоне поисков установилась зима, — продолжал Джук. — Суровое время года на этой, столь неприспособленной для жизни планете. Какими возможностями мы сейчас располагаем? Что вы можете сделать? Чего ожидаете от меня? Разве нельзя подождать до следующего года или немного больше?

— Моя научная группа остается на Генеллане, о Высочайший, — умоляюще произнес министр. — Шаттл Горрука вывез воинский персонал, но оставил Эт Авиана. После начала войны у нас уже не было такой возможности.

— Мы на войне, министр. Все ракеты-носители зарезервированы для главной цели. Насколько я знаю, тем, кто остался на Генеллане, ничего не угрожает. При необходимости мы доставим им все, что нужно, — Джук взглянул на Эт Каласса со своего возвышения. — Вы свободны.

Поняв, что логика — не совсем удачное оружие для того, чтобы преодолеть упрямство правителя, министр повернулся и вышел из кабинета. Эт Каласс не удивился известию о начале военных действий, но не мог предвидеть того, что Эт Авиан останется на Генеллане, как не ожидал и столь ужасающих успехов Горрука. События вышли из-под контроля. Как уменьшить катастрофические последствия столкновения? Если Северу удастся завершить насильственное объединение, это будет означать провал всех его планов по восстановлению правления знати. Возможно,

этим сейчас и нужно заняться, отодвинув вопрос о пришельцах на задний план. Придется как-то приспособиться к капризам политической реальности. Джук прав: когда воюешь, война — это все.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I	
НОВЫЙ МИР	3
ГЛАВА 1. СРАЖЕНИЕ	5
ГЛАВА 2. СПАСАТЕЛЬНАЯ ШЛЮПКА	19
ГЛАВА 3. ОРБИТА	30
ГЛАВА 4. СОВЕЩАНИЕ	46
ГЛАВА 5. НА ПЛАНЕТЕ	60
ГЛАВА 6. ОБИТАТЕЛИ СКАЛ	77
ГЛАВА 7. ПЕРВАЯ ПОСАДКА	97
ГЛАВА 8. ВТОРАЯ ПОСАДКА	129
ГЛАВА 9. РЕШЕНИЯ	143
ГЛАВА 10. ТРЕТЬЯ ПОСАДКА	145
ГЛАВА 11. ПОСЛЕДНЯЯ ПОСАДКА	166
ЧАСТЬ II	
ОБЩЕСТВА	191
ГЛАВА 12. ВТОРАЯ ПЛАНЕТА ОТ СОЛНЦА –	
КРИОН	193
ГЛАВА 13. ИСПЫТАНИЕ	204
ГЛАВА 14. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ СЛУЖБА	220
ГЛАВА 15. МИЛОСЕРДИЕ	227
ГЛАВА 16. ВОССОЕДИНЕНИЕ	235
ГЛАВА 17. ОТВЕТНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ	252
ГЛАВА 18. ГОРРУК	258
ГЛАВА 19. РАЗВЕДКА	264
ГЛАВА 20. ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА ОТ СОЛНЦА –	
ГЕНЕЛЛАН	281
ГЛАВА 21. СВИДЕТЕЛЬСТВА	294
ГЛАВА 22. В ПОХОД	310
ГЛАВА 23. СТОЛКНОВЕНИЕ	327
ГЛАВА 24. АГРЕССИЯ	350

Литературно-художественное издание

Джир Скотт Г.

ПЛЕННИКИ ГЕНЕЛЛАНА

Роман в двух томах

Том I

Художественный редактор *Барейшин А. А.*
Технический редактор *Соловьева М. Г.*
Корректор *Храменко О. Э.*

Подписано в печать 04.06.96. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Объем 11,5 п. л. Тираж 10 000 экз. Зак. 813.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСИЧ"

СМОЛЕНСК-МОСКВА-САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

8-0812-514100

8-812-5891223

514387

5891228

8-095-9710105

5869898

представляет свои новые книжные серии

- Неразгаданные тайны - подарочная энциклопедическая серия
- Спрут - остросюжетные детективы зарубежных и российских авторов
- Женщина-миф - книги об известных женщинах - ярких личностях
- STAR TREK - уникальная серия фантастических романов популярных американских авторов, издающихся впервые
- ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Наши серии среди самых популярных:

- Спектр
- Тирания
- Алая роза
- Учебная литература
- Сокровищница боевой фантастики и приключений
- Азбука быта
- Диадема
- Детская литература
- Русичи

Приглашаем к сотрудничеству библиотеки и бибколлекторы

Книги «РУСИЧА» и других ведущих издательств – по издательским ценам!

По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:

Фирма «Русич-сервис»

(Книга-почтой. Каталог высылается бесплатно.

Отправка заказов наложенным платежом)

117574, Москва, а/я 183, тел/факс: 421-91-08

421-91-08

421-91-08

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

